

ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

ПИСЬМА В. П. ТУРГЕНЕВОЙ к И. С. ТУРГЕНЕВУ (1838—1844)

Подготовка текста В. А. Лукиной,
комментарии С. Л. Жидковой и В. А. Лукиной

Часть I

Представленные в настоящем сборнике 10 писем за 1838 год к И. С. Тургеневу его матери Варвары Петровны Тургеневой (урожд. Лутовиновой; 1787—1850) открывают публикацию большого блока сохранившихся писем (124), охватывающих период с 1838 по 1844 год.¹ Летом 1914 года их приобрела Императорская публичная библиотека (ныне Российская национальная библиотека) вместе с другими документами обширного семейного архива Тургеневых.² Имя того, кто предложил семейный архив писателя в Публичную библиотеку, осталось, очевидно, по желанию владельца, неизвестным, однако можно предположить, что они хранились в семье Я. П. Полонского, которому писатель в свое время поручил забрать находившиеся в имени бумаги до дальнейших распоряжений.

Письма поступили в Отдел рукописей в сильно поврежденном виде: многие из них истлели, оборваны по краям, текст частично утрачен, частично выцвел и не всегда поддается прочтению. Плохая сохранность рукописей, по всей видимости, послужила толчком к изготовлению копий, которые были выполнены двумя разными переписчиками и переданы вместе с архивом в том же 1914 году.³ Значение этих

¹ Письма И. С. Тургенева к матери не сохранились. Скорее всего, они были уничтожены ею, как и письма других родственников.

² См.: Краткий отчет Рукописного отдела за 1914—1938 гг. / Под ред. Т. К. Ухмыловой, В. Г. Геймана. Л., 1940. С. 229. Помимо писем В. П. Тургеневой к И. С. Тургеневу, в Отделе рукописей РНБ содержатся ее письма к Николаю Сергеевичу, письма к И. С. Тургеневу старшего брата, дяди Н. Н. Тургенева, бабушки Е. П. Тургеневой и дяди А. Н. Тургенева, а также письма знакомых, входивших в круг общения молодого Тургенева в 1830-е — 1840-е гг. (Р. Е. Гринвальда, И. Юрьева, М. Д. Ховриной, А. П. Ефремова и др.) и другие материалы. В настоящее время все эти документы являются частью архива И. С. Тургенева (Ф. 795). См.: Рукописи И. С. Тургенева: Описание / Составлено Р. Б. Заборовой под ред. М. П. Алексеева. Л., 1953. Далее в ссылках — *Описание рукописей РНБ*, с указанием страниц.

³ Копии писем присоединены к архиву И. С. Тургенева, см.: *ОР РНБ. Ф. 795. № 98* (далее — *Копия 2*) и № 99 (далее — *Копия 1*). См.: *Описание рукописей РНБ. С. 125—126.*

копий трудно переоценить: во многих случаях они являются единственным источником для восстановления утраченных в дальнейшем, несмотря на проведенную реставрацию, фрагментов текста.⁴ На протяжении более 90 лет именно к копиям в основном обращались десятки исследователей творчества и биографии Тургенева. Тем не менее сверка с автографами показала, что эти копии далеки от совершенства и к ним следует относиться с известной долей осторожности. Прежде всего, они неполны, в ряде случаев пропущены отдельные слова, существенные фрагменты текста или отсутствует само письмо. Кроме того, в них встречаются неверные прочтения и ошибки (особенно в иностранных словах) и т. д. Несомненно, уцелевшие копии делались по заказу кого-то из исследователей тургеневского творчества (скорее всего, Н. К. Пиксанова) начинающими текстологами (возможно, членами Тургеневского кружка Н. К. Пиксанова, в который входили слушательницы Петроградских Высших женских курсов, напр. И. М. Малышевой).

Насущная необходимость издания писем к Тургеневу его матери уже давно была отмечена тургенедами, в особенности потому, что именно ранний период его становления мало зафиксирован в документальных материалах. Огромная заслуга в деле изучения и анализа писем В. П. Тургеневой принадлежит их первой исследовательнице, ученице Н. К. Пиксанова Инне Михайловне Малышевой, опубликовавшей в 1915 году значительные отрывки из этих писем в двух работах, которые не потеряли своего научного значения до сих пор.⁵ Эти статьи положили начало пересомнению сложившихся представлений о самой Варваре Петровне и о ее отношениях с сыновьями. «До сих пор, — писала И. М. Малышева, — исследователям приходилось опираться на немногочисленные воспоминания очевидцев, память которых раскрашивала действительность в самые трагические краски, в этих, большей частью неглубоких, воспоминаниях авторы недооценили женщину незаурядную, щедро одаренную, крупную по уму, наделенную нежнейшим материнским чувством, полную самоотвержения, хотя в то же время гордую, властную».⁶ И хотя характеристику личности матери Тургенева, данную Малышевой, нельзя не признать слишком завышенной, в главном исследовательница была права — решать сложный вопрос об отношениях матери с сыном так, как его решали ранее, или вообще игнорировать значительную роль Варвары Петровны в становлении Тургенева было невозможно при наличии столь большого пласта сохранившихся документов.

Несколько более сдержанным было заключение М. К. Клемана, который обратился к письмам В. П. и С. Н. Тургеневых в статье «Русский язык и литературные интересы в семье Тургеневых». Будущий автор многочисленных публикаций тургеневских материалов и книги «Иван Сергеевич Тургенев. Очерк жизни и творчест-

---

Следует отметить, что эти копии не равнозначны по качеству и количеству представленных в них писем. По ним хорошо видно, что уже на момент поступления в Публичную библиотеку письма не всегда полностью поддавались прочтению.

⁴ Кроме того, письмо от 14 (26) марта 1839 г. вообще известно только в копии, оригинал его утрачен. Фотокопии этих копий были в свое время переданы в Орловский государственный литературный музей И. С. Тургенева и в Государственный мемориальный и природный музей-заповедник И. С. Тургенева «Спасское-Лутовиново» и хорошо известны музейным сотрудникам.

⁵ См.: *Малышева И. М. Письма матери (Из неизданной переписки В. П. Тургеневой с сыном) // Тургеневский сборник. Новооткрытые страницы Тургенева. Неизданная переписка. Воспоминания. Библиография / Под руководством Н. К. Пиксанова. Пг., 1915. С. 24—48; Ее же. Мать И. С. Тургенева и его творчество: По неизданным письмам В. П. Тургеневой к сыну // Р Мысль. 1915. № 6. С. 99—111; № 12. С. 110—120.*

⁶ *Малышева И. М. Письма матери (Из неизданной переписки В. П. Тургеневой с сыном). С. 24—25.*

В. П. Тургенева. Миниатюра неизв. художника

ва» (Л., 1936),⁷ а также составитель первой и не утратившей научной ценности «Летописи жизни и творчества И. С. Тургенева» (М.; Л., 1934) в одной из ранних своих статей писал: «Биографическому исследованию жизни И. С. Тургенева предстоит коренная переработка всех ранее сложившихся мнений о детстве писателя. Привлечение новых материалов осветит его нам, вероятно, иначе, но уже и сейчас те скудные фактические данные, которыми мы располагаем, заставляют думать, что отец и мать влияли на развитие его литературных способностей гораздо больше, чем принято думать. У них были, во всяком случае, все средства для благотворного развития».⁸

Из писем Варвары Петровны перед читателем предстает образ женщины, безусловно, любящей своих детей, желающей «подстроиться» под их интеллектуальный уровень (в первую очередь Ивана Сергеевича), встать вровень с ними. Отсюда многочисленные подчеркивания своей начитанности, избыточное использование иностранных слов и выражений (далеко не всегда грамотное), утверждение собственного превосходства над средой поместного дворянства, занятого, по ее мнению, в основном сплетнями и игрой в карты и т. д. От внимательного читателя не укроется при этом явное желание Варвары Петровны представить себя в выгодном свете, идеализировать свое отношение к мужу и детям и т. д.

Так, желание обсуждать с сыном литературные новинки не мешало ей скептически относиться к его собственному творчеству. Все это не могло укрыться от зоркого взора самого Тургенева, который позднее вспоминал: «мать моя была женщиною, вполне вливавшеюся в форму XVIII-го и первых десятилетий XIX-го века. Пушкина она едва-едва признавала за замечательного писателя, но литературу русскую далее Пушкина положительно не признавала. Поэтому, хотя она умерла в 1850 году, т. е. когда я уже лет семь как деятельно участвовал в журналах, она не признавала во мне писателя, да и ни одной статьи моей, ни даже „Записок охотника“ совершенно не читала».⁹

⁷ Среди работ М. К. Клемана, посвященных истории семейных отношений писателя, можно назвать: *Из юношеских лет Тургенева (Новые материалы)* // Посев. Лит.-крит. и науч.-худож. альманах. Одесса, 1921. С. 87—89; *Отец Тургенева в письмах к сыновьям* // Тургеневский сборник / Под ред. А. Ф. Кони. Пб., 1921. С. 131—143 и др.

⁸ Клеман М. К. *Русский язык и литературные интересы в семье Тургенева* // Литературная мысль. Альманах. Пг., 1923. Вып. 2. С. 229.

⁹ Z*** <Майков Л. Н.> Иван Сергеевич Тургенев на вечерней беседе в С.-Петербурге 4-го марта 1880 г. // *РСт.* 1883. Т. 40. № 10 (Октябрь). С. 202.

С другой стороны, письма Варвары Петровны позволяют частично представить себе содержание недошедших до нас посланий самого Ивана Сергеевича к матери. Он явно не торопится с ответами, нередко пренебрегает ее просьбами и не стремится раскрыть перед нею свой духовный мир, что особенно раздражает его корреспондентку. Просьбы поделиться самым сокровенным становятся все настойчивей, а естественное желание приехать к сыну и побыть рядом с ним оборачивается почти угрозой. Со страниц писем В. П. Тургеневой возникает образ сложной, противоречивой, без сомнения, неординарной и глубоко несчастной женщины, которая не смогла осуществить ни одного из своих заветных желаний — создать настоящую семью, завоевать любовь и уважение мужа и детей, войти в светское общество.¹⁰

Попытки подготовить письма В. П. Тургеневой предпринимались неоднократно, в том числе и в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, однако по разным причинам реализация этого проекта откладывалась. Достаточно широко использованы письма Варвары Петровны в 1-м томе «Летописи жизни и творчества И. С. Тургенева», подготовленном Н. С. Никитиной,¹¹ к ним неоднократно обращались как биографы, так и исследователи творчества Тургенева. Ряд успешных разысканий на основе писем В. П. Тургеневой к сыну сделал, например, Н. М. Чернов.¹² Тем не менее вряд ли есть основания не согласиться с современным американским исследователем творчества Тургенева Дж. Райсом в том, что использование писем по существующим ныне публикациям возможно только с оговорками, поскольку до сих пор отсутствует четко выверенная хронология писем и обстоятельства, в них изложенные, изучены в тургеневедении недостаточно.¹³

¹⁰ Об этом свидетельствуют, например, письма ее троюродной тетки В. И. Бакуниной (урожд. Голенищевой-Кутузовой) к мужу М. М. Бакунину. Зимой и весной 1837 г. Бакунины часто бывали на воскресных вечерах у Тургеневых в Петербурге. Так, 12 января 1837 г. В. И. Бакунина писала: «Обедали мы у Тургеневой, которая так же или еще более тошна, чем была, и корчит „знать“: не смеет перед обедом свеч подать, а мы опоздали, и впотмах нас встречала. Она не разочла, что, напротив, у „высшей знати“ всегда до обеда подают свечи, потому что обедают в шестом часу или в шесть. У ней и с ней такая тоска, что мы в седьмом часу возвратились домой, чтобы вечер отдыхать и пораньше лечь спать» (см.: *Сидоров И. С.* «Несчастливые вечера» (Тургеневы в Петербурге в начале 1837 года) // Тургеневский сборник. К 180-летию со дня рождения И. С. Тургенева. М., 1998. Вып. 1. С. 15).

¹¹ Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1818—1858) / Составитель Н. С. Никитина. СПб., 1995. Кроме того, письма Варвары Петровны привлекались в Полном собрании сочинений и писем И. С. Тургенева (в комментариях), а также при составлении указателя «Утраченных писем И. С. Тургенева» (см.: *Хмелевская Е. М.* Утраченные письма И. С. Тургенева (1838—1856) // *Т Сб.* Вып. 1. С. 345—367). Предпринятая в 2004 г. попытка Л. И. Скоковой опубликовать некоторые письма В. П. Тургеневой к сыну не может быть признана удовлетворительной, поскольку письма приводятся по копиям, с большим количеством пропусков и ошибок (См.: «В тебе полагала я всю мою славу...» / Публ., вступление и коммент. Л. И. Скоковой // Октябрь. 2004. № 8. С. 148—162).

¹² *Чернов Н. М.* Повесть И. С. Тургенева «Первая любовь» и ее реальные источники // Вопросы литературы. 1973. № 9. С. 225—241 и др. В этой связи интересна также статья Дж. Райса, посвященная творческой истории «Первой любви», см.: *Rice James L.* Turgenev's Mother and Other Problems of «First Love» // *O RUS! Studia litteraria slavica in honorem Hugh McLean.* Berkely, 1995. P. 249—260, хотя некоторые выводы, к которым приходит исследователь, не всегда представляются бесспорными.

¹³ *Rice James L.* Varvara Petrova Turgeneva in Unpublished Letters to Her Son Ivan (1838—1844) // *Slavic Review.* 1997. N 1 (56). P. 2.

Письма Варвары Петровны ценны прежде всего как источник биографических сведений о самом И. С. Тургеневе и о других членах его семьи. В частности, они помогают восстановить маршрут передвижения Тургенева за границу в 1838 году, слабо освещенный в литературе о писателе,¹⁴ вводят в научный оборот большое количество новых имен из берлинского и орловско-мценского окружения писателя, уточняют даты знакомств с целым рядом известных деятелей 30-х—40-х годов, дают представление об увлечениях молодого Тургенева (театр, музыка, путешествия и т. д.), знакомят с некоторыми бытовыми подробностями его поведения, например, его неумением вести строгий счет деньгам, в чем его постоянно упрекают мать и брат и пр. Хотя в последнем случае нельзя не заметить явного желания Варвары Петровны не только «научить» сына вести счет деньгам, но и использовать его денежную зависимость в целях весьма далеких от воспитательных.

Необходимо также отметить, что в последнее десятилетие наметилась тенденция преувеличивать воздействие матери (скорее даже писем матери) на художественное творчество писателя.¹⁵ В отличие от недавних оценок Варвары Петровны как помещицы-крепостницы, некоего подобия Салтычихи, исследователи несколько поспешно пытаются «реабилитировать» и даже в какой-то степени канонизировать ее образ. При этом явно не учитывается ряд обстоятельств. Прежде всего, несмотря на предоставленные родителями будущего писателя (а не одной только матерью) возможности получения обширных познаний в разных областях науки и искусства, нельзя упускать из поля зрения многие дополнительные факторы, например, наличие в усадьбе Тургеневых богатейшей фамильной библиотеки, собранной не одним поколением владельцев. О том, насколько важно было для юного Тургенева общение с книгой, свидетельствуют не только его собственные признания (в том числе и в художественных произведениях), но и, в частности, последние разыскания сотрудников Орловского государственного литературного музея И. С. Тургенева, которые проводятся под руководством заведующей музеем И. С. Тургенева Л. А. Балыковой, предпринявшей колоссальный труд по описанию мемориальной библиотеки Тургеневых-Лутовиновых.¹⁶ Изучение состава библиотеки и помет, оставленных на книгах, открывает новые грани в постижении творческой лабора-

¹⁴ См., напр.: *Летопись (1818—1858)*.

¹⁵ Левина Е. М. Драматургия И. С. Тургенева 1840—1850-х гг.: Биографические сюжеты и мотивы // Спасский вестник. 2008. Вып. 15. С. 165—176; *Ее же*. Проблема биографизма в творчестве И. С. Тургенева 1840—1850-х годов. Автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. филол. наук. СПб., 2008 и др. Здесь, например, утверждается: «Эпистолярное наследие В. П. Тургеневой оказало значительное влияние на раннее творчество Тургенева, что проявилось на различных его уровнях: языковом, образном, сюжетном, тематическом» (С. 6).

¹⁶ См.: Библиотека Ивана Сергеевича Тургенева. Каталог / Сост. и автор вступ. статьи Л. А. Балыкова. Орел, 1994. Ч. I: Книги на рус. яз. 208 с.; *Balykova L. Les livres français de la bibliothèque de Tourguéniev // Cahiers. N 5 (1988)*. P. 35—41 (где представлен обзор французской части библиотеки Тургенева); *Балыкова Л. А.* Книги Августа фон Коцебу в личной библиотеке И. С. Тургенева // Библиофил. М., 2000. Сб. 1. С. 212—221; *Ее же*. Тургенев — читатель. По страницам мемориальной библиотеки. Орел, 2005. 208 с., а также результаты изучения мемориальной библиотеки, регулярно публикующиеся в «Тургеневских ежегодниках» в Орле: *Жидкова С. Л.* «Древняя российская вивлиофика» в мемориальной библиотеке И. С. Тургенева // Тургеневский ежегодник 2001 года. Орел, 2002. С. 72—75; *Ее же*. В. А. Озеров в восприятии И. С. Тургенева (По материалам мемориальной библиотеки писателя) // Тургеневский ежегодник 2004 года. Орел, 2006. С. 135—139; *Симеонова С. Д.* Корреспонденция Августа Видерта из Германии в газете «Санкт-Петербургские ведомости» // Тургеневский ежегодник 2001 года. С. 75—77 и др. См. также статью Л. А. Балыковой в наст. издании.

тории писателя, рано приобщившегося к миру книги и оставшегося до конца дней одним из ее страстных любителей и почитателей. Кроме того, следует учитывать, что общение Ивана Сергеевича с матерью не исчерпывалось перепиской, хотя и она в полной мере свидетельствует, насколько сложными, а порой и драматическими были эти отношения. В отличие от предыдущих лет в современном тургеневедении заметно отодвигается на периферию история отношений будущего писателя с другими членами семьи (прежде всего с отцом, дядей Н. Н. Тургеневым и старшим братом), с которыми Иван Сергеевич также поддерживал интенсивную переписку. Часть ее сохранилась и нуждается не только во введении в научный оборот, но и в серьезном осмыслении. Нередко, обращаясь к письмам матери, исследователи забывают о том, что к 1838 году (дата первых писем) Тургенев уже далеко не был юнцом, нуждавшимся в поучениях, но сложившейся личностью, за его плечами были Московский и Петербургский университеты, широкий круг знакомств, в том числе и литературных, небольшой, но все же значительный опыт собственного литературного творчества. Рано созревший и феноменально образованный Тургенев уже тогда поражал своих знакомых обширными познаниями и яркой индивидуальностью.

Указанный перекоп в осмыслении подлинного места писем В. П. Тургеневой к сыну, правда, встречается лишь в некоторых работах и не относится к тем в последнее время все чаще появляющимся в печати исследованиям, авторы которых пытаются определить подлинный характер отношений матери и сына, а также выявить языковое своеобразие ее писем.¹⁷

В данной публикации письма В. П. Тургеневой печатаются в основном с соблюдением современных норм орфографии и пунктуации, однако с целью передачи «аромата» эпохи и индивидуального стиля воспроизводятся некоторые характерные особенности авторского написания, не затрудняющие понимание смысла. Так, сохраняется устаревшее написание «Ваничка», «Колинька», «Варинька» и др. («крылушки», «кокетствовать», «латынский», «маральный» и т. д.). В случаях неустойчивой орфографии, варьирующейся от письма к письму (напр., «салу» и «целую»), выявленные колебания в написании сохраняются. Очевидные ошибки, способные ввести в заблуждение читателя и требующие дополнительных комментариев, которые встречаются в письмах Варвары Петровны в написании русских и иноязычных слов, исправляются без оговорок. Пунктуация также частично нормализована (в ряде случаев при отсутствии знаков препинания в сравнительно длинных фрагментах текста произведено логическое деление на предложения, введены запятые в дееспричастных и причастных оборотах и т. д.), однако отдельные характерные особенности (употребление тире внутри фраз и между предложениями, постановка восклицательного знака после «но» и т. д.) сохранены.

Слова, подчеркнутые Варварой Петровной, воспроизводятся курсивом, названия книг, журналов и произведений, встречающиеся в письмах, даются в кавычках.

Письма публикуются по автографам, за исключением уже упомянутого письма от 14 (26) марта 1839 года, которое сохранилось только в копии. Утраченные фрагменты текста, восстанавливаемые по копиям, заключаются в квадратные скобки.¹⁸ Полностью утраченные фрагменты обозначаются следующим образом: [...]. Со-

¹⁷ Балыкова Л. А. К истории конфликта В. П. Тургеневой с сыном Иваном (По материалам переписки и мемориальной библиотеки писателя) // Спасский вестник. 2000. Вып. 7. С. 98—108; Коробкова Н. В. К вопросу о языке писем Варвары Петровны Тургеневой // Спасский вестник. 2002. Вып. 9. С. 173—178; *Ее же*. Оценочные высказывания как средство характеристики языковой личности Варвары Петровны Тургеневой (По материалам писем) // Спасский вестник. 2005. Вып. 13. С. 215—224.

¹⁸ В подавляющем большинстве случаев восстановления произведений по *Копии 1* и поэтому специально не оговариваются. При расхождении прочтения в *Копии 1* и *Копии 2* варианты указываются в редакционном примечании под строкой.

мнительные и предположительные чтения отмечаются в тексте знаком вопроса. В угловых скобках раскрываются сокращения слов, недописанных Варварой Петровной, или слова, дополненные авторами публикации. Слова, не поддающиеся прочтению, обозначаются курсивом как *нрзб.* с указанием количества слов (если их больше одного). Перевод иноязычных слов и фраз дается под строкой в сносках, обозначенных латинскими буквами. Авторские сноски приводятся также под строкой со знаком *.

В целях экономии места в комментариях имя Варвары Петровны (как и другие имена) приводится сокращенно: «В. П.».

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Аргамакова — Аргамакова О. В. Семейство Тургеневых (Отрывок из воспоминаний) // *ИВ.* 1884. Т. 15. № 2 (Февр.). С. 324—336.

Б-ка Тургенева — мемориальная библиотека И. С. Тургенева, хранящаяся в ОГЛИМТ.

Житова — Житова В. Н. Воспоминания о семье И. С. Тургенева / Ред. текста, вступит. ст. и комментарии Т. Н. Волковой. Тула, 1961.

Каталог 1909 — Каталог выставки в память И. С. Тургенева в имп. Академии наук. Март, 1909. 2 изд., с исправлениями. СПб, 1909.

Каталог Б-ки Т — Библиотека Ивана Сергеевича Тургенева. Каталог. Орел, 1994. Ч. 1: Книги на рус. яз.

Колонтаева — Колонтаева В. Н. Воспоминания о селе Спасском // *ИВ.* 1885. Т. 22. № 10 (Окт.). С. 41—65.

Майков — Z*** <Майков Л. Н.> Иван Сергеевич Тургенев на вечерней беседе в С.-Петербурге 4-го марта 1880 г. // *РСт.* 1883. Т. 40. № 10 (Окт.). С. 201—216.

Островская — Островская Н. А. Воспоминания о Тургеневе / С примеч. М. А. Островской // *Тургеневский сборник* / Под ред. Н. К. Пиксанова. Пг., 1915. Отд. оттиск.

Переписка Станкевича — Переписка Николая Владимировича Станкевича. 1830—1840 / Ред. и изд. А. Станкевича. М., 1914.

PM (1) — Малышева И. М. Мать И. С. Тургенева и его творчество: По неизданным письмам В. П. Тургеневой к сыну // *Р Мысль.* 1915. № 6. С. 99—111.

PM (2) — Малышева И. М. Мать И. С. Тургенева и его творчество: По неизданным письмам В. П. Тургеневой к сыну // *Р Мысль.* 1915. № 12. С. 110—120.

Рында — Рында И. Ф. Черты из жизни И. С. Тургенева. СПб., 1903.

ТСб 1915 — Малышева И. М. Письма матери (Из неизданной переписки В. П. Тургеневой с сыном) // *Тургеневский сборник. Новооткрытые страницы Тургенева. Неизданная переписка. Воспоминания. Библиография* / Под руководством Н. К. Пиксанова. Пг., 1915. С. 24—48.

Чернов — Чернов Н. М. Провинциальный Тургенев. М., 2003.

Щепкина — Щепкина С. Г. И. С. Тургенев в Спасском-Лутовинове / Публ. Н. Л. Бродского и А. С. Латышевой // *Красный архив.* 1940. Т. 3 (100). С. 195—228.

Mourier — Mourier J. Ivan Serguéievitch Tourguéneff à Spasskoë / Préface de M. Stahowitch. St-Petersbourg, 1899.

30 июля (11 августа) 1838 года. Спасское-Лутовиново

1838-го года. 30-го июля. С. Спасское.

Милый друг и сын, Ванчикка.

Я не столько получила от тебя писем, сколько ты пишешь, что писал. — По сие число я получила 5 шт<ук>. 1-е — в Москве, тотчас после пожара¹ от $\frac{31}{19}$ мая. — Потом не получала месяц и была в отчаянии,

до — второго июля. — Тогда получила письмо из Гамбурга от $\frac{26 \text{ мая}^2}{7 \text{ июня}}$.

Потом получила посылку, это был мне сюрприз столь приятный, какого я никогда еще не ощущала, *твой портрет*,^{*,3} при оном маленькая записочка. — Потом получила от $\frac{26}{9}$ июня.⁵ — Так ты перемешал числа,

последние на лиловой бумажке два вдруг из Франкфурга и Кобленца.⁶ — Вот и всё тут. — И ты видишь, что по письмам твоим некоторые пропали. — Но! я и теми довольна, что получила. Сама же тогда буду писать аккуратно через две недели, когда уже ты будешь где-нибудь на месте.

Теперь, мой милый друг, прежде чем я стану отвечать тебе на твои письма, позволь мне тебе объяснить нечто...

Не пугайся, ежели ты вместо моей руки увидишь Лобанова⁷ руку. Я, как ты знаешь, чаще лежу, чем сижу, а в эдаком положении писать не очень ловко.⁸ — И потому я пишу карандашом на бумаге или на грифельной доске, а он уже переписывает набело. — Правда, он никак не может писать *si serré*,^a как я, привычка беречь бумагу, писал к отцу в чужие и из чужих краев⁹ — чтобы уписать более на той же бумаге... имел столько, столько ему сказать. — Я бы тебе попеняла, что ты, на толстой бумаге писал, более плотишь весовых. Но!.. мужчины нетерпеливы, и на толстой бумаге легче писать. Итак, пиши на толстой, да на цветной, и особливо на разной, то [на] розовой, то на зеленой. — Я буду отвечать, что получила твое письмо [зе]леное, лиловое и пр<о>ч. — А сама буду делать к тебе пакеты из [ц]ветной бумаги. — Правда здесь, т. е. в Петербурге, трудно достать [такой бумаги], на какой я к тебе пишу. Это у меня еще иностран[ная]. — Здесь, когда тонкая, то промокает.

* Я никогда не воображала, чтоб портрет мило[го че]ловека мог мне доставить [такое удовольствие]. В Петербурге я не хотела, чтоб ты списывал [с себя] по разным причинам. [<Хорошему мас?>]теру надо заплатить дорого. — Напишут розовую [картинку]. Дурной напишет похо[же, но] уже намажет так, что гадко смотреть. — А этот [...] приятно... так мило, так схож, [что Дунаевская⁴ вскричала. *Ах, как! суцес[твительно]*. 1000 раз благодарю тебя за него *прилага[тельно]* [...].

^a так убористо (*франц.*).

Ты мне пишешь, милый друг, всякий раз: купи, *maman*, Рейхарта.¹⁰ О!.. *Que mon attachement vous est peu connu, mes enfants chéris.*^b — [Тебе бы *нрзб.*] писать: *maman*, ты, верно, уже имеешь Рейхарта?.. Ты знаешь, у нас их было два. Кажется, новый ты взял. — А старый, с которым мы вояжировали с отцом,¹¹ у меня. — *Il m'est bien pénible, cher ami, de voir encore une fois les marques qu'il a fait...*^c То карандашом черточка, то ногтем. — То уголок [загнут] — все это как стрелы в сердце. — Я хотела тебе и о портрете тоже сказать. Например, у меня [есть] похожий портрет отца и непохожий.¹² На непохожий я, взглянув, скажу — *ce n'est pas lui...*^d Но — на похожий я не могу вз[глянуть], вся кровь прильет к сердцу... Он в отсутствии и навсегда. Напротив, когда я взгляну на твой похожий портрет, то надежда, отрада войдет в мое сердце. Я его увижу, думаю я... *et cela approche les distances de lieux et de [temps<?>...].*^e

Ты <м?>не пи[ишешь]: купи, *maman*, Рейхарта, а я давно уже [выписала описание Голландии], в котором надеялась видеть [города], в [которых т]ы побывал.¹³ — *Urbain*¹⁴ прислал мне старинную эдизию,¹⁵ двадцать лет тому назад печатанную. И так странно читать мне, что король... что королева, супруга <?> Бонапарта...¹⁶ которой давно кости сгнили *est une très belle femme*^f и пр<о>ч. — Однако, мой друг, чтение на что-нибудь да полезно. Я, право, думала, что я все видела, все читала, все знаю. — А теперь прочла, как новость для меня, что в Голландии, в городе Делфте¹⁷ колок[ола] звонят в тон, что нужно бы было, оне говорят, делать всем <?>. И я так думаю.

Я очень рада была, что ты получил мое письмо. Слава [Богу, что] отчаянье твое насчет денег прошло, теперь путешествуй с Богом, пользуйся своим путешествием, замечай любопыт[ное], не ленись, записывай, *instruisez-vous...*^g На это у меня [всегда <средств?>] достанет. *Ne perdez pas votre temps en plaisirs futiles, [ne dépensez pas] argent aux jeux et pour les futilités, pour le besoin vous [en aurez] toujours assez.*^h

В первом или во втором письме ты мне жаловался на ненужного тебе человека Порфирия,¹⁸ на расходы на него, на толмачество твое,¹⁹ в том же письме ты, душа [моя], жалуешься на чужие лица, о скуке одиночества. Ты [только] еще в начале твоего путешествия. Год протянется и вся[<кого?>] и достанется,²⁰ и опять скука одиночества. Может быть взгр[уст]нется... и занеможется, и русский язык будет мил.

«Расходы знать мое, а не твое уж дело», — говорил старый [муж] молодой жене в...²¹ — Это только моя любовь к тебе, [а] ежели, душа

^b О!.. Дорогие мои дети, как мало знаете вы привязанность к вам вашей матери (франц.).

^c Очень мучительно мне, дорогой друг, снова видеть пометы, им оставленные... (франц.).

^d это не он... (франц.).

^e и это сокращает расстояние и время <?>... (франц.).

^f очень красивая женщина (франц.).

^g просвещайся (франц.).

^h Не трать свое время на пустые удовольствия, [не расходуи] деньги на игры и пустяки, на нужное у тебя всегда будет достаточно (франц.).

моя, угодно тебе... или ты разочтешь <?> [<что?>] ты можешь совершенно обойтись без него, то [в Гамбург] из Берлина ходит еженедельно пароход. [<До Гамбурга отправь?>] его одного, а в Гамбурге много русских. [<Так доберется?>] без нужды до Любека, а из Любека в Петербург. [Отсюда] и проберется в Спасское. Я говорю это в таком случае, [ежели] тебе не угодно будет его держать. [Тебе более знать свои] нужды... Скажу тебе откровенно, я сердита на Порфирия, [он] не так поступил, как ему следовало. [Зачем ему было] таскать с собою свой билет. Он не имел [доверья к <своим?>] господам. Билет его... на его имя, никто [<им воспользоваться?>] не может. — Он должен бы его отдать на сбережение конторе. — Нет! Хам, всё хам... плут и негодяй. И, право, je ne ferai pas un pas pour avoir [son argent.ⁱ Он] не объявил мне прежде. — А теперь поздно. — И ежели вместо конюха сделали его господириольником, [так что] он возвысился выше хамского своего состояния, [то он] должен чувствовать их [милости, а не скрывать от та]ких господ, как мы, [позволennую выработать ему] эту казну. При нашем состоянии [...] как мы.

Ты пишешь, что восхищался Рейном. — Путешествие было мечтою моей жизни, и когда в Шафгаузене²² увидела я Рейн, я взбежала на гору и в бассейне пила чистую ледяную воду. Умывалась... Насилу отец оторвал меня, боясь, чтобы я не простудилась.

Где-то ты теперь, с кем ты, главное. Говорят, что тогда только la campagne est belle,^j когда есть кому сказать qu'elle est belle.^k — Я бы очень желала тебе компаньона. Что твой Курторга,²³ видно, раздумал ехать?

С каким нетерпением дожидаю я субботы. Прочие дни текут в монотонии. Все та же исторья, проливные дожди мешают деревенскому веселью, т. е. прогулке. — Я совершенно одна. *Сушествительная* Дунаевская варит варенье. Дороги притом так испортило, что невозможно носу никуда показать, даже во Мценск. Авдотья Ив<ановна>²⁴ тоже от этой причины не едет. Нельзя Березую²⁵ переехать.

Дядя²⁶ очень грустен. Он чинит плотину на фабрике,²⁷ а вода ее портит. Мы не убрали и третьей доли сена, погнило все на рядах. Рожь так перепутало, что бояться, будут ли ее жать. Вся почернела, и всё пух... Прогневали Бога.

Мое здоровье, как обыкновенно летом, изрядно. Я бы даже согласилась и век мой так дожить, но! боюсь осени.* В Спасском холодно будет жить и скучно. Дядя нанимает дом для меня в Орле,²⁹ для чего и едет на сих днях. Брат пишет, что будет в конце августа.³⁰ Мы его нетерпеливо будем ожидать. При нем не так мне будет скучно, только бы он не соскучился. Ты знаешь его любимую поговорку: «Adieu, maman!»¹ Здесь

ⁱ я пальцем не пошевельну, чтобы получить [его деньги] (франц.).

^j местность прекрасна (франц.).

^k что она прекрасна (франц.).

* Но! жить я желаю, я так молода. — «Узница».²⁸

¹ «Прощайте, маман!» (франц.).

поневоле будет сидеть дома. Не знаю, чем он займется осенью, он не охотник с ружьем.³¹ [А кстати], о сем предмете. Ты так засмотрелся чужеземных видов, что мы не видим в тебе более охотника. А мы, напротив, охотимся более чем когда-либо. — Наняли двух егерей, одного из Кром,³² другого — прошлогоднего, которого собираемся купить для тебя.³³ Дичи оне приносят много, да есть ее некому. — Отдали ему Алексашку³⁴ учиться. Он стреляет изрядно, но! как он глуп, то вряд ли будет [из него] прок какой... Наполь³⁵ твой очень похудел, [но, верно, будет] славная [собака], очень напоминает [отца, да только] не могу его [<лас?>]кать, слюняв очень.

Я все занимаюсь пчелами.³⁶ Стеклянные ульи на своем месте. А как нынче гречишный год, то меду оне нанесли очень много. — Я видела матку опять, несущую яйца, и потом, когда она было вылетела погулять и захватил ее дождь, как она обсушивалась и как ее пчелы облизывали, обтирали, и как она важно протягивала лапки, кокетствовала, притворялась едва дышащею. — О!.. женщина во всяком создании одинакова, *aimant à plaire et à se faire admirer.*^m

Что еще тебе сказать? При всей моей охоте, писать, право, нечего. — Варинька³⁷ еще не получала твоего крестика. Она будет его носить, нетерпеливо ожидает его. Она все так же умна, но! Елизавету Андреевну³⁸ надо непременно от нее прочь. Она так груба, и Варинька перенимает ее манеры... «Ну! вот» и этот тон мужицкий... Варинька подвержена золотухе, и это приводит меня в отчаяние. То бросится на ухо, то в нос, то в глаза, и теперь ресницы красны, [весь] нос заляжет. — Я ее очень люблю. Она складывает [по]немногу, работает снурочек.³⁹ — Мавра⁴⁰ переводит и [посы]лает тебе свой перевод — *о делф<т>ских карильонах.*⁴¹

Теперь, хоть убей, ничего не прибавлю... Совсем нечего. Это письмо пошлю в Маянс.⁴² — Право, неохота и писать, не зная, точно ли туда пишешь, дойдет ли письмо мое. — Не пропадет ли. Жаль и [денег], а более, что вновь надо писать то же.

Я хотела уже к тебе письмо печатать, но! мне пришло [в ум] к тебе написать жалобу на тебя же. Письмы твои [посланы?] к матери... Но! друг твой видит ясно, что ты не все [к ней] пищаешь, что самое интересное пропускаяешь.

Ты не совсем был равнодушен к *madame Tutcheff.*ⁿ ⁴³ По[верь] мне, душа твоя, что чувства твои мне интереснее чит[ать] твоих мыслей. Ты менее всего пишешь о себе, и я [готова] спросить тебя, что, в сих достопримечательных [горо]дах не видал ли ты моего Ивана... не встречал [ли] ты где *Jonathan.*^o Словом *parlez-moi plus de gens que des [lieux].*^p

^m любящая нравиться и заставляя восхищаться собою (*франц.*).

ⁿ госпоже Тютчевой (*франц.*).

^o Ивана (*нем.*).

^p говори со мной больше о людях, а не о [достопримечательностях] (*франц.*).

Я бы могла тебе много сказать на счет свой. — Но! [это] почти выйдет все жалоба — *plus que jamais je me querelle avec votre oncle.*^q Это стало хуже нежели когда-нибудь. Откладыванья и мешкотность его уже ни на что не похожи. Отовсюду получаю я письменные жалобы. — Недавно [он] чуть не лишился <?> англичанина,⁴⁴ доброго и золотого чел[овека], только оттого, что тот [ему] жаловался на [грубость] Тумана.⁴⁵ А Туман [известный дурак и грубиян]. Дядя собирался его *больно* наказать. — А за сборами *больно* не хотел поругать *médiocrement.*^r — Англичанин, не поняв его манеру... чуть-чуть не от<о>шел.⁴⁶

Вместо управителя взял он двух... Одного старого... т. е. престарелого. — Другого малороссийского быка.⁴⁷ — Но! отпустить боится, будучи недоволен, держит обоих. — Боится. — Ну! как управителя возьму — а он что же будет! — Все та же история. Хлеб все мешкает продать. — А как дороже будет. — Со старостью это несносно становится... Я думаю, мы тем кончим, что возненавидим друг друга. — *Он* меня за то, что я его ругаю. — *Я* его — зачем он все откладывает... Пока сделается поздно. — Дела наши идут таким мешкотным шагом. — О!.. *mon Dieu... mon Dieu...*^s Можно умереть с голоду прежде, чем он соберется вам подать кусок хлеба.

Я хотела заставить писать к тебе конторщика!⁴⁸ — Но! Нет!.. Это не то... Нет! К *тебе* я не могу этого сделать. Лучше совсем не писать.

Я еду в чужие края. — Что тут будет?

Однако, *cher ami!*^t — не надо тебя слишком печалить нашими домашними дрязгами.

Да! да... И ты меня печалишь. — Жалуешься на одиночество [в] чужих краях, где поехал не для семейной жизни. — [И] брат тоже меня огорчает... Пишет: «Мне лучше под твоею протекциею, у тебя под крылушком»... А чуть денег нет... дай! — А сами отрываете от копанья руды на монету вам, жестокие.

Всякий несет свой крест! — А мой, хотя и тяжел, но! *золотой*.

Я было принялась читать «Гишпанию».⁴⁹ — Но!.. эта книга не по мне. — Я хотела себя приневолить — не читается. — *Chapitre*^u тянется, тянется — и конца-то ему нет! Отчего это интересный роман в 4 тома мигом прочтешь. Однако прости, будь здоров, счастлив и весел. — Спи беспечно за моею головою. — Не пиши, а *болтай* чаще и больше с твоею матерью и другом, благословляющею тебя ежечасно.

В. Тургенева.

Губарев⁵⁰ *напакостил*. Этому человеку хлеб не сладок, ежели он его съест не украденный. — Он украл... Староста донес. Он отперся от

^q больше, чем когда-либо я ссорюсь с вашим дядей (*франц.*).

^r мало (*франц.*).

^s Боже мой... Боже мой... (*франц.*).

^t милый друг (*франц.*).

^u Глава (*франц.*).

своей руки.⁵¹ — *По-черкасовски.*⁵² 14-го барон попался, его рука... «Знать не знаю», — говорит он. — Вот вам и только. — «Не моя рука», — и только. Сам мне это сказывал. О!.. какие есть скверные люди, — не щадят ни отца, ни матери. *Таков Губарев.*

Так как [дядя] не большой охотник писать, то он довольствуется писать *внутри пакета.*⁵³ Всякий раз [смотри, всегда будет напи]сано [дядей].

Ты пишешь, что отец говаривал, что выбрал бы себе герцогство Нассауское.⁵⁴ — Да! точно. — Мне очень жаль, что я не знала, что ты будешь — в Эмсе, в Франкфурте, где отец жил с Берсом.⁵⁵ Ты бы отыскал его квартиру. — Он также был в Висбадене. Отец имел привычку покупать тебе виды, где бывал. — И у меня есть виды всех тех мест. Посылаю тебе вид Бибриха в удостоверение. — Что не только думаю о тебе, но! вижу тебя мысленно на сих видах. — Вот плывешь ты на лодке. — Прекрасен вид Бибриха.

На гравюре рукой В. П. Тургеневой надпись:
«Купи Рейхарта. — Ты будешь следить за мною», — *пишешь ты.*

Я мыслю, взором и сердцем,
душою, мой милый, с тобою.⁵⁶

<Рукою М. Т. Сливцкой>

Вышина колокольни Дельфтской в Новой церкви открывает самый прекраснейший вид, говорят, по всей Голландии, обширность ее чрезвычайная и самая прельстительная. Трезвоны этой церкви очень многочисленны, они состоят из 400 и из 500 колоколов и славятся приятною их звуков. Сей род музыки принадлежит голландцам, а французы и италийцы никогда им не подражали. Англичане делали некоторые опыты во многих их церквах, но столь неприятным образом, что звон их колоколов произвели бы судороги в звонарях голландских: а звонят посредством одного ключа, который сообщается с колоколами, как на органах, на фортепианах со струнами и трубами. Звонари должны учиться сим звонам, но он очень труден. После этого упражнения, которое стоит ему преизбыточного испарения, должен слечь в постель;

а с педалью, который сообщается с самым большим колоколом, он может играть бас из некоторых трудных арий и переменять. Между тем как он играет обеими руками на верхних ключах посредством широко-го клавиша проэктически, довольно отдаленно, чтобы быть пораженным силою и скоростью, без всякой опасности смешивают с теми, которые им соседствуют. У звонарей на каждом мизинце в обеих руках об[тя]нуто кожей туго, чтоб упредить боль пальцу, которую ему движением буде[т] причинять. Некоторые клавиши должны иметь, по крайней мере, фунт [весу], чтоб утолить звук. Звонари могут играть отрывки о трех партиций, [играя] на них, а бас производят педалью. Сим изобретением музыки может п[оль]зоваться весь город, не останавливая своих занятий. Конечно, это [ввиду] для сбережения времени. Такое искусство изображает нацию, которая [выду]мала этого рода рассеянности для большого народонаселения, чтоб не [отвлечь] их от обыкновенных рачительных работ. Часто сей приятный звук, как органый, достигал в мои уши, но еще что-то не достает, которо[е бы] [...] остановило *выбрацию* по препятствию смешения звуков. Сие открытие [сде]лалось восхитительною музыкаю, это только в одной земле, где наход[ятся] приятные звоны колоколов. Невозможно сносить поразительные звуки ан[глий]ских колоколов в праздники или в случайных обрядах. В церквах греко-российских колокола еще более нестерпимы. Напоследок я осведомился, что в Амстердаме звоны имеют три октавы со всеми [то]нами и полутонами. И две октавы для педалей, каждый ключ под[а]ет звук натуральный прожект близ фута, и так же диес и бемоль, которые выше несколькими дюймами. Армия англичан была в [при]ятном изумлении, когда они вошли в город, и услыша в звонах колоколов фаворитную арию: Боже, [царя] храни!

<Рукою Н. Н. Тургенева>⁵⁷

Милый друг, Ваня, писать я к тебе не ленив,⁵⁸ но время не имею, к тому же мамаша обо всем пишет подробно, мое же дело, по приказу мамашы, вовремя доставлять к тебе деньги и разные припасы, что, кажется, аккуратно исполнил по письму твоему. Ты деньги получил и еще следовало бы выслать, да не знаю куда. Полагаю, всего вернее в Берлин, судя по времени, к 1-му сентябрю ты уже должен быть в Берлине, куда и сие письмо к тебе адресовано. Твои письма мы аккуратно получаем, чего нам исполнить невозможно, пока ты не приедешь в Берлин. В течение августа месяца и деньги будут к тебе высланы — а ты старайся соблюдать благоразумную економию, на все полезное не жалей денег, а прихотное отмени до поры до время.

Наполь твой чудная собака. Нанятый егерь не нахвалится.⁵⁹ С будущей почтой вышлю журнал,⁶⁰ сколько дичи было принесено по милости твоего *Наполеона*. К твоему возвращению надеюсь, что ты им будешь доволен, а ты не забывай своего истинного друга

Николая Тургенева.

<На конверте рукою В. П.>

A Monsieur Monsieur
Jean de Tourguéneff.
En Prusse, à Berlin,
poste restante.
Ивану Сергеевичу Тургеневу.
В Пруссию, в Берлин.

<Пометы конторщика>

весовых 60 гр
портов.: 2-ой 1
<На обороте конверта помета>
Мценск <и штемпель>
№ 2
24.8
С.

Печатается по подлиннику: *ОР РНБ*. Ф. 795. № 91. Л. 1—4. Конверт, на внутренней стороне которого записано письмо Н. Н. Тургенева: Там же. № 89. Л. 1. К данному письму присоединяется по содержанию.

Отрывки впервые опубликованы: *Т Сб 1915*. С. 29, 38, 42. *РМ (1)*. С. 105; *Т Сб*. Вып. 1. С. 346.

¹ Тургенев выехал из Петербурга в Германию на пароходе «Николай I» 15 (27) мая 1838 (по другим данным — 14 (26) мая; см.: *Летопись жизни и творчества Ф. И. Тютчева / Сост. Т. Г. Динесман, С. А. Долгополова и др.* 1999. Кн. 1: 1803—1844. С. 185). В ночь с 18 (30) на 19 (31) мая, «в двенадцатом часу», на пароходе, находившемся в открытом море «пониже Гросс-Клютца, в одной миле от Травемюндского рейда» (*СПб Вед.* 1838. 29 мая. № 117. С. 121), случился пожар, в результате которого судно затонуло, а пассажирам, лишившимся всего багажа, с трудом удалось спастись (по официальным данным на корабле находились 132 пассажира и 33 человека экипажа). Катастрофа произвела на Тургенева сильнейшее впечатление; краткая запись о ней была впоследствии занесена им в «Мемориал», конспект важнейших событий его жизни, под 1838 г.: «В мае в 1-й раз за границу. Пожар „Николая“. Елеонора Тютчева. Путешествие по Германии» (см.: *ПССиП(2)*. Соч. Т. 11. С. 198). Позднее Тургенев собирался включить очерк об этом происшествии в состав «Литературных и житейских воспоминаний», однако осуществить задуманное не успел: рассказ «Un incendie en mer» («Пожар на море») был продиктован писателем в июне 1883 Полине Виардо по-французски, а русский перевод, подготовленный А. Н. Луканиной, лишь просмотрен незадолго до смерти (текст очерка см.: Там же. С. 293—299; перевод: С. 299—304). По воспоминаниям Тургенева, сообщение о пожаре застигло пассажиров врасплох: «Темно-красное зарево, как от горящего каменного угля, вспыхивало там и сям. Во мгновение ока все были на палубе. Два широких столба дыма пополам с огнем поднимались по обеим сторонам трубы и вдоль мачт; началась ужаснейшая суматоха, которая уже и не прекращалась. Беспорядок был невообразимый: чувствовалось, что отчаянное чувство самосохранения охватило все эти человеческие существа и в том числе меня первого. Я помню, что схватил за руку матроса и обещал ему десять тысяч рублей от имени матушки, если ему удастся спасти меня. Матрос, который, естественно, не мог принять моих слов за серьезное, высвободился от меня; да я и сам не настаивал, понимая, что в том, что я говорю, нет здравого смысла. Впрочем, в том, что я видел вокруг себя, его было не более. Совершенно справедливо, что ничто не равняется трагизму кораблекрушения или пожара в море, кроме их комизма» (Там же. С. 300. Подлинник по-франц.). Сведения о крушении «Николая I», записанные со слов самого Тургенева вскоре после пожара, содержатся также в дневнике Е. В. Сухово-Кобылиной (в зам. Петрово-Соловово), с которой Тургенев встретился в Гейдельберге в конце июня — начале июля ст. ст. 1838 (см.: *ЛН*. Т. 76. С. 337—341); об этом «ужасном и неслышанном происшествии» шла речь и во время встречи Тургенева с Н. В. Станкевичем и Я. М. Неверовым, состоявшейся незадолго до этого в Эмсе (см.: *Переписка Станкевича*. С. 64). См. также п. 5 и примеч. 5 к нему, а также п. от 14 (26) марта 1839. Это событие оставило заметный и неприятный след в жизни Тургенева (см. об этом: *ПССиП(2)*. Соч. Т. 11. С. 520—522; коммент. Л. М. Долотовой).

² По всей видимости, первое из названных В. П. писем было написано Тургеневым из Любека (а не из Штеттина, как указано Е. М. Хмелевской в указателе утраченных писем Тургенева за 1838—1856; см.: *Т Сб.* Вып. 1. С. 345), куда, как следует из очерка «Пожар на море», он добрался после пожара утром 19 (31) мая. Среди спутников Тургенева были барон Д. Г. Розен, А. Г. Демидов, камердинер П. Т. Кудряшов (о нем. см. примеч. 18 к наст. письму), с которыми он в конце мая — начале июня отправился в путешествие по Германии, а также направлявшаяся к мужу в Турин Эл. Ф. Тютчева «с малолетними дочерьми: Анною, Дарьєю и Катериною — и при них баварская подданная Цвенгауэр, швейцарка Катерина Жарден и российский подданный Густав Арнольд» (*СПб Вед.* 1838. 26 апр. № 90; о Тютчевой см. примеч. 43 к наст. письму). На «Николае I» находились также кн. П. А. Вяземский, гр. М. Ю. Виельгорский, кн. С. А. Шаховская (урожд. Мусина-Пушкина), гр. Э. К. Мусина-Пушкина (урожд. Шернваль), гр. Е. Ф. Комаровский, кн. Э. Н. Мещерский, В. П. Веревкин и др. Из Любека Тургенев, по всей видимости, в тот же день вместе со своими «товарищами по крушению» направился в Гамбург, где пострадавшие нашли двадцать тысяч рублей серебром, которые император Николай, как раз находившийся тогда проездом в Берлине, прислал для них со своим адъютантом (*ПССиП(2). Соч.* Т. 11. С. 305). Из Гамбурга Тургенев отправил матери второе письмо.

³ Очевидно, имеется в виду акварельный портрет, который в настоящее время приписывается кисти крепостного художника Кирилла Антоновича Горбунова (1822—1893) и хранится в *ГЛМ*. По воспоминаниям В. Н. Житовой, «из Берлина» Тургенев прислал матери свой «портрет, рисованный акварелью. Сходство было поразительное. И теперь помню свой крик детского восторга: „С'est Jean!“ («Это Иван!» — франц.), когда мне показали портрет. Варвара Петровна не расставалась с ним. Он всегда стоял на ее письменном столе, и, когда она ездила по деревням или на зиму в Москву, она всегда собственноручно укладывала его в свою дорожную шкатулку» (*Житова.* С. 30). Из содержания письма В. П. следует, что портрет был написан до приезда Тургенева в Берлин, состоявшегося только в конце авг. 1838 (ср. дату, указанную в *Летописи (1818—1858).* С. 36: «около, не позднее 29 августа (10 сентября)»). По предположению Н. М. Чернова, портрет был прислан Тургеневым из Гамбурга (см.: *Чернов.* С. 207), однако прямых указаний

И. С. Тургенев.
Акварель неизв. художника.
1838 г. Гамбург

этому не сохранилось. В дек. 1850, после смерти В. П., портрет был подарен Тургеневым В. Н. Житовой; впервые воспроизведен после смерти Тургенева в *ВЕ* М. М. Стасюлевичем, сопроводившим его пояснительной заметкой, в которой, в частности, писал: «Редко юношеский облик в такой степени предсказывает черты старика, или, лучше сказать — редко в чертах старика в такой степени сохраняются черты его юности, как то случилось с Тургеневым и как о том можно судить благодаря уцелевшему его портрету из эпохи самой ранней молодости покойного» (*М. С. <Стасюлевич М. М.> Юношеский портрет Тургенева // ВЕ. 1884. № 1 (Янв.). С. 7*; гравированный портрет воспроизведен на фронтисписе журнала). Высокую оценку портрету дал П. В. Анненков, содействовавший его напечатанию в *ВЕ*: «Портрет, по-моему, очарователен — это 20-летний Тургенев в полном виде и носит в выражении глаз и рта обещание всего, что он сделал» (см.: М. М. Стасюлевич и его современники. СПб., 1912. Т. 3. С. 424). В 1930-е портрет был приобретен *ГЛМ* у внука В. Н. Житовой — Л. М. Змиёва как работа неизвестного художника. Тогда же были приобретены другие семейные реликвии, среди которых альбом-дневник В. П. (1839—1842) на франц. языке с записями «своих и чужих мыслей», несколько фотографий (в том числе Лобановых), а также серебряный ларец В. П. (см.: *Чернов Н. М.* По следам семейных реликвий И. С. Тургенева // *Спасский вестник. 1997. Вып. 4. С. 26*). Позднее сотрудники *ГЛМ* обнаружили на обороте изображения почти стершуюся подпись (или надпись?): «К. Горбу<нов>», что позволило считать акварельный портрет молодого Тургенева одним из самых ранних произведений художника (см.: *Ерусалимчик М.* Юношеский портрет И. С. Тургенева // *Художник. 1968. № 11. С. 44—45*). Об этом портрете см. также: *Медынцева Г. Л.* «Из эпохи самой ранней молодости...» // *В мире книг. 1983. № 10. С. 41*; *Ее же.* Иконография Тургенева в Государственном Литературном музее // *Тургеневские чтения. М., 2004. Вып. 1. С. 255—260*. Однако эта атрибуция вызывает значительные сомнения.

⁴ *Дунаевская Софья Александровна* (урожд. Скуратова; ок. 1800—?) — дальняя родственница Тургеневых, дочь Александра Ильича Скуратова, жена губернского секретаря Ивана Осиповича Дунаевского (ок. 1790—1831), внебрачного сына бабушки Тургенева — Екатерины Ивановны Лутовиновой (урожд. Лавровой, во втор. бр. Сомовой) и Сергея Алексеевича Сомова. После смерти мужа Д. часто бывала у Тургеневых в Спасском и в Москве; сопровождала В. П. во время ее заграничного путешествия в 1834—1835. Усадьба Дунаевских располагалась в 3-й части Орла на Дворянской улице, недалеко от орловской усадьбы В. П. По всей видимости, частому повторению эмоционального возгласа: «Ах, как существительно!» Софья Александровна обязана своим прозвищем «существительная», которое встречается в письмах В. П. О Дунаевских см.: *Алексина Р. М.* Дунаевские — единоутробные братья В. П. Тургеневой // *Тургеневский ежегодник 2005—2006 годов / Сост. и ред. Л. А. Балькова, Л. В. Дмитрихина. Орел, 2008. С. 46—58*; *Чернов Н. М.* Четырнадцатое декабря у Тургеневых. Их тайные родственники — Дунаевские // *Спасский вестник. 2006. Вып. 13. С. 199—205*; *Чернов Н. М.* Скуратовы — предки Тургенева // *Чернов Н. М.* Дворянские гнезда вокруг Тургенева. Тула, 2003. С. 195—196. См. также примеч. 20 к п. 5.

⁵ Очевидно, Тургенев дважды ошибся в указании даты письма. По предположению Н. С. Никитиной, это неизвестное письмо следует датировать 27 июня (9 июля) 1838 (см.: *Летопись (1818—1858). С. 36, 444*).

⁶ О маршруте Тургенева после отъезда из Гамбурга сохранилось очень мало сведений. Из «Мемориала» известно, что из Гамбурга он отправился в путешествие по Германии, которая после Венского конгресса 1815 состояла из 38 слабо связанных между собою государств. Письма В. П. существенно расширяют наше представление об этой поездке и позволяют заключить, что за время путешествия Тургенев посетил Рейнскую провинцию Пруссии (Кобленц), герцогство Нассау (побывал в Эмсе, где встречался с Н. В. Станкевичем и Я. М. Неверовым и где пробыл «не более суток»), расставшись на какое-то время с бароном Розеном; см.: *ЛН. Т. 73. Кн. 1. С. 351*; Иван Сергеевич Тургенев в воспоминаниях Я. М. Неверова // *РСт. 1883. Т. 40. № 11 (Нояб.). С. 417*; возможно также в Бибрихе и Висбадене), Франкфурт-на-Майне, великое герцогство Гессенское (Майнц),

великое герцогство Баденское (Гейдельберг, где пробыл несколько дней и посетил Сухово-Кобылиных; см.: *ЛН*. Т. 76. С. 337—341), а затем направился в Страсбург и далее в Швейцарию. По результатам Венского конгресса *Франкфурт-на-Майне* был объявлен «вольным городом» (Freie Stadt Frankfurt), только после австро-прусской войны он потерял независимость и был присоединен к Пруссии. В мае 1840, возвращаясь из Италии, Тургенев вновь ненадолго посетил Франкфурт. Юношеские впечатления о городе впоследствии нашли отражение в повести «Вешние воды» (1871). Упомянутые в ней достопримечательности — гостиница «Белый лебедь», мраморная группа «Ариадна на пантере» И.-Г. Даннекера, дом Гёте, улица Цейле (die Zeile) — несомненно, в свое время привлекли внимание самого писателя (см.: *ПССиП(2)*. Соч. Т. 8. С. 257, 518, 522; примеч. Л. В. Крестовой). В 1840 Тургенев также вновь посетил Висбаден и Майнц. *Кобленц* (Koblenz) — главный город и крепость Рейнской провинции, перешедшей к Пруссии в 1815, — расположен при слиянии Рейна с Мозелем, соединен мостом с Эренбрейтштейном. См. также примеч. 13 и 54 к наст. письму.

⁷ *Лобанов Федор Иванович* (1815—1879) — крепостной В. П., исполнявший обязанности ее дворецкого и секретаря. В детские годы братьев Тургеневых Ф. И. Лобанов и П. Т. Кудряшов учились вместе с ними, «не покидали их классной комнаты во время уроков и были более чем грамотные, — почти образованные люди». Ф. И. Лобанов «говорил и писал по-французски, в совершенстве знал русский язык и даже когда-то писал стихи» (*Житова*. С. 41). Как следует из воспоминаний В. Н. Житовой, Лобанов был ее первым «учителем русского языка», с его помощью она «выучилась читать и писать и четырем правилам арифметики» (Там же). Впоследствии он часто выполнял деловые поручения Тургенева, был на протяжении ряда лет его доверенным лицом. «Лобанов представлял из себя тип слуги хорошего дома»: «Это была весьма симпатичная личность, постоянно одетая щеголевато в синий безукоризненно-чистый фрак с бронзовыми блестящими пуговицами и белый галстук». «Утро Варвары Петровны начиналось тем, что она в своем рабочем кабинете выслушивала доклады Федора Ивановича и в то же время отдавала ему приказания на весь текущий день относительно приготовления экипажей, если предполагалось катанье, работ и всего прочего» (*Колонтаева*. С. 50). В. П. нередко диктовала Лобанову свои письма, в том числе к И. С. Тургеневу (см., напр., п. 5 и др.). Иногда Лобанов делал в этих письмах приписки от себя лично (см. п. 5). Лобанов был женат на любимой горничной В. П. — Авдотье Кирилловне (урожд. Тоболеевой; 1818 (?) — после 1884); его мать — Ольга Семеновна Лобанова — была дворовой при И. И. Лутовинове, исполняла обязанности ключницы в усадьбе Спасское-Лутовиново при В. П. О драматических событиях в жизни Лобановых см.: *Житова*. С. 40—49; *Колонтаева*. С. 52—53. После смерти В. П. все Лобановы по завещанию получили вольную. О Ф. И. Лобанове см.: *Понятовский А. И.* Тургенев и семья Лобановых // *Т Сб.* Вып. 1. С. 270—276; *Чернов*. С. 89—91.

⁸ В начале 1838 или в конце 1837 «Варваре Петровне сделали весьма серьезную операцию», в связи с чем «весь 1838 год, по болезненному состоянию Варвары Петровны, мы жили совсем уединенно» (*Житова*. С. 27), однако, возможно, мемуаристка имеет в виду операцию полипа, которую В. П. сделали в Петербурге в 1835.

⁹ Имеются в виду две длительные поездки за границу для лечения «каменной болезни», которые С. Н. Тургенев предпринял без семьи в 1829—1830, а также в 1830—1831. Во время последней поездки, 19 февр. (3 марта) 1831, в Париже хирургом Сивияном (?) ему была сделана мучительная операция «бокового сечения» для удаления камня, оказавшаяся неэффективной; в обеих поездках его сопровождали Андрей Е. Берс (см. примеч. 55 к наст. письму) и камердинер М. Ф. Лобанов, а также крепостные: в первом случае — С. Маглинов, во втором — И. Е. Ведилов (см.: *Громов В. А.* Секретное наблюдение за С. Н. Тургеневым и его письма к А. И. Тургеневу // *Т Сб.* Вып. 3. С. 211—214; *Чернов*. С. 194, 195). В свою очередь, в 1834—1835 В. П. без мужа предприняла заграничное путешествие с тем, чтобы поправить здоровье, посетив Австрию, Германию, Италию и Францию. В поездке ее сопровождали Е. И. Берс (см. п. 4, примеч. 21), барон П. И. Черкасов (см. примеч. 52 к наст. письму), а также С. А. Дунаевская. В письме к сыну Николаю

из Москвы от 23 февр. ст. ст. 1834 С. Н. Тургенев, сообщая об обстоятельствах, задерживавших его возвращение в Петербург, раскрыл и причину отъезда В. П. за границу в сопровождении барона Черкасова: «Преждевременная распутица причиною, что мамаша по сие время еще не выехала, да вряд ли уже будет зимняя дорога, а потому она вынуждена будет дожидаться первого колесного пути, что прежде 15-го апреля быть не может. Здоровье ее так расстроено, что я не смею подумать оставить ее здесь одного до отъезда за границу, а сверх того много дел встретилось, кои требуют моего пребывания здесь, а главное устроить занятия Ваничке, который будет жить у Краузе. <...> Барон Черкасов едет с мамашей, без чего она не могла бы предпринять вояжа, потому что ни мне, ни брату Николаю без большого расстройства нельзя бы было оставить всего семейства и имения» (*РО ИРЛИ*. Ф. 93. Оп. 3. № 1286. Л. 9—9 об.). Однако отъезду В. П. за границу, помимо состояния здоровья, способствовали также и причины личного свойства: в это время родители Ивана Сергеевича были фактически в разводе.

¹⁰ Очевидно, имеется в виду франц. издание путеводителя *Генриха Августа Оттокара Рейхарта* (1751—1828) «Guide des voyageurs en Europe», впервые вышедшее в Веймаре в 1793 в 2 томах (на нем. языке путеводитель впервые был издан в Лейпциге в 1784) и впоследствии многократно переиздававшееся и дополнявшееся вплоть до 1861. Путеводитель Рейхарта пользовался особой популярностью в первой трети XIX в., до появления Бедекера, и включал в себя путеводители по Германии, Голландии, Бельгии, Франции, Италии, Швейцарии и др. странам и столичным городам (напр., по Берлину, Парижу и т. д.), которые издавались также и отдельно. Из данного письма следует, что в библиотеке Спасского было два различных издания этого путеводителя: первое, с которым Тургеневы путешествовали в 1822—1823 и на котором сохранились пометы С. Н. Тургенева (см. п. 10 и примеч. 22 к нему), и второе — приобретенное позднее (с которым путешествовал Иван Сергеевич). В *Б-ке Тургенева* сохранилось нем. издание 1857: *Reichard. Die Rheinländer. Holland und Belgien. Paris, London und Schweizerreise. 17. Auflage, nach eigenen Anschauungen und den besten Quellen neu bearbeitet.* Berlin, 1857.

¹¹ Выйдя в отставку в февр. 1821 по состоянию здоровья, С. Н. Тургенев в 1822—1823 вместе с семьей предпринял заграничную поездку для консультации с европейскими врачами. Довольно полное представление о маршруте следования Тургеневых дают записи В. П. в так называемой «голубой тетради», предназначавшиеся для занятий с сыном Николаем («Урок после молитвы» и «Колино путешествие вкратце»); опубликовано с ошибками и пропусками Е. Н. Левиной: Из записной книжки В. П. Тургеневой // *Спасский вестник*. 2000. Вып. 7. С. 90—97). Среди крупных городов, которые семья посетила за время путешествия: Кенигсберг, Берлин, Дрезден, Карлсбад, Аугсбург, Констанц, Шафгаузен, Цюрих, Тун, Берн, Базель, С.-Луи, Шомон, Париж, Страсбург, Карлсруэ, Штутгарт, Нюрнберг, Прага, Вена (см.: *Летопись (1818—1858)*. С. 14). Об этом путешествии см. также: *Чернов Н. М.* Тургеневы в чужих краях в 1822—1823 годах // *Спасский вестник*. 2000. Вып. 7. С. 80—89.

¹² В воспоминаниях В. Н. Колонтаевой сохранились сведения о двух портретах С. Н. Тургенева, находившихся в спасской усадьбе: «На противоположной стороне комнаты стоял диван, <...> по одну сторону которого находился аквариум, а по другую белая мраморная тумба с портретом ее мужа; на нем он был изображен в гусарском (sic! — *Ред.*) мундире, красивым молодым человеком, с лицом, цветущим молодостью и здоровьем. Над диваном висел другой портрет, большего размера, снятый во время болезни Сергея Николаевича, уже незадолго перед его кончиной; здесь он был изображен с исхудалым страдальческим лицом, со впалыми глазами и длинной бородой. Портрет этот всегда был завешен черной тафтой. Его окружала какая-то таинственность» (*Колонтаева*. С. 51—52). По всей видимости, первый из описанных мемуаристкой портретов, — на котором Сергей Николаевич изображен в форме Кавалергардского полка (работы неизвестного художника), — после смерти В. П. вместе с другими семейными портретами хранился у Н. С. Тургенева, а после его кончины вновь вернулся в Спасское. Об этом портрете Тургенев упомянул в письме к Марианне Виардо от 7 (19) мая 1880 из Спасского: «Что касается до перемен: по стенам развесили разные семейные портреты (на-

С. Н. Тургенев.
Портрет неизв. художника.
1812—1813 гг. <?>

следие моего брата) — малоинтересные. — Однако среди них портрет моего отца в возрасте 19-ти лет — в форме унтер-офицера кавалергардского полка. — Красивый молодой человек, кровь с молоком, немного полный, небольшой тонкий нос, немного детские голубые глаза под красиво изогнутыми бровями, пробивающиеся усики и пепельно-белокурые волосы, ниспадающие на лоб по моде того времени (1813). Георгиевский крест на груди... он был награжден (и тяжело ранен) в сражении за Москву» (*Lettres inéd.* P. 297—298. Подлинник по-франц.). По воспоминаниям В. В. Ладыженской (в зам. Сомовой), посетившей писателя в Спасском летом 1880, портрет отца стоял в гостиной, «на шкафчике, прислонившись к стене» (см.: Воспоминания В. В. Ладыженской о Тургеневе / Публ. А. И. Понятовского // *ТСБ*. Вып. 2. С. 313). По всей видимости, описание именно этого портрета приводится также в воспоминаниях Я. П. Полонского, гостившего у Тургенева в Спасском с семьей в 1881: «В кабинете Тургенева висел портрет отца его, тоже писанный с него в молодые годы. Он глядит еще юношей лет 26, хорош собой, и — странно — несмотря на удивительные темно-синие глаза, смелые и мужественные, так и кажется, что это не мужчина, а дама или даже камелия, наряженная в белый конногвардейский мундир и в галстухе, который без всякого узелка или бантика обматывает ее белую лебединую шею и так высок, что слегка подпирает ей подбородок. Взгляд какой-то русалочный — светлый и загадочный, чувственные губы и едва заметная усмешка» (*Полонский Я. П. И. С. Тургенев у себя в его последний приезд на родину* // Полонский Я. П. Повести и рассказы (Прибавление к полному собранию сочинений): В 2 ч. СПб., 1895. Ч. 2. С. 493). После смерти И. С. Тургенева портрет поступил во владение О. В. Галаховой, предоставившей его на Выставку в память И. С. Тургенева 1909 года (см.: *Каталог 1909*. С. 91—92) и впоследствии передавшей в Музей Тургенева в Орле; ныне хранится с Государственным мемориальным и природным музеем-заповеднике «Спасское-Лутовиново». Основываясь на деталях военного костюма, в котором изображен С. Н. Тургенев, Л. А. Митракова высказала гипотезу, что портрет следует датировать 1809—1811, а не 1812—1813, как считалось ранее; награды, по ее мнению, «были пририсованы позже» (см.: *Митракова Л. А. О портретах С. Н. Тургенева* // *Спасский вестник*. 1993. Вып. 2. С. 31), однако это предположение не вполне убедительно и требует большей аргументации. Впервые этот портрет был воспроизведен Ж. Мурье в 1899 (см.: *Mourier*. P. 15; фотография Вареника и Владимирова), впоследствии в «Сборнике биографий ка-

валергардов» (Сост. под ред. С. Панчулидзева. СПб., 1906. Т. 3. С. 239). Второй портрет упоминается также в воспоминаниях О. В. Аргамаковой (урожд. Чапкиной): он был написан в 1831 во время пребывания С. Н. Тургенева в Париже (художник неизвестен) и впоследствии привезен им в Спасское-Лутовиново. Описывая обстановку дома до пожара 1839, Аргамакова, в частности, замечает, что «из комнат замечателен был кабинет отца Ивана Сергеевича. Это было святилище после смерти Сергея Николаевича, в которое никогда никто не смел входить <...>. На стенах висели картины: одна из них была задернута белой занавеской: то был портрет Сергея Николаевича, рисованный в Париже. Сергей Николаевич был изображен в халате, с белым откладным воротником голландской рубахи. Лицо покрыто маговой бледностью; оно было очень выразительно и в глазах просвечивало страдание от многолетней, неизлечимой болезни» (Аргамакова. С. 325). По предположению Н. В. Илюточкиной, именно этот портрет В. П. считала «похожим» (см.: *Илюточкина Н. В. Портрет мужчины из рода Тургеневых (К вопросу о «парижском» портрете С. Н. Тургенева) // Спасский вестник. 2004. Вып. 11. С. 313*). О местонахождении портрета в настоящее время ничего не известно. О портретах С. Н. Тургенева см.: *Ден Т. П. С. Н. Тургенев и его сыновья // ПЛ. 1967. № 2. С. 130; Митракова Л. А. О портретах С. Н. Тургенева. С. 30—34.*

¹³ Упоминание В. П. нескольких голландских городов заставляет предположить, что после Гамбурга Тургенев сначала отправился в Голландию, где пробыл непродолжительное время (в конце мая — первых числах июня 1838), а уже затем в Германию.

¹⁴ *Urbain* (Урбен) — франц. книжная лавка в Москве на Кузнецком мосту, услугами которой пользовалась В. П. Кроме того, она часто заказывала книги у Готье (Gautier) и Риса (Riss). В *Б-ке Тургенева* сохранились каталоги всех трех книгопродавцев, среди них «Catalogue du cabinet de lecture de M. Charles Urbain et Cie, dans la Petrowka, maison Appenkoff, à Moscou» за 1824 (указано Л. А. Бальковой). Сопоставив содержание каталогов с сохранившимися в *Б-ке Тургенева* книгами, М. В. Португалов предположил, что «эти поставщики книг высылали Тургеневым по заказу оптом целый ряд книг, не разбирая их ценности и насущной принадлежности для чтения. Делались большие заказы на туалетные принадлежности и домашние мелочи, как о том свидетельствует „опись гардеробу и белью“ В. П. Тургенева 43 и 46 гг., — точно так же заказывались и получались книги. Проматривая эти „резстры иностранных книгам, продающихся в книжной лавке Ивана Иванова Готье, на Петровке, близ Кузнецкого моста, в доме г-жи Анненковой“ (за 1817—18 гг.), мы лишь около некоторых названий видим поставленную отметку, а между тем громадное количество изданий, помеченных в каталоге, имеется в Тургеневской библиотеке: различные beautés de l'histoire, voyages magasins des enfants et des adolescents, manuels pratiques de géographie, de l'histoire и т. п.» (*Португалов М. В. Тургенев и его предки в качестве читателей (По материалам Тургеневского Музея и библиотеки) // Португалов М. В. Тургениана. Статьи, очерки и библиография. Орел, 1922. С. 19*).

¹⁵ *Эдиция* — издание (от франц. l'édition). О каком издании идет речь, установить не удалось. Книги о путешествиях, пользовавшиеся большой популярностью в среде русского помещного дворянства, составляют значительную часть *Б-ки Тургенева*: среди них многотомное издание А.-Ф. Прево (д'Экзиля) «История о странах вообще по всем краям земного круга» с автографами А. И. и И. И. Лутовиновых, собиравшиеся ими многочисленные описания больших и малых государств, столиц мира, географические атласы. Впоследствии большое количество подобных изданий было приобретено В. П., испытывавшей страстную тягу к путешествиям (см. об этом: *Балькова Л. А. Библиотека Ивана Сергеевича Тургенева. Истоки, читатели, портрет поколений // Каталог Б-ки Т. С. 13; Balykova L. Les livres français de la bibliothèque de Tourguéniev // Cahiers. N 5 (1981). P. 38*).

¹⁶ Объявленное Наполеоном *Королевство Голландия* просуществовало с 1806 по 1810, в течение которых им управляли младший брат Наполеона Луи Бонапарт — *Людовик I* (1778—1846) и его супруга *Гортензия де Богарне* (1783—1837), дочь Жозефины де Богарне от первого брака. Стремление Людовика I к независимости и нежелание губить благосостояние населения континентальной системой привели к отречению его от пре-

стола в 1810, после чего Голландия была присоединена к франц. империи. Таким образом, книга, которую держала в руках В. П., по всей видимости, была издана в период с 1806 по 1810.

¹⁷ *Дельфт* (Delft) — город в нидерландской провинции Южная Голландия, между Роттердамом и Гаагой, на реке Шня, славившийся своими колоколами-карильонами. В начале XIX в. в городе насчитывалось 11 подобных колоколов (5 из них были проданы в 1808 ввиду тяжелого финансового кризиса), среди которых выделялся один из знаменитых карильонов работы Франсуа Хемони, расположенный на 109-метровой колокольне Новой церкви (Nieuwe Kerk); описание этой колокольни, переведенное с франц. языка из присланного книжной лавкой Urbain путеводителя М. Т. Сливичкой, было послано В. П. вместе с данным письмом.

¹⁸ *Кудряшов Порфирий Тимофеевич* (1813—1880, похоронен в Спасском) — крепостной В. П., сопровождавший Тургенева в качестве камердинера во время его поездок за границу в 1838—1841; слушал лекции по медицине в Берлинском университете, еще до поездки в Берлин учился в фельдшерской школе (см.: *Житова*. С. 64), впоследствии сдал в Москве экзамен на звание зубного врача и исполнял обязанности домашнего врача в Спасском. «Тургеневу очень хотелось, чтобы я сдал экзамен на доктора, — вспоминал Кудряшов, — но благодаря моей лени дальше зубного врача не пошел, предпочел вернуться на свое пепелище. Варвара Петровна зачислила меня к себе в качестве домашнего врача и в этой должности при ней находился до самой ее смерти» (*Щепкина*. С. 222). О совместной жизни Тургенева и Порфирия в Германии см.: *Аргмакова*. С. 335; *Майков*. С. 205—206. «Типична была наружность нашего милого доктора: высокий, плотный, со следами оспы на лице, которые несколько не мешали добродушному выражению его лица, замечательно маленькие при его почти колоссальном росте глаза, но очень умные, ласковые глаза. Вся фигура его дышала невозмутимым спокойствием. Варвара Петровна называла его *flegme-toujours endormi* (вечно сонный. — франц.), но при всем том чувствовала себя спокойной только тогда, когда он был при ней» (*Житова*. С. 64). К. «ежедневно поутру и даже несколько раз в день должен был осведомляться о здоровье Варвары Петровны, вести бюллетени о состоянии ее здоровья и отсылать в двух экземплярах: один — к доктору Инозёмцеву, а другой к ее домашнему московскому врачу Берсу» (*Колонтаева*. С. 50). К. послужил прообразом домашнего лекаря Харитона в рассказе «Муму» (*Волкова Т. Н.* В. Н. *Житова* и ее воспоминания // *Житова*. С. 7), а также фельдшера Павла Андреевича в рассказе «Контора» из «Записок охотника» (см.: *Тургенев И. С.* Записки охотника. М., 1991 (Сер. «Литературные памятники»). С. 620; примеч. Н. М. Чернова). Получив по завещанию вольную после смерти В. П., К. остался в Спасском, был знаком со многими литераторами из окружения Тургенева (Н. А. Некрасовым, А. А. Фетом, Е. Я. и Д. Я. Колбасиными и др.). Дружеские отношения, установившиеся между К. и Тургеневым в Германии, продолжались и в дальнейшем. По воспоминаниям Фета, «толстый и отяжелевший, он (Порфирий. — *Ред.*) иногда сопутствовал И<вану> С<ергеевичу> в ближайших охотах и в случае надобности мог составить желающему партию на биллиарде или в шахматы. Наивное вранье и попрошайство указывали в нем на бывшего дворового» (*Фет*. *МВ*. Ч. 1. С. 273). В 1854 К. женился на Елене Матфеевой, от которой у него родилось четверо детей, двоих из них крестил Тургенев — Софью в 1855 вместе с М. Н. Толстой и Ивана в 1858 с Е. С. Тургеневой (урожд. Белокопытовой). Трое детей К. умерли в раннем возрасте, в судьбе старшего сына Александра (1856—после 1880) писатель принимал в дальнейшем живое участие, способствовал его поступлению в Технологический университет, пытался примирить с отцом, считавшим сына «нигилистом» и намеревавшимся лишить его наследства. Семейная жизнь К. сложилась не самым благополучным образом, о чем свидетельствует письмо Тургенева к Д. Я. Колбасину от 24 июля (5 авг.) 1862: «На днях к нам явился знакомый вам Порфирий, отправившийся, как Вам, вероятно, известно, в Воронеж — искать... бог знает чего — и бросивший здесь верный и обеспеченный кусок хлеба. На этот поступок его подбilo семейство его жены. Результатом этого безумства было то, что его совершенно ограбили, что он кидался во все стороны, пробовал быть фотографом, рыбным торговцем и т. д. и наконец,

похуевший до странности, разбитый, в одном сюртуке, появился в Спасском, где, радуется, его приняли самым радушным образом» (*ЛССиП(2). Письма*. Т. 5. С. 97—98). Вскоре при содействии Тургенева К. получил место помощника акцизного надзирателя в Черномском у. Тульской губ., недалеко от Спасского. В письме к М. А. Языкову Тургенев рекомендовал его «как человека вполне надежного, честного, трезвого и образованного, которому можно поручить важные дела, с совершенной уверенностью в его полной добросовестности» (Там же. С. 95, 451). В 1868 Тургенев выделил, а затем подарил К. в Спасском участок земли в 15 десятин, находившийся к югу от Варнавицкого колодца. В последние годы жизни К. занимал место земского врача в южной окраине Миенского у., где прослужил 7 лет до весны 1877. Выразительный его портрет оставила в своих воспоминаниях С. Г. Щепкина, неоднократно встречавшаяся с ним в конце 1870-х и записавшая с его слов ряд интересных подробностей о семье самого Кудряшова, о Тургеневе, В. П. и других обитателях Спасского: «Кудряшов оказался веселым собеседником, видел и испытывал многое на своем веку. Он был огромного роста, его бесцветные глаза скрывались под нависшими бровями, в темных волосах на голове и длинной, густой бороде едва просвечивалась седина. В общем он смахивал на неряшливого крестьянина, только в штатском платье» (*Щепкина*. С. 221). После смерти Тургенева долгое время существовала версия о том, что К. был побочным сыном С. Н. Тургенева от крепостной женщины (см., напр. комментарий М. А. Языкова: Первое собрание писем И. С. Тургенева. 1840—1883 гг. СПб., 1884. С. 110), однако это предположение оказалось необоснованным (см.: *Чернов Н. М.* Летопись жизни. Поиски новых материалов для биографии И. С. Тургенева // *Литературная Россия*. 1970. 21 авг. № 34. С. 21). По всей видимости, Кудряшов был незаконнорожденным сыном дворовой (Прасковьи Григорьевны) из села Сычево Миенского у., которая принадлежала Е. И. Аргамаковой (урожд. Лутовиновой), тетке В. П. Крепостными Тургеневых К. и его мать стали только в 1823, после смерти Аргамаковой. В 1818 мать Порфирия вышла замуж за крестьянина Кирсана (Хрисанфа) Прокофьева; в браке у нее родилось трое сыновей — Поликарп, Павел и Николай (1827—?), последний упоминается в п. 9 и 10. О П. Т. Кудряшове см.: *Житова*. С. 63—66; *Щепкина*. С. 221—227; *Красин А. А.* Земский врач-самоучка // *Орловский вестник*. 1889. 26, 28 окт.; *Митракова Л. А.* Дворовый Тургеневых П. Т. Кудряшов // *Спасский вестник*. 1997. Вып. 4. С. 40—45; *Чернов*. С. 95—98.

¹⁹ Позднее Тургенев признавался, что его недовольство было прежде всего вызвано тем, что П. Т. Кудряшов не знал немецкого языка и не мог самостоятельно изъясняться за границей: «В менторы или дядьки ко мне был приставлен один из наших дворовых, бывший у нас фельдшером. С ним я явился в Берлин и тут только убедился, какую обузу мне навязали в этом слугителе, при совершенном его незнании немецкого языка» (*Майков*. С. 205). Кроме того, после утраты всего багажа и денег содержание Порфирия, как следует из последующих писем В. П., обходилось Тургеневу очень дорого. Именно это обстоятельство вынудило его, по всей видимости, во время пребывания в Швейцарии оставить Порфирия и отправиться путешествовать в одиночку: «В Швейцарии я его оставил в одном городке, а сам купил себе блузу, ранец, палку, взял карту и отправился пешком в горы, не наняв себе даже гида. Это, впрочем, привело к тому, что путешествие мое обошлось весьма и весьма недорого и было не в пример приятнее» (Там же. С. 206).

²⁰ Ср. у Даля: «Век протянется — на всякого достанется!» (Т. 3. С. 522).

²¹ В. П. цитирует сказку (стихотворную новеллу) И. И. Дмитриева (1760—1837) «Модная жена» (1791); впервые опубликована в «Московском журнале» в 1792. Ч. 5. С. 15). Сюжет ее, по наблюдению Г. П. Макогоненко, «откровенно восходит к новиковским сатирическим рассказам „Живописца“ о развратных дворянах: молодая жена обманывает своего старого мужа Пролаза и ловко устраивает в своем доме свидание с любовником» (см.: *Макогоненко Г. П.* «Рядовой на Пинде воин» (Поэзия Ивана Дмитриева) // *Дмитриев И. И.* Полное собрание стихотворений. Изд. 2-е / Сост., вступ. ст. и комм. Г. П. Макогоненко. Л., 1967 (Сер. «Библиотека поэта»). С. 21). Добившись чинов и богатства, Пролаз (героиня называет его «Ванечка») женится на умной и ловкой молодой девушке, которая вертит им как хочет. Боясь потерять молодую жену, он поддерживает ее

расположение «ценою дорогой» — богатыми подарками, которые жена искусно выпрашивает.

В письмах В. П. неоднократно цитирует «Модную жену» (см., напр., п. 3 и 13) и др. произведения Дмитриева, с творчеством которого была хорошо знакома. Кроме того, она была лично знакома с поэтом, о чем не без гордости сообщала в письме к М. М. Карповой (урожд. Ждановой); см.: *РГАЛИ*. Ф. 509. № 172. Известен также эпизод, рассказанный самим И. С. Тургеневым, о его встрече с поэтом: «Как теперь помню, шести-семилетним мальчуганом я был представлен одному весьма почтенному старцу. Мне сказали, что это сочинитель Иван Иванович Дмитриев, и я продекламировал пред ним одну из его басен. Но представьте себе ужас и матушки, и окружающих, когда я этому достопочтенному старцу прямо в глаза так и брякнул: „Гвои басни хороши, а Ивана Андреевича Крылова гораздо лучше“. Матушка так рассердилась, что высекла меня и этим закрепила во мне воспоминание о свидании и знакомстве, первом по времени, с русским писателем» (*Майков*. С. 202).

²² *Шафгаузен* (Schaffhausen) — главный город в одноименном кантоне в Швейцарии, расположенный в долине Рейна. Здесь находился знаменитый Рейнский водопад, падавший с высоты 24 м и неизменно привлекавший многочисленных туристов. Красочное описание Рейнского водопада оставил Н. М. Карамзин в «Письмах русского путешественника» (см.: *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. Повести / Вступ. ст. Н. Н. Акоповой; Предисл. Г. П. Макогоненко; Примеч. М. В. Иванова. М., 1982. С. 170—173), которые входили в число излюбленных книг В. П. (см. п. 2, примеч. 11). После выхода в свет книги Карамзина, как отмечает современный исследователь, посещение водопада «становится обязательным номером при планировании русскими туристами зарубежных поездок» (см.: *Шишкин М. П.* Русская Швейцария: литературно-исторический путеводитель. М., 2006. С. 342). Во время заграничного путешествия, предпринятого Тургеневыми в 1822—1823, семья посетила Шафгаузен, об этом сохранилось упоминание в записной книжке В. П. за 1823 г.: «Первый швейцарский город приехали в Шафгаузен, где видели славный Рейнский водопад. — Как это было 14-е число сентября, день рождения нашего друга Губарева, то мы пили старый рейнвейн за его здоровье и лили вино в Рейн» (*РО ИРЛИ*. № 13506. Л. 34 об.—33).

²³ Возможно, имеется в виду *Михаил Семенович Куторга* (1809—1886), читавший Тургеневу историю древних и средних веков в Петербургском университете в 1837, впоследствии профессор истории Петербургского и Московского университетов. В письме к В. П. Боткину от 22 нояб. 1839 В. Г. Белинский дал о нем следующий отзыв: «молодой профессор Куторга, товарищ Редкина, гегелианец и умный человек» (*Белинский*. Т. 11. С. 419).

²⁴ *Лагрявая* (*Лагрявова*, *Логрявая*, *Логрявова*) *Авдотья Ивановна* (урожд. Губарева; 1787(?)—после 1858) — близкая подруга В. П. Дочь кромского городничего И. А. Губарева, сестра В. И. Губарева (см. примеч. 50 к наст. письму), училась с В. П. в одном пансионе, многие годы входила в ее ближайшее окружение и была частой гостьей в доме Тургеневых в Орле и в Спасском, «числилась при Варваре Петровне в качестве компаньонки еще при жизни старика Лутовинова и сумела настолько сильно привязать ее к себе своею сметливостью и ловкостью, что Варвара Петровна подарила ей имение в 100 душ крестьян Болховского уезда, село Лутовиново, и выдала ее замуж за г. Лагрявого» (*Колонтаева*. С. 49). Однако из копии купчей, хранящейся в *ИРЛИ*, следует, что 29 марта 1816 В. П. продала Лагрявой имение в деревне Дичково Болховского у. за 14000 руб. государственными ассигновками (*РО ИРЛИ*. Р. I. Оп. 29. № 87. Л. 321). Впоследствии Тургенев часто ездил охотиться в Дичково (или Лутовиновку), находившееся в 7 верстах от Болхова и в 1,5 верстах от большой Мценской дороги, останавливался там и оттуда выезжал в Льгов (на старое озеро). Вскоре после замужества В. П. подарила Лагрявой свой портрет, сопроводив его следующей запиской: «1816 года 27 числа. Рассалась я с тобою, милая, но сердцем вечно твоя буду. В. Тургенева» (Из прошлого. Труды Тульской губернской ученой архивной комиссии. Тула, 1914. Кн. 1. С. 33. Отд. оттиск.). 22 марта 1821 Лагрявая с братом В. И. Губаревым крестили младшего сына Тургеневых Сергея (*Ката-*

лог 1909. С. 83). Имя Лагровкой, или «Забереузкой», как прозвал ее Тургенев, намекая на расположение имения Авдотьи Ивановны за рекой Береузкой, постоянно встречается в письмах В. П. к Тургеневу. По мнению Н. М. Чернова, Лагровка с мужем и В. И. Губаревым присматривала за младшим братом Тургенева Сергеем во время пребывания Тургеневых за границей в 1822—1823 (Чернов. С. 188). По всей видимости, именно А. И. Лагровку, а не умершую в 1822 Анну Ивановну Лутовинову (в зам. Сергееву) Тургенев упомянул в наброске автобиографии (1835): «...лет четырех чуть-чуть не умер; <...>. Женщина, имевшая обо мне тогда самые нежные попечения, была одна А. И. Л., которую я, несмотря на многие ее не очень хорошие свойства, люблю до сих пор» (ПССЛП(2). Соч. Т. 1. С. 401, ср. коммент. на с. 557). О Лагровкой см. также: Чернов. С. 53—55.

²⁵ Река *Береузика* протекала в Болховском у., в 5 км от Болхова, за ней располагалось имение А. И. Лагровкой — Дичково.

²⁶ Дядя писателя — *Тургенев Николай Николаевич* (1795—1881) — младший брат С. Н. Тургенева, с 1812 начал службу юнкером Кавалергардского полка, за храбрость, проявленную в Бородинском сражении, одновременно с братом награжден знаком отличия военного ордена, в 1813 произведен в поручики; в 1816 уволился от службы в чине штабс-ротмистра. После смерти С. Н. Тургенева (1834) свыше 10 лет заведовал имениями В. П., был «главным лицом в доме»: «...он управлял ее имениями и заведовал всеми делами, хотя полновластным хозяином не был, потому что все делалось по собственной инициативе Варвары Петровны, и более важные вопросы решались ею самой» (*Колонтаева*. С. 46). Деятельностью деверя в качестве управляющего В. П. была постоянно недовольна, неоднократно жалуясь на него в письмах к сыновьям. С 1841 по 1846 Н. Н. был уездным предводителем дворянства по Чернскому у. Тульской губ., а также посредником по размежеванию помещичьих земель. После женитьбы на Елизавете Семеновне Белокопытовой (компаньонке В. П.) между ним и В. П. произошел разрыв. Н. Н. вынужден был поселиться в своей деревне Юшково Карачевского у. Орловской губ., «и, несмотря на неоднократные попытки к примирению со стороны деверя, она осталась непреклонна» (*Житова*. С. 84). В годы детства и юности И. С. Тургенев очень любил своего дядю, о чем свидетельствуют его сохранившиеся письма за 1831. В свою очередь, «Иван Сергеевич был кумиром дяди. Никого не любил он так, как этого племянника» (Там же). Воспоминания мемуаристки рисуют портрет «доброго и прекрасного человека»: «Все, знавшие его, любили его. Мы все (воспитанницы В. П. — *Ред.*) звали его дядей, и был он дядя-баловник для всех нас. Что касается людей подвластных ему, как то: мелкие управляющие, конторщики, старосты и все слуги, все боготворили его, никто его не боялся и никому он не сделал зла. Напротив, он был укрывателем всех провинностей, и все, что могло возбудить гнев Варвары Петровны, тщательно им скрывалось» (Там же). После смерти В. П. Николай Николаевич с 1853 по 1867 управлял имениями, перешедшими по наследству к И. С. Тургеневу. Однако за время его деятельности хозяйство было настолько запущено, что писатель был вынужден пригласить другого управляющего. См.: *Заборова Р. Б.* Тургенев и его дядя Н. Н. Тургенев // *Т Сб.* Вып. 3. С. 221—234.

²⁷ *Бумажная фабрика*, находившаяся в родовом имении отца — селе Тургенево (Введенское тож) Чернского у. Тульской губ., в 18 верстах от Спасского, — была построена С. Н. Тургеневым после женитьбы на В. П. «Ее механизмы приводились в движение колесом, вращавшимся водой реки Снежедь. В конце села, где река суживалась, ее перегородили земляным валом, а в центре сделали деревянную плотину, которая на время половодья разбиралась. Запруда преграждала путь реке, образуя большое водохранилище, огибавшее полукольцом тургеневскую усадьбу. Почти к самому зданию фабрики от водохранилища крепостные прорыли канал. От него по деревянному желобу вода направлялась на огромное деревянное колесо со специальными ячейками. Под тяжестью падавшей воды колесо вращалось, приводя в движение металлический вал и затем — механизмы фабрики» (см.: *Новиков В. А.* И. С. Тургенев в Тульском крае. Документальные очерки. Тула, 1990. С. 12). Известно, что «Иван Сергеевич свои первые литературные произведения писал на бумаге фабрики села Тургенева» (*Колонтаева*. С. 42). После

смерти С. Н. Тургенева управление фабрикой было поручено В. П. его брату, Н. Н. Впоследствии Тургенево вместе с фабрикой перешло к И. С. и Н. С. Тургеневым и оставалось в нераздельном владении до 1850, когда Иван Сергеевич передал свою часть брату. После очередной ссоры с матерью летом 1850 И. С. (вместе с братом и его женой) поселился в родовом имении отца, где прожил с 23 июля (4 авг.) по 26 сент. (8 окт.) 1850. Как следует из его письма к П. Виардо, здесь ему «кустроили комнату в обширном помещении бумажной фабрики, в настоящее время бездействующей из-за процесса, который навлекло на нас дурное управление моей матери» (ПССиП(2). Письма. Т. 2. С. 351. Подлинник по-франц.). В Тургенево писатель начал работу над новыми рассказами из «Записок охотника»: здесь были написаны «Певцы», велась работа над рассказом «Свидание», а также был задуман «Бежин луг». «Я много работаю, — сообщал он в следующем письме к П. Виардо, — и, кажется, довольно успешно; к сожалению, моя комната слишком уж мала, и поэтому в ней чересчур жарко <...>» (Там же. С. 352. Подлинник по-франц.). Бумажная фабрика в селе Тургенево изображена в рассказе «Бежин луг», упоминается также в «Певцах» и «Собственной господской конторе». Интересный эпизод из жизни рабочих фабрики описан Тургеневым в письме к С. Т. Аксакову от 16 (28) янв. 1853: «У меня на праздниках были маскарады: дворовые люди забавлялись; а фабричные с бумажной фабрики брата приехали за 15 верст — и представили какую-то, ими самими сочиненную, разбойничью драму. Уморительнее этого ничего не возможно было вообразить — роль главного атамана исполнял один фабричный — а представителем закона и порядка был один молодой мужик; тут был и хор вроде древнего, и женщина, поющая в тереме, и убийства, и всё, что хотите: — язык представлял смешение народных песен, фраз à la Marlinski (в духе Марлинского. — франц.) — и даже стихов из „Дмитрия Донского“. Я когда-нибудь опишу это подробнее. Впрочем, эту драму сочинили, как я потом узнал, не фабричные; ее занес какой-то прохожий солдат» (Там же. С. 188). Бумажная фабрика просуществовала несколько десятилетий и была закрыта (не позднее 1861) Н. С. Тургеневым из-за нерентабельности. Здание фабрики частично сохранилось до наших дней, на нем установлена мемориальная доска в память И. С. Тургенева (воспроизведено: *Новиков В. А. И. С. Тургенев в Тульском крае. Между с. 32 и 33; о фабрике см.: Там же. С. 12—13, 26—27).*

²⁸ Как установлено Л. А. Бальковой, В. П. цитирует здесь в русском (неизвестном) переводе оду А. Шенье «La jeune captive» («Молодая узница»), к которой обращались многие русские поэты: В. А. Жуковский, Авр. С. Норов, И. И. Козлов, С. Николаевский, А. Н. Апухтин, Н. П. Кельш, В. С. Лихачев и др. В. П., очевидно, держала в руках первое издание стихотворений Шенье, вышедшее в 1819 в Париже: «*Euvres complètes d'André de Chénier*», экземпляр которого был в *Б-ке Тургенева* (не сохранился). См.: *Балькова Л. А. Тургенев — читатель. По страницам мемориальной библиотеки. Орел, 2005. С. 56—58.*

²⁹ Речь идет, по всей видимости, о доме в Орле, который принадлежал сослуживцу С. Н. Тургенева по Екатеринославскому кирасирскому полку Карлу Эдуарду (Карлу Федоровичу) фон Рутцену и находился в 3-й части Орла, где располагалась большая часть дворянских усадеб. Как следует из дальнейших писем (№ 2, 3, 6, 10), в 1838 дом Рутцена В. П. так и не наняла. Дом не сохранился. С сыном К. Ф. Рутцена — Николаем — Тургенев был также знаком; см. о них: *Чернов. С. 132—139.*

³⁰ Закончив Артиллерийское училище, старший брат писателя *Николай Сергеевич Тургенев* (1816—1879) с 1836 служил прапорщиком гвардейской конной артиллерии. Получив в конце авг. 1838 отпуск сроком на 56 дней, Н. С. Тургенев отправился в Спасское, куда прибыл, по-видимому, в начале сент.

³¹ Примечательно, что сам Н. С. Тургенев в письме к брату, написанном вскоре после возвращения из отпуска в Петербург, упомянул и о своих охотничьих успехах: «Впрочем, в Спасском провел я время довольно весело. Ходил на охоту и убил ОДНОГО ДРОЗДА черного — даже вроде тех, что из породы лучших, черных дроздов!!! Чуете?» (*ОР РНБ. Ф. 795. № 90. Л. 2).*

³² *Кромы* — уездный город в Орловской губ.; в Кромах жил В. И. Губарев (см. примеч. 50 к наст. письму), недалеко от города находилось также имение В. П. — Холодово. О каком охотнике идет речь, установить не удалось.

³³ По всей видимости, имеется в виду *Афанасий Тимофеевич Алифанов* (?—1872), что косвенно подтверждается письмом Н. С. Тургенева к брату от 25 окт. 1838, в котором он сообщал: «Ежедневно приносил к нам черемисинский егерь по 20-и штук дичи, и всё ведь был твой пулик-кулик, честь ему и слава!» (*ОР РНБ*. Ф. 795. № 90. Л. 2). По свидетельству чернского помещика Л. В. Кривцова, «этот Афанасий» принадлежал соседу Тургеневых Павлу Ивановичу Черемисинову, который «постоянно жил в своем имении Черемисинове». Он держал большую псовую охоту и, кроме того, был страстным любителем певчих и ловчих птиц. За птицами у него ходил крепостной человек — „соловьятник” — Афанасий, которого он неоднократно посылал в Курскую губернию за соловьями». Впоследствии А. был им «уступлен с семейством за 1000 рублей ассигнациями И. С. Тургеневу, по неотступной просьбе последнего» (*Белевич Н.* Из воспоминаний «деда» (Отрывки) // Охота. 1892. 15 июня. № 20. С. 4). И. Ф. Рында повторил эти сведения, добавив к ним несколько подробностей, полученных непосредственно от детей А. (см.: *Рында*. С. 40—44). Как следует из письма к И. П. Борису от 19 (31) янв. 1866, Тургенев познакомился с А. в 1835: «Как теперь помню я мою первую охоту с ним (он между прочим удивил меня тем, что выгасил чуть ли не из сапога целого поросенка — до так его и съел — без хлеба, но с дегтем), это было в 1835-м году — то есть с лишком тридцать лет тому назад!» (*ПССиП*(2). *Письма*. Т. 7. С. 10). В дальнейшем А. неизменно сопровождал Тургенева на охоте и послужил прототипом Ермолая в «Записках охотника». По воспоминаниям Л. В. Кривцова, «у Афанасия был сын Иван, впоследствии разбившийся при падении с дерева, с которого он доставал молодых ястребов; оба они занимались только уходом за тургеневскими легавыми и охотой со своим баринном. Нередко в этих охотах принимал участие в домашний врач Тургеневых — Порфирий Тимофеевич Кудряшов — тоже записной охотник» (*Белевич Н.* Из воспоминаний «деда» // Охота. 1892. 1 июля. № 21. С. 2). После смерти В. П. Афанасий и его семья получили вольную. «Афанасий представлял собою тип, — теперь уже, кажется, вымерший на Руси, — охотника с ног до головы, всю душой и помыслами преданного охоте» (*Рында*. С. 43), был знаком с Н. А. Некрасовым, А. А. Фетом, Л. Н. Толстым и другими литераторами, приезжавшими в Спасское и охотившимися с Тургеневым. По воспоминаниям Е. Я. Колбасина, «когда Тургенев приезжал в родное село Спасское, то наперед знал, что на другой день явится к нему утром Афанасий, известный под именем дворового егеря, ибо на обязанности его было, еще во времена владычества старой барыни, доставлять дичь на барский стол. Как теперь помню этого высокого, стройного мужика в каком-то коротеньком зипунишке до колен, подпоясанного веревочкой и монотонно докладывающего Тургеневу о выводках коростелей, дупелей и т. п. Тургенев слушал его внимательно, не перебивая его плавной речи, вынимал деньги из кошелька и говорил: „Теперь распоряджайся мною, Афанасий, как знаешь”» (Первое собрание писем И. С. Тургенева. С. 92). По свидетельству Колбасина, именно Алифанову Тургенев обязан появлением рассказа «О соловьях»: «Прелестный рассказ „О соловьях” не есть сочинение Тургенева, а буквально записан со слов Афанасия, великого специалиста во всех родах охоты, начиная с медведя и кончая гольцом» (Там же).

³⁴ Возможно, с тем же *Алексашкой* Тургенев охотился позднее вместе с А. Т. Алифановым и Д. Я. Колбасиным, который, вспоминая свое пребывание в Спасском в 1852 и реакцию Тургенева на просьбу взять его с собой на охоту, писал: «Иван Сергеевич обрадовался неожиданному спутнику и велел егерям своим, старику Афанасию <...> и молодому Александру, снарядить меня по-охотничьи» (*Колбасин Д. Я.* На охоте с Тургеневым / Публ. В. А. Громова // Охотничьи просторы. М., 1966. Вып. 24. С. 196). По предположению Н. М. Чернова, В. П. имеет в виду сына Н. Я. Серебрякова — Александра (1825—?), который недолгое время находился в услужении у Тургенева (см.: *Чернов*. С. 94—95; 207).

³⁵ У Тургенева было две легавые собаки по кличке *Наполь* (Наполеон) — Наполь 1-й (по некоторым данным, «французской породы, кофейно-пегий»; см.: *Рында*. С. 48) и Наполь 2-й — оба отличались великолепными охотничьими качествами, часто упоминаются в семейной переписке, а также в «Мемориале». Наполь 1-й был куплен в 1836, о чем сохранилась запись в «Мемориале» (см.: *ПССиП(2)*. Соч. Т. 11. С. 197), с ним Тургенев, очевидно, удачно охотился летом того же года в Рыбачком, дачной местности на Неве под Петербургом, а также летом следующего года в Мценском у. и в более отдаленных угодьях. Как следует из «Мемориала», Наполь 2-й родился от Наполя 1-го в февр. 1837 (см.: Там же. С. 198), именно о нем идет речь в этом письме. О собаках Тургенева см.: *Рында*. С. 48; *Шапочка В. В.* Охотничьи тропы И. С. Тургенева. Орел, 1998. С. 42—43. См. также п. 2, 7, 9, 10 и др.

³⁶ Пчеловодство было любимым занятием В. П., наравне с разведением птиц (*Аргамакова*. С. 332) и цветоводством. Описывая убранство комнаты В. П. после пожара 1839, мемуаристка упоминает о стеклянной стене на солнечной стороне, к которой «был приделан стеклянный улей, покрытый занавесой из зеленой тафты. Одно время Варвара Петровна, сидя перед ним с лорнеткой в руке, следила за работой пчел» (*Колонтаева*. С. 51). По всей видимости, в авг. 1823 в Батурине Тургеневы познакомились с известным пчеловодом П. И. Прокоповичем (см.: *Чернов*. С. 189), о намерении посетить его позднее В. П. сообщала в одном из писем к сыну. Увлечение матери пчеловодством оставило след и в жизни Тургенева: о том, что писатель был «знаком с жизнью пчел» свидетельствует, в частности, письмо П. К. Маляревского к Н. С. Тургеневу, в котором он, сообщая о визите Ивана Сергеевича в Тургенево в июле 1876, упомянул и о посещении писателем пасеки (см.: *Новиков В. А.* И. С. Тургенев в Тульском крае. С. 22; *Зайцев В. А.* Семейство Маляревских // *Спасский вестник*. 2000. Вып. 6. С. 54).

³⁷ Имеется в виду воспитанница В. П. — *Варвара Николаевна Богданович-Лутовинова* (в зам. Житова; 1833—1900), которую В. П. ласково называла Биби (Bibi), внебрачная дочь Андрея Е. Берса. Еще при жизни В. П. укрепились версия о том, что Б. была ее внебрачной дочерью от А. Е. Берса (о происхождении В. Н. Богданович-Лутовиновой и о ее судьбе см.: *Волкова Т. Н.* В. Н. Житова и ее мемуары // *Житова*. С. 5—19), однако в настоящее время эта версия многими тургеноведами признана несостоятельной (см., напр.: *Богданов Б. В.* В. П. Лутовинова — мать писателя // *Спасский вестник*. 1993. Вып. 2. С. 20—22). Возможно, что фамилию и отчество Б. получила по имени друга своего отца Николая Богдановича Анке, в семье которого она поселилась после смерти В. П. Интересные подробности содержатся в письме В. П. к ее близкой подруге М. М. Карповой от 10 авг. 1844: «Я очень тебе благодарна, что ты занимаешься (sic! — *Ред.*) о благосостоянии Биби. — Об этом я хлопочу и, признаюсь, для того и дом продала, чтобы иметь наличные деньги, которые положила в ланбард на имя неизвестного. — А как ей передам тоже скажу тебе при свиданье. — На счет же ее бумаг, слава Богу, это тоже все кончено. Она чернская купчиха Богдановичева, и я уже плачу за нее акциз. — Бумаги ее у меня. — Фантазия Ивана была дать ей мою бывшую фамилию Лутовиновой, но! ты знаешь, что фамилия девочке не так нужна. — Пусть она будет для свету Лутовинова — а в гильдии купчиха Богдановичева, и все акты будут на имя Богдановичевой, что только позволяет купцам иметь. — А как в купечестве позволено иметь фамилию и прозвище, то она имеет по бумагам фамилию Богдановичевой — по прозвищу Лутовинова. Слава Богу, эти мои дела с помощью Божию все поконченъ» (*РО ИРЛИ*. Р. I. Оп. 29. № 15. Л. 29 об.—30). См. также: *Волкова Т. Н.* В. Н. Житова и ее мемуары. С. 12, где высказано другое предположение об отчестве и фамилии В. Н. Богданович.

³⁸ *Сорокина Елизавета Андреевна* — гувернантка воспитанниц В. П. По всей видимости, именно о ней упоминает Колонтаева: «Когда Варвара Петровна снова окончательно поселилась в своем имении, селе Спасском, при ней находились: ее племянница, девочка лет 12-ти или 13-ти (Сливицкая М. Т. — *Ред.*), воспитанница лет 5-ти или 6-ти (Богданович В. Н. — *Ред.*), а при них гувернантка и немец-учитель, по фамилии Дозе, которым скоро было отказано от места» (*Колонтаева*. С. 46). Сохранилась 1 записка

Е. А. Сорокиной к И. С. Тургеневу, содержащаяся в письме к нему дяди Н. Н. Тургенева от 21 янв. ст. ст. 1839 (см.: *ОР РНБ*. Ф. 795. № 89. Л. 6 об.).

³⁹ *Снурочек* (снурок) — устар. шнурочек (шнурок).

⁴⁰ *Сливщица Маера Тимофеевна* (в зам. Артюхова) — племянница В. П., заботу о воспитании которой она приняла на себя; в 1843 поместила ее в пансион г-жи Севенард в Москве, располагавшийся на Старой Басманной в доме Трейтера. Имя ее часто упоминается в письмах В. П. к И. С. Тургеневу и к М. М. Карповой (*РО ИРЛИ*. Р. I. Оп. 29. № 15).

⁴¹ *Карильон* (carillon) — музыкальный инструмент, посредством часового механизма заставляющий ряд колоколов исполнять какую-либо мелодию, был широко распространен в голландских церквях.

⁴² *Маянсом* (от франц. Maence) В. П. называет один из старейших нем. городов, расположенный на левом берегу Рейна, против устья Майна, — Майнц, который находился в то время в великом герцогстве Гессенском.

⁴³ *Тютчева Элеонора Федоровна* (урожд. гр. Ботмер, в перв. бр. Петерсон; 1799—1838) — жена Ф. И. Тютчева, с которой Тургенев познакомился в мае 1838 во время путешествия на пароходе «Николай I» и которой, судя по письмам В. П., был увлечен. В очерке «Пожар на море» Т. писал: «В числе дам, спасшихся от крушения, была одна г-жа Т..., очень хорошенькая и милая, но связанная своими четырьмя дочками и их нянюшками; поэтому она оставалась покинутой на берегу, босая, с едва прикрытыми плечами. Я пошел нужным разыграть любезного кавалера, что стоило мне моего сюртука, который я до тех пор сохранил, галстука и даже сапог; <...> так что я остался один, полураздетый, промокший до костей, в виду моря, где наш пароход медленно догорал» (*ПССУП(2)*. Соч. Т. II. С. 304—305). В дальнейшем Тургенев и Эл. Ф. Тютчева виделись в Любеке и Гамбурге. Из Гамбурга Эл. Ф. Тютчева отправилась в Мюнхен, где вынуждена была провести несколько недель, заболев после пережитого потрясения чем-то вроде нервной горячки, и куда к ней приехал муж. См.: *Жидкова С. Л.* И. С. Тургенев и семья Ф. И. Тютчева (К 200-летию со дня рождения поэта) // Тургеневский ежегодник 2002 года. Орел, 2003. С. 71—78. См. также п. 13.

⁴⁴ Речь идет об управляющем конным заводом, который был основан И. И. Лутовиновым и достался В. П. в наследство. См. также п. 11.

⁴⁵ *Туман* — по всей видимости, дворовый В. П. Возможно, послужил прототипом героя рассказа «Малиновая вода» из цикла «Записки охотника», возникшего из замысла двух рассказов — «Туман» и «Степушка».

⁴⁶ По всей видимости, здесь В. П. намекает на то, что управлявший конным заводом англичанин понял выражение «больно наказать» буквально: «телесно», а не «сильно», как имел в виду Н. Н. Тургенев.

⁴⁷ В последующих письмах В. П. называет имена нанятых управителей: Матусевич и Иван Матвеев, деятельностью которых она также осталась недовольна (см. п. от 17 (29) янв. и 7 (19) февр. 1839).

⁴⁸ Имеется в виду Ф. И. Лобанов.

⁴⁹ О каком издании идет речь, установить не удалось.

⁵⁰ *Губарев Воин Иванович* (1781—ок. 1868) — сын кромского городничего И. А. Губарева, брат А. И. Губаревой (в зам. Лагриной), через которую, по всей видимости, познакомился с В. П.; воспитаник Московского университетского благородного пансиона, где учился вместе с Д. Н. Блудовым, братьями Н. И. и А. И. Тургеневыми, Д. В. Дашковым и поэтом В. А. Жуковским, который упомянул его в конце «Послания к А. А. Плещееву» (14 окт. 1814). В 1818, ходатайствуя об устройстве Губарева на службу, Жуковский писал А. И. Тургеневу: «...вообще он благородный человек и стоит твоего дружеского покровительства» (см.: В. А. Жуковский в воспоминаниях современников. М., 1999. С. 620). По всей видимости, именно Г. во время пребывания в 1814 у Жуковского в Долбино Белевского у. Тульской губ. привез поэта в Спасское-Лутовиново к В. П. (см.: *Чернов*. С. 179). Как свидетельствуют семейные документы, Г. долгие годы был своим человеком в доме Тургеневых. 22 марта 1821 вместе с сестрой А. И. Лагриной он крестил младшего сына Тургеневых Сергея (*Каталог 1909*. С. 87). Бывая в Спасском, принимал

участие в устраивавшихся там театральных затеях: так, зимой 1821—1822 играл роль «первого соседа» — ябедника Сутягина в постановке комедии А. А. Шаховского «Ссора, или два соседа». В этом представлении были задействованы также братья Сергей Н., Николай Н., Дмитрий Н. Тургеневы и А. И. Лагрявая (исполнила роль жены станционного смотрителя Арефьевны); рукописный список комедии Шаховского из спасской библиотеки ныне хранится в РГБ (см.: *Чернов Н. М.* Спектакль в Спасском-Лутовиново по пьесе А. А. Шаховского // *Спасский вестник*. 2000. Вып. 7. С. 76—79). О Г. Тургеневы вспоминали и во время заграничного путешествия 1822—1823 (см. примеч. 22 к наст. письму). В *Б-ке Тургенева* сохранился также журнал «Приятное и полезное препровождение времени», в ч. 20 (1798) которого опубликован перевод Г. с франц. языка «Черты жизни» (С. 265). Общение с Г. продолжалось и в последующие годы. В 1835, после смерти мужа, В. П. в его сопровождении приехала к детям в Петербург (см.: *Чернов*. С. 203). Тогда же Г. представил юного Тургенева В. А. Жуковскому (о датировке этого посещения см.: *Летопись (1818—1858)*. С. 28, 443), о чем писатель упомянул в «Литературных и житейских воспоминаниях». Здесь же дан красочный портрет Г., с которым Тургенев, по-видимому, встречался и в последующие годы: *ПССиП(2)*. Соч. Т. 11. С. 69—70. Из подготовительных материалов к роману «Дым» явствует, что Тургенев предполагал использовать некоторые черты внешнего облика Г. для портрета Потугина («...наружность: — между М. Языковым и Губаревым. — Головастый — крупное тело на коротких ногах»; см.: *Тургенев И. С.* <Подготовительные материалы к роману «Дым»> / Публ. и послесловие П. Уоддингтона // *ПЛ*. 2000. № 3. С. 109). О Г. см. также: *Чернов*. С. 64—67.

⁵¹ По всей видимости, В. И. Губарев какое-то время управлял кромским имением В. П. Холодово, однако его деятельностью в качестве управляющего она осталась крайне недовольной и в итоге отказалась от его услуг. Подробности этого конфликта содержатся в письме Н. С. Тургенева к брату: «Воин Иванович Губарев изволил плутовать, давать различные глупые и дерзкие приказания, напр.: „Староста, прикажи с мужиков собрать мне на издержки по целковому, да о том не говори господам. Быть по сему, подписано В. Губарев“. А он потом отрекается от своей руки и 1000 мерзостей в этом роде. Всенатурально — что ему отказали.» (*ОР РНБ*. Ф. 795. № 90. Л. 2—2 об.).

⁵² Имеется в виду барон *Петр Иванович Черкасов* (1796—1867) — старший брат осужденного декабриста А. И. Черкасова, участника Отечественной войны 1812, поручик, адъютант генерала Н. М. Бороздина, впоследствии отставной полковник, сопровождавший В. П. в ее заграничной поездке в 1834—1835. Был знаком с В. А. Жуковским, к нему обращено стихотворение «В альбом. Барону П. И. Черкасову» (1814). С семейством Черкасовых (их имение Володьково Белевского у. Тульской губ. располагалось недалеко) Тургеневых, по-видимому, связывали давние отношения. Здесь В. П. намекает на то, что барон был замешан в событиях 14 дек. 1825: П. И. Черкасов подозревался в принадлежности к тайным обществам, был арестован, но затем по высочайшему повелению (10 янв. 1826) освобожден с оправдательным аттестатом.

⁵³ Письмо Н. Н. Тургенева на внутренней стороне конверта см. ниже.

⁵⁴ *Герцогство Нассау* — самостоятельное существовало с 1806 по 1866, располагалось на территории современных земель ФРГ Гессен и Рейнланд-Пфальц, с 1816 столицей герцогства был *Висбаден* (Wiesbaden), известный бальнеологический курорт. Путешествуя по Германии в сопровождении барона Розена и П. Т. Кудряшова летом 1838, Тургенев посетил и герцогство Нассау: о его пребывании в Эмсе в письме к родным 18 (20) июня сообщил Н. В. Станкевич: «Проездом был здесь Тургенев, которого я узнал в Москве в университете и который кончил потом курс в Петербурге» (*Переписка Станкевича*. С. 64). В это же время Тургенев мог посетить и Висбаден, а далее проследовать в находившиеся неподалеку Франкфурт и Майнц. В том же письме Станкевич дает красочное описание Эмса и близлежащих городов, в которых, как следует из письма В. П., побывал и Тургенев: «Место, на котором стоит Эмс, слишком дико и уединенно, но он окружен интересными пунктами. В двух милях отсюда Рейн и на нем город Колбленц и крепость Эренбрейгштейн; в 12 милях Франкфурт, — Майнц еще ближе. Деревушки, лежащие в ущельях и на горах, очень интересны и дают повод к веселым путешествиям. <...>

В 8 милях отсюда лежит столица — Висбаден, очень хорошенький город, <...> в 1 миле — старый замок герцогов, лежащий в развалинах на острой вершине горы, куда мы уже имели удовольствие съездить на ослах; <...> Берега Рейна хороши особенно. В первый мой приезд в Кобленц я остановился на мосту, который развели, чтобы пропустить два парохода, пришедшие из Майнца». «В Майнце, — писал Станкевич 5 (17) сент., — я еще раз полюбовался на памятник Гуттенбергу — изобретателю книгопечатания, майнцкому уроженцу, на старинный собор и на чудесную окрестность. <...> после всех этих замков, уносящих в средние века, они напоминают тихую нашу жизнь в деревне, пробуждают стремление к своим, к семейству, которое во всех странствиях остается утешительною мыслию, сладкою отдаленною целью, без которой жизнь потеряет всю прелесть» (Там же. С. 62—63, 72).

⁵⁵ *Берс Андрей Евстафьевич* (1808—1868) — младший брат Александра Е. Берса и отец В. Н. Богданович-Лутовиновой (см. примеч. 37 к наст. письму); гофмедик, врач Московской дворцовой конторы, сверхштатный врач московских театров. Б. сопровождал С. Н. Тургенева в его поездках за границу в 1829—1830 и 1830—1831 и «всегда вспоминал об этом путешествии, как о самом приятном, поэтическом времени» (см.: *Кузминская Т. А.* *Моя жизнь дома и в Ясной Поляне.* 2-е изд. Калининград, 2003. С. 39). С Берсами семью Тургеневых связывали давние отношения. В 1842 Б. женился на Л. А. Иславиной (дочери А. М. Исленьева). Несмотря на некоторое охлаждение отношений между В. П. и Б., последовавшее за его женитьбой, он бывал в доме В. П. в Москве. Впоследствии И. С. Тургенев, бывая в Москве, также неизменно навещал семью Андрея Евстафьевича. В 1862 Л. Н. Толстой стал зятем А. Е. Берса, женившись на его средней дочери С. А. Берс. По воспоминаниям Толстого, Берс был «чрезвычайно прямой, честный и вспыльчивый человек» «и большой ловелас» (*Толстой*. Т. 47. С. 504—505).

⁵⁶ В. П. почти дословно цитирует строки из баллады В. А. Жуковского «Эолова арфа» (1814): «Лишь царским убором / Я буду с толпой; / А мыслию, взором, / И сердцем, и жизнью, о милый, с тобой».

⁵⁷ Письмо Н. Н. Тургенева записано на внутренней стороне конверта, сложенного из бумаги розового цвета.

⁵⁸ Источник цитаты установить не удалось.

⁵⁹ По всей видимости, имеется в виду А. Т. Алифанов. См. примеч. 33 к наст. письму.

⁶⁰ «Журнал», о котором идет речь, не сохранился. Ср. п. 2.

2

23 августа (4 сентября) 1838 года. Спасское-Лутовиново

1838-го года. 23-го августа
4 сент-ября>.
Спасское.

Mon cher Jean.^a

Я писала к тебе в пятницу,¹ а нынче вторник, и мне бы почти нечего было тебе сказать, но! между тем временем, т. е. в субботу, я получила от тебя не письмо, а описание страсбургской колокольни, которое наилучше знаю. Целый месяц жила я в Страсбурге,² потому что отец ездил в Швейцарию за гувернером там...³ Несколько раз лазила я на колокольню и была там, где ты был, гораздо выше платформ, имею и рисунок, и описание.⁴ — Всё это для меня не такая еще старина для меня (sic! —

^a Дорогой мой Иван (франц.).

Ред.), чтобы истребилось из моей памяти и сделалось вновь интересно читать в твоих письмах. Я уже к тебе писала, что много в них могло бы меня интересовать, и чего ты совсем не пишешь. — Например, с большим нетерпением ожидала я читать многое, что точно могло бы доставить мне величайшее удовольствие, например, какое на *тебя* имело впечатление... Собственно, описывая страсбургскую колокольню, ты спускаешься в *Cathédrale*^b и ни слова об органах,⁵ которые меня в мою бытность приводили в неизъяснимый восторг, хотя я прежде слышала дрезденские.⁶ Эта полнота гуд во время литургии. Мне казалось, что глас трубный воззвал мертвых и требует отчета. — Об органах ты ни слова. Ты в Швейцарии,⁷ в самой *стенной*, по-нашему в Ливеншине.⁸ — Там, где швейцар, без примеси швейцарский народ, *мужиковина*. Ни слова ты мне о швейцарочках, о их на головах *бабочках*.⁹ — Потом... Неужели не поразили тебя, плоскоземного жителя, горы... горы... да какие еще горы... Снеговые в Берне,¹⁰ Юнгфрау¹¹... и пр<о>ч... и пр<о>ч. — А мой Тун тоже останется от тебя *втуне*, мною любимый...¹² *Злодей*, ты точно посланный от правительства курьер, скачешь к бюту,¹³ да где же твой бют-то!.. Как будто все это ты видишь потому, что проезжаешь, и тебе некогда слова сказать матери и другу. А климат, а зелень швейцарская, а сливки, а белая телятина, а сыр. Я не узнаю моего сына, ни его гастрономии.¹⁴ Дядя боится, чтобы ты в Берне не погрешил *de l'inceste*.^c — В Берне живучи, дядя очень ласков был к швейцарочкам, а теперь этому 16 лет.

Рано же ты загрустил по России, по нас дело другое грустить, а по России грустить, любуясь на Швейцарию, это видно, что ты конопляничек¹⁵ домосед. — Недавно из двора уже во... изняла — русская крестьянская поговорка.¹⁶ — Слышал ли ты где выстрел, твоя любимая охота была охотиться... А мы-то, по милости твоего Наполя¹⁷ в дичине можно бы зарыть не только нас, а и спасский дом. — Я к тебе писала, что дичины было и есть даже в самом Спасском дупели, диковинка для всех. — Твой Наполь сейчас лизал мою руку за подачку хлебную и ослюнил всю. — Он так похож на своего отца, как брат на своего. — Или ты на меня. Хорошо сравненье.¹⁸

Кстати, о брате. Он опять профессором в школе¹⁹ и теперь в отпуску, на два месяца едет к нам. — Мы готовимся встречать дорогого гостя и угощать, семь лет не бывалого, как блудного сына угощали.²⁰ — Свиной откармливая и пр<о>ч... à propos,^d посылаю тебе краткую выписочку убитой дичи.

Я, кажется, все к тебе писала, и о новоприобретенном знакомстве — *Чапкина* и его двух дочерей.²¹ Я свои делишки почти устроила по желанью. И хоть бы и ехать из Спасского к тебе. — Да вот причина, от свекольного сахару или на свекольный сахар, слюнки текут. — Затеваю с

^b собор (франц.).

^c кровосмешением (франц.).

^d кстати (франц.).

ты у меня руки отымаешь сими словами, а между тем все-таки про-
сишь денег, а ведь чем же я их буду в силах нажать, ежели буду рыс-
кать. — *Piege qui roule n'amasse pois de mousse.*^e — Вот, например,
весь мох около тебя обтерся, и очень скоро. — Хотя ты уверяешь меня,
что экономен, но! за исключением обмундировки, в месяц проживаешь
более 1000. Требуемые тобою две тысячи посылаю тотчас, через месяц,
т. е. к нашему 1-му октябрю ты их получишь. Это мои тебе последние
деньги жалованья. После сего требуй от своего управляющего, что Бог
уродит. — А я тебя предупреждаю, что ты не жди богатой жатвы,
во ржи пух. — Гречиха уродилась, а овес нипочем. И я не надеюсь, что-
бы ты на старые долги прибавлял новых. — Помни, что у тебя
1000 душ. — И 150 000 долгу.²³ По тысячи рублей на месяц тебе никак
не достанет.

Однако пора переменить матерью и уведомить тебя об нас. — Начи-
ная с меня, я уже 6 недель, слава Богу, покойна, в 7 лет первый раз. —
6 недель не лежала ни дня в постели — т. е. — т. е. освобождена была
от своей болезни, которая в Петербурге так меня мучила.²⁴ Не знаю, что
будет вперед.

Дядя помолодел и волочится за Лизочкой²⁵ нарумяненной, которая
его ревнует к Колонтаевой.²⁶ — А немка²⁷ — к Лизочке, и сохнет. —
Il est le coq de notre village, mais le coq un peu vieux déjà.^f

Обе немки то смирны... то капризны по-прежнему.²⁸ Мавра²⁹ все не
растет. — Учится хорошо. — А Биби все мила, все умна, все весела. —
Все без цепочки. Да напиши ты, мое сокровище, в Франкфурт или дай
мне адрес того секретаря,³⁰ я бы написала к Языкову³¹ и умела бы вы-
хлопотать. В нетерпенье получить цепочку.

Я надеюсь осенью видеть в Спасском бабушку.³² Брат приедет на ко-
роткое время, надо всем съехаться.³³

Зиму располагаю жить в Орле, Руцына³⁴ дом нанимаем, куды дядя
сейчас едет.

Вот и все, более уже писать нечего, хоть в жом меня,³⁵ да и негде. —
Как приедешь в Берлин, много моих писем найдешь. — И тогда буду
писать аккуратно еженедельно. — А пока цалую и благословляю те-
бя. — Мать и друг твой

В. Тургенева.

Ваничка. — Семена все поспеют уже осенью. — Не будешь ли ты
иметь способу прислать мне, в Петербург. — Особенно огородных, да и
пр<о>ч., т. е. дынь, арбузов, тыкв. — Да, пожалуйста, в письмах присы-
лай семечек. — Травки и листочки твои берегутся.³⁶

Печатается по подлиннику: *ОР РНБ*. Ф. 795. № 91. Л. 5—6.

Первая половина письма впервые опубликована: *РМ (1)*. С. 102—103; отрывки:
Т Сб 1915. С. 41; *Т Сб*. Вып. 1. С. 346.

^e Кто много странствует, добра не наживает; букв.: Катящийся камень никогда мхом
обрастает (*франц.*).

^f Он у нас первый парень на деревне, правда, слегка потрепанный (*франц.*).

¹ Письмо не сохранилось.

² В *Страсбург* (Strasbourg) — в то время франц. город на реке Иль, расположенный недалеко от нем. границы (в Келе), — Тургеневы прибыли из Парижа весной 1823. Указанный в «голубой тетради» маршрут следования — через Мо (Meaux), Эперней (Epernay), Вердюн (как называет В. П. Verdun) и Мец (Metz) — подробно изложен в путеводителе Рейхарта, с обозначением всех основных достопримечательностей. Так, в Мо путешественникам рекомендуется прогуляться по берегам реки Марна, откуда открывается широкий вид, полюбоваться архитектурой кафедрального собора и главной площадью, а также попробовать замечательные сыры «под названием *сыры из Бри*, известные по всей Европе своей изысканностью». Эперней славится «превосходными винами Шампани»: «погребя и хранилища шампанских вин месье Моэ содержат многие сотни тысяч бутылок и представляют собой уникальное явление». В Меце все напоминает об осаде 1552, в числе достопримечательностей: «великолепные» здания казарм, артиллерийская школа, а также мед и «высоко ценимое» варенье из мирабели и белой земляники (*Reichard. Guide des voyageurs en France. Weimar, 1818. P. 215—216*). Вероятно, для лечения В. П. осталась в Страсбурге на целый месяц, в то время как Сергей Николаевич вместе с братом и сыновьями отправился в Швейцарию.

³ Как предположила Т. П. Ден, в Швейцарии Сергей Николаевич рассчитывал найти гувернера, знакомого с методами Песталозци. Сведений о том, удалось ли ему осуществить свое намерение, не сохранилось. Имена некоторых гувернеров писателя известны из перечня действующих лиц очерка «Учителя и гувернеры», предназначавшегося Тургеневым, по-видимому, для цикла «Отрывки из воспоминаний — своих и чужих» (см.: *ПССУП(2). Соч. Т. 11. С. 245*). О педагогических взглядах отца Тургенева см.: *Ден Т. П. С. Н. Тургенев и его сыновья. С. 132—135*.

⁴ Знаменитый кафедральный *Страсбургский собор* (Münster) строился в X—XVI вв. и затем неоднократно достраивался, благодаря чему представляет собою все стадии средневекового зодчества, от раннего романского до позднего готического стиля. Путеводитель Рейхарта причисляет его к «замечательным сооружениям» и уделяет значительное место описанию башни (колокольни) высотой 142 м, созданной в эпоху расцвета готического стиля: «...сооружение здания собора (продольного нефа. — *Ped.*) было завершено только в 1275 году. Два года спустя началось возведение башни, осуществлявшееся первым архитектором Эрвином Штейнбахом. Строительство было закончено только в июне 1439 года. Это готическое здание приводит в восхищение всех ценителей. <...> Ажурная и зубчатая башня напоминает кружево. Статуи и значительное количество других украшений, как снаружи, так и внутри, были разрушены и похищены во время революционного вандализма. Со смотровой площадки (платформы, как ее часто называли в XIX в., от франц. *plateforme*. — *Ped.*) открывается широкий вид. На камнях этой площадки можно прочесть имена многих любопытных, а также то, что один из хранителей колокольни вырезал на камне за небольшое вознаграждение. У этих хранителей можно купить небольшие оловянные медали с изображением колокольни» (*Reichard. Guide des voyageurs en France. P. 126*). Описанию собора в Страсбурге уделено значительное место и в «Письмах русского путешественника»: «Здесьняя кафедральная церковь есть величественное готическое здание, и башня ее почитается за самую высочайшую пирамиду в Европе. Вошедши во внутренность сего огромного храма, в котором никогда ясного света не бывает, нельзя не почувствовать благоговения <...>. — По крутой лестнице <...> всходил я почти на самый верх башни, откуда без некоторого ужаса не мог смотреть вниз. Люди на улицах представлялись ползающими насекомыми, и целый город, казалось, можно было в минуту измерить аршином» (*Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. С. 146—147*).

⁵ В Страсбурге В. П. могла слышать знаменитые органы Страсбургского собора, самый крупный из которых — работы Андреаса Зильбермана (1678—1734) — украшал северную стену нефа (его корпус был оформлен причудливыми фигурами более раннего времени), а также слышать органную музыку в Eglise Saint-Guillaume, Eglise Sainte-Aurèle (оба органа работы того же мастера) и звук органа в церкви Сен-Томас работы Ио-

ганна-Андреаса Зильбермана (1712—1783), который признан одним из самых чистых и насыщенных в мире. В путеводителе Рейхарта главными достопримечательностями церкви названы мавзолей маршала Сакса (скульптор Ж.-Б. Пигаль) и надгробие И.-Д. Шепфлина, профессора Страсбургского университета и преподавателя Гёте (*Reichard. Guide des voyageurs en France*. P. 127).

⁶ *Дрезден* (Dresden) — то время столицу королевства Саксонского, которую часто называли Флоренцией на Эльбе, — семья Тургеневых посетила в 1822, в начале своего путешествия. Здесь В. П. могла слышать знаменитые органы работы Г. Зильбермана (1683—1753), установленные в различных церквях — Фрауэнкирхе (Frauenkirche), Хофкирхе (Hofkirche) и в Церкви св. Софии (Sophienkirche).

⁷ Очевидно, именно об этом первом самостоятельном путешествии по Швейцарии Тургенев рассказывал Л. Н. Майкову в 1880: «В Швейцарии я <...> купил себе блузу, рюкзак, палку, взял карту и отправился пешком в горы, не наняв себе даже гида. <...> В Швейцарии обыкновенно все интересные места ограждены загородками и, чтобы пройти за них, надо всегда что-нибудь платить, а так как я представлял из себя простого пешехода, а не иностранного туриста, то меня всюду пропускали бесплатно» (*Майков*. С. 206).

⁸ Вероятно, В. П. имеет в виду область Швейцарии, получившую название *Левентина* (нем. *Livinen*, итал. *Valle Leventina*), — горную долину на юге страны, которая протягивается от населенного пункта Айроло (у перевала Сен-Готард) до впадения реки Тичино (приток реки По) в озеро Лаго-Маджоре. Долина имеет 36 км длины и до 1 км ширины; она спускается четырьмя уступами, из которых два верхние имеют северный альпийский характер, а нижние покрыты виноградниками и каштанами и изобилуют водопадами. Здесь преимущественно было развито молочное хозяйство, хлебопашество, шелководство и виноградарство.

⁹ Имеется в виду швейцарский национальный женский головной убор с веерообразными кружевными наколками, напоминающими крылья бабочки. Ср. у Карамзина: «Сколь прекрасна здесь натура, столь прекрасны и люди, а особливо женщины, из которых редкая не красавица. Все они свежи, как горные розы, — и почти всякая могла бы представлять нежную Флору» (*Карамзин Н. М. Письма русского путешественника*. С. 206).

¹⁰ Путешествуя по Швейцарии в сент. 1822, Тургеневы вынуждены были задержаться в Берне, где, как следует из «голубой тетради», «долго жили оттого, что мамаша была очень больна» (*РО ИРЛИ*. № 13506. Л. 34). *Берн* (Bern), расположенный на высоте 536 м над уровнем моря, на полуострове, на левом берегу Аары, является главным городом одноименного швейцарского кантона. Из достопримечательностей, упомянутых в путеводителе Рейхарта, выделяется грандиозный собор в готическом стиле, с высокой (62 м) башней, а также примыкавшая к нему с южной стороны терраса, с которой открывался «один из самых красивых видов Швейцарии» на Альпы и близлежащие окрестности: «вид Альп и глетчеров в момент восхода или захода солнца, бесспорно, представляет одно из великолепнейших зрелищ в природе» (*Reichard. Guide des voyageurs en Suisse*. Weimar, 1816. P. 19, 20). В восточной части города расположен так называемый *Bärengraben* (медвежий ров), в котором с древних времен, по сохранившемуся обычаю, содержатся в особом, открытом для публики помещении несколько медведей. Здесь произошел случай, описанный Тургеневым в автобиографическом очерке: «При осмотре известной Бернской ямы, где хранятся медведи, четырехлетний мальчик едва не провалился туда и дорого заплатил бы за свою неосторожность, если бы отцу не удалось вытащить его оттуда, в ту же минуту, за ногу» (*ПССУП(2)*. Соч. Т. 11. С. 201). Об этом происшествии Тургенев сообщал также в письме к М. Д. Хмырову: «... в Берне чуть не упал в яму к медведям; отец мой едва успел схватить меня» (Там же. *Письма*. Т. 9. С. 71). Примечательна также запись в «голубой тетради» В. П.: «Что вы видели в Берне? — Живых оленей, диких коз и четыре медведя — которые служат гербом города. — Почему Берн называется Берн. — Король поехал на охоту и дал слово дать этому городу название того зверя, какого он поймает, и, поймав медведя, назвал его Берн» (*РО ИРЛИ*. № 13506).

Л. 44 — 45 об.). Во время пребывания в Берне Тургеневы неоднократно виделись с Д. Н. Свербеевым, родственником В. П., который в то время служил там при русском посольстве (см.: *Свербеев Д. Н. Записки (1799—1826): В 2 ч. М.: 1899. Ч. 2. С. 234*).

¹¹ *Юнгфрау* (Jungfrau) — третья по высоте вершина Финстерааргорнской группы в Бернских Альпах (4167 м), одна из самых красивых гор в Швейцарии. Упоминание Юнгфрау, возможно, навеяно романтическим описанием вершины в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина, которое было, несомненно, хорошо известно как В. П., так и И. С. Тургеневу: «Светлый месяц взошел над долиною. Я сижу на мягкой мураве и смотрю, как свет его блистает на вершине *Юнгферы*, одной из высочайших Альпийских гор, вечным льдом покрытой. Два снежные холма, девическим грудям подобные, составляют ее корону. Ничто смертное к ним не прикасалось; самые бури не могут до них возноситься; одни солнечные и лунные лучи лобызают их нежную округлость; вечное безмолвие царствует вокруг их — здесь конец земного творения!..» (*Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. С. 198*). В *Б-ке Тургенева* сохранилось издание «Писем русского путешественника» Карамзина (Т. 2—5 в составе «Сочинений», вышедших в Москве в 1803). Об увлечении В. П. «Письмами русского путешественника» Карамзина см.: *Балькова Л. А. Тургенев — читатель. С. 35*. См. также: *Каталог Б-ки Т. С. 104—107*. Пребывание Тургенева в Швейцарии в 1838 было весьма непродолжительным; в 1840 он вновь побывал в Швейцарии, на пути из Италии в Германию. Очевидно, впечатления, полученные писателем во время путешествия по Швейцарии, в том числе и от вида Юнгфрау, были довольно сильными. В этой связи не случайными представляются появление записи «Юнгфрау» в черновой рукописи рассказа «Уездный лекарь» (1847), а также обращение к ней в позднейших «стихотворениях в прозе» «Разговор» и «У-а... У-а!». По наблюдению М. П. Алексеева, эпиграф к «Разговору» («Ни на Юнгфрау, ни на Финстерааргорне еще не бывало человеческой ноги»), помимо «Писем русского путешественника», мог иметь источником также драматическую поэму Байрона «Манфред» (1817), действие которой разворачивается в Швейцарских Альпах, в частности именно на «горе Юнгфрау». Писателю было также хорошо известно стихотворение А. де Мюссе «К Юнгфрау» (см.: *ПССУП(2). Соч. Т. 10. С. 478*).

¹² Игра слов, основанная на созвучии названия швейцарского города Тун (Thun), лежащего в 30 км (или 6 часа езды) от Берна, и русского наречия «втуне». Здесь В. П., очевидно, намекает на то, что Иван Сергеевич во время пребывания в Берне не заехал в город, запомнившийся ей своими живописными окрестностями. Тун расположен у северного подножия Бернских Альп, на западе центральной Швейцарии, к югу от Берна, на реке Ааре (которая здесь вытекает из Тунского озера). Как следует из «голубой тетради» В. П., в Тун Тургеневы прибыли из Цюриха (24½ часа езды), а уже оттуда отправились в Берн. Из записей, которые В. П. использовала для занятий с сыном Николаем в 1823, видно, что в Туне ее внимание привлекли, в частности, «альпийские снежные горы» (*РО ИРЛИ. № 13506. Л. 44*).

¹³ Игра слов, основанная на значении франц. слова *le but* — «цель».

¹⁴ В путеводителе Рейхарта значительное место уделено описанию достоинств швейцарского молока («Это молоко настолько жирное, что даже снятое оно остается таким же жирным, как и молоко в других регионах до снятия сливок»), сыров (из которых предпочтение отдается сыру из Фрибура), мяса, вин и фруктов (*Reichard. Guide des voyageurs en Suisse. P. 8—9*).

¹⁵ Ср. у Даля: *конопляник* — 1) огород или поле, засеваемое коноплями; обычно это лучшая и удобряемая земля, на задах, промеж двора и гумна; 2) волокита, который прячется в коноплях (Т. 2. С. 152).

¹⁶ Ср. у Даля: «Недавно из двора, а вошь изняла, на чужбине» (Т. 2. С. 510).

¹⁷ См. п. 1, примеч. 35.

¹⁸ Чертами лица Н. С. Тургенев, как любила подчеркивать В. П., походил на отца, а И. С. Тургенев — на нее. Сам И. С., отзываясь о своем отце, также замечал: «Отец мой был красавец; я могу это сказать потому, что я несколько на него не похож — я похож лицом на мать» (*Островская. С. 32*). «Что касается наружности обоих братьев, то, судя по

портретам покойного мужа Варвары Петровны и по словам всех тех, кто его помнил, Николай Сергеевич походил на отца, а Иван Сергеевич на мать; не потому ли все и считали последнего ее любимцем» (*Колонтаева*. С. 55). Последнее обстоятельство было, по-видимому, источником глубоких переживаний для Н. С. Тургенева, о чем косвенно свидетельствует письмо к нему В. П.: «Мне говорили, будто ты меня ревнуешь к брату. — Правда это или нет? — Укуси себе палец один, другой и все. Который больнее верно не скажешь и поэтому верь, что все дети точно пальцы, например. — Ежели бы у меня спросили, который мне нужнее, я бы назвала. — А который милее, жалче. — Нет! — А из двух выбирать который. — Право, смешно и странно. — Я люблю Ваню, знаю, что и твой он фаворит! — Benjamin — de la famille (Самый младший — в семье. — франц.). — Столько же мой, как и твой. — Все его балуем. Он маленький. — Он материн портрет, а ты подобие любимого отца и мужа. Ты первенец» (*ОР РНБ*. Ф. 795. № 116. Л. 7 об.—8).

¹⁹ Речь идет о *Пиротехнической артиллерийской школе* — специальной школе при Артиллерийском ведомстве в Петербурге, основанной в 1832 и подготавливавшей оберфейерверкеров, в которой преподавал Н. С. Тургенев. В письме к Ивану Сергеевичу (25 окт. 1838) он сообщил: «...слава Богу, я все дела уже поустроил, и я нынешнюю зиму опять состою при благословенной фейерверкерской школе. Будет ли мне за это что-либо вроде часишек по положению, я не знаю, а знаю только то, что я в Петербурге, это уже для меня предостаточная награда» (*ОР РНБ*. Ф. 795. № 90. Л. 1). Согласно положению об артиллерийских школах, все офицеры, назначенные в школы, освобождались от прочих обязанностей службы «для того, чтобы дать им возможность с полным вниманием заниматься обучением вверенных им людей» (см.: Проект положения о дивизионных артиллерийских школах. СПб., 1838. С. 9).

²⁰ Николай Сергеевич не был в Спасском с осени 1831, когда семья Тургеневых переехала на постоянное жительство в Москву, где братья усиленно готовились к поступлению в учебные заведения. В конце 1833 Н. С. был определен в Артиллерийское училище в Петербурге, с 1836 служил прапорщиком лейб-гвардии конной артиллерии. См. также его приписку в п. 3.

²¹ Имеется в виду *Чапкин Василий Никитич* (1791—1857) — губернский секретарь, сосед В. П., владелец сельца Кудиново (в котором и находился сахароваренный завод) Чернского у. Тульской губ. и сельца Прудичи Мценского у. Орловской губ. У Чапкина было шестеро сыновей и две дочери — Олимпиада и Наталья, с которыми Тургенев был знаком и неоднократно встречался. *Олимпиада* (в зам. Аргамакова; 1817—1886) впоследствии была компаньонкой В. П. и оставила интересные воспоминания о семье Тургеневых (см.: *Аргамакова*). С В. П. она познакомилась в 1836: «Я жила с отцом в пяти верстах от Спасского; часто бывала у Варвары Петровны в старом доме, где всегда гостило много девиц. Избранными моими подругами были Елизавета Ивановна Дунаевская, по замужеству княгиня Кугушева (дочь С. А. и И. О. Дунаевских. — *Ред.*), затем девица Лаврова и девица Анна Яковлевна Шварц <...>» (*Аргамакова*. С. 327). О Чапкиных см.: *Новикова Е. Б.* Семейства Чапкиных в Черском уезде (К вопросу об аренде Спасского) // *Спасский вестник*. 2001. Вып. 8. С. 125—134.

²² Имеется в виду бумажная фабрика в Тургенева (см. примеч. 27 к п. 1). Впоследствии, когда фабрика принесла Н. Н. Тургенева небольшой доход, В. П. несколько изменила свое мнение (см. п. 4).

²³ В письмах к сыновьям В. П. неоднократно сообщала о намерении разделить все имущество — сначала на 3, потом на 4 части, — однако выполнение своего обещания откладывала. См. также п. 4, примеч. 13.

²⁴ В одном из более поздних писем к Ал. Е. Берсу (от 12 дек. 1842) В. П. признавалась: «Я бы имела многое к вам писать. Но! рука моя еще слаба после — или лучше сказать по моей болезни. О которой писать излишне. — Нервические сильные припадки» (*ОР РНБ*. Ф. 795. № 115. Л. 1).

²⁵ Речь идет о Е. А. Сорокиной (см. также п. 9).

²⁶ *Колонтаева Варвара Николаевна* — соседка, впоследствии компаньонка В. П., оставила подробные воспоминания о своем 10-летнем пребывании в доме Тургеневых

(см.: *Колонтаева*), познакомилась с В. П. в имени А. И. Лагриной Дичково, где «обратила внимание <...> своим веселым характером, за который она впоследствии меня постоянно любила и жаловала. Она с любезностию пригласила меня приехать к ней в Спасское, несмотря на то, что у нее жили, кроме ее племянницы и воспитанницы, еще 2 или 3 молодые образованные девицы. В это время у моего отца горел дом, и мы лишились почти всего нашего состояния, а потому я с радостию воспользовалась приглашением Варвары Петровны и с этих пор почти безвыездно находилась в Спасском» (*Колонтаева*. С. 49).

²⁷ Возможно, имеется в виду Анна Яковлевна Шварц (?—1872) — будущая жена Н. С. Тургенева, состоявшая в это время «при особе Варвары Петровны в должности камеристки». В воспоминаниях Колонтаевой, относящихся к этому времени, она предстает «весьма некрасивой собой, высокого роста, худой, с темно-желтым цветом лица»: «...ее место было в уборной, где она постоянно занималась кройкой и шитьем белья и платьев и приготовляла для „госпожи“ (говоря о своей персоне, Варвара Петровна иначе себя не называла) утренний, денной и ночной туалеты. За общим столом Анна Яковлевна не обедала, для нее накрывали отдельно тут же в зале маленький столик» (*Колонтаева*. С. 46, 48). См. о ней: *Мельник Е. Г. А. Я. Шварц в семье Тургеневых // Тургеневский ежегодник 2002 года*. Орел, 2003. С. 93—102.

²⁸ Речь идет об А. Я. Шварц и Е. А. Сорокиной.

²⁹ Имеется в виду М. Т. Сливичкая. См. п. 1, примеч. 40.

³⁰ Имеется в виду Иван Иванович Маркелов — старший секретарь русской миссии во Франкфурте-на-Майне, через которого Тургенев отправил в подарок цепочку и крестик для воспитанницы В. П. В дальнейшем В. П. неустанно интересовалась судьбой подарка для «Вариньки», который был получен только 16 (28) дек. 1838 (см. п. 13).

³¹ *Языков Александр Семенович* — по всей видимости, знакомый В. П., проживавший в Петербурге (см. также п. 4).

³² *Тургенева Елизавета Петровна* (урожд. Апухтина; 1760, 1764 (?) — после 1843) — бабушка Тургенева по отцовской линии, дочь Петра Петровича и Екатерины Алексеевны (урожд. Скуратовой) Апухтиных. Вышла замуж за Николая Алексеевича Тургенева, от которого у нее родились три дочери: Екатерина (в зам. Веневитинова), Феодосья (в зам. Теплова), Прасковья и пять сыновей: Алексей, Сергей (отец писателя), Николай, Петр и Дмитрий. О самой Е. П. Тургеневой сохранилось мало сведений. Долгое время считалось, что она «была мало образованна и „не читала ни книг, ни газет“». Веские основания для подобного вывода давали письма В. П. к И. С. Тургеневу (см.: *Ден Т. П. С. Н. Тургенев и его сыновья*. С. 130). Однако в работах последних лет эти свидетельства ставятся под сомнение (см.: *Илюточкина Н. В. Е. П. Тургенева, урожденная Апухтина — бабка писателя // Спасский вестник*. 2007. Вып. 14. С. 240). Овдовев в 1833, Е. П. впоследствии жила в семье старшего сына Алексея в поместье Большой Суходол Богородицкого у Тульской губ. Как следует из писем В. П., отношения со свекровью после смерти мужа складывались непросто. В. И. Кривцова (урожд. Карпова), посетившая в Суходоле Е. П. Тургеневу в февр. 1835, застала там вернувшуюся из-за границы В. П., о которой в письме к сыну С. И. Кривцову отзывалась весьма нелицезно: «У Тургеневой Елизаветы Петровны я была <...>. Она ужасно убита горестью по сыне, а неутешная вдова все такая же чудиха и нимало не огорчена; навезла пропасть нарядов из чужих краев и наряжается. Она при мне поехала в Петербург к детям и при прощаньи просила написать от нее к Павлу и к тебе, но назвавши тебя, вдруг говорит: ах, нет, к нему я сама буду писать. — Мне так на нее дуру стало досадно, что мне хотелось ее ударить. В 50 лет баба и с такой гадкой рожей думает, что она очень интересна, и меня-то уверяет, что ты в нее влюблен, в такую чучелу. Я истинно удивляюсь, как человек может быть в таком заблуждении» (*Гершензон. М. Декабрист Кривцов и его братья*. М., 1914. С. 261—262). Очевидно, сама Е. П., отличавшаяся глубокой набожностью, была схожего мнения о невестке, негативно относилась также и к ее воспитаннице В. Н. Богданович-Лутовиновой. Тем не менее, начиная с 1838, она часто гостила с семьей своего старшего сына А. Н. Тургенева в Спасском. Братья также неоднократно бывали у бабушки в Большом Суходоле. О Е. П. Турге-

невой см.: *Илюточкина Н. В. Е. П. Тургенева, урожденная Апухтина* — бабка писателя. С. 238—247.

³³ Н. С. Тургенев приехал в Спасское в начале сент. ст. ст. (см. п. 3), а 25 сент. (7 окт.) выехал в Большой Суходол за Е. П. Тургеновой (см. п. 4), с которой В. П. и ее сыновья не виделись в течение трех лет, прошедших со смерти С. Н. Тургенева. Сохранилось письмо Елизаветы Петровны к Н. С. Тургеневу 1838 г., в котором она выражает радость от предстоящей встречи («...в ожидании егава удовольствия дни, когда я тебя увижу, дай Господи»; см.: *ОР РНБ. Ф. 795. № 117. Л. 1*). В Спасское Н. С. и Е. П. Тургеновы приехали 30 сент. (12 окт.) (см. п. 4 и 5).

³⁴ См. п. 1, примеч. 29.

³⁵ *Жом* — пресс для выжимания; возможно, аллюзия на «Урок дочкам» И. А. Крылова: «Мой барин? Его теперь хоть в жом, так рубля из него не выдавишь».

³⁶ В письмах к сыну В. П. неоднократно просит прислать ей цветочные и огородные семена. О ее страстном увлечении садоводством (или «флероманией», как называла его сама В. П.) свидетельствуют сохранившиеся в *Б-ке Тургенева* всевозможные руководства по устройству усадебных садов и разведению цветов, среди которых «Le bon jardinier» (3 т.), «Le jardinier des fenêtres», «Manuel complet de l'architecte des jardins, ou l'art de les composer et de les décorer» Буатара (Paris, 1834), «Promenade au marché aux fleurs» и др. (см.: *Португалов М. В.* Тургенев и его предки в качестве читателей. С. 17). По наблюдению Л. А. Балыковой, В. П. также выписывала книги по естествознанию и изучала ботаническую латынь. Так, в *Б-ке Тургенева* сохранился труд знаменитого естествоиспытателя Ш. Бонне «Созерцание природы» (1793) и франц. издание «Histoire naturelle générale et particulière» Бюффона. Примечательно и то, что одним из самых ранних подарков, который братья Николай и Иван преподнесли матери на день ангела, стало франц. издание сочинения Лиге «Садовник-цветовод» (1787) (См.: *Балыкова Л. А.* Тургенев — читатель. С. 36).

3

25 сентября (7 октября) 1838 года. Спасское-Лутовиново

1838-го года. [25 сентября].

С. [Спасское].

7-[го по-вашему].

Милый друг и сын. Ваничка.

Вчера получа твое письмо из *Мюнхена*, от $\frac{27}{19 - \text{го}}$ августа.¹ — [Я нын-

че] расположилась отвечать и сама испугалась, увидевши, что более м[есяца] я к тебе не писала. — А какой резон? — Вот видишь ли, я [не] умею к детям писать коротенькие письма. Мне надо, во-перв[ых], отвечать на письма, а там пожурить, потом посоветов[ать], кой на что пожаловаться. — И, наконец, описать о нас. — [Я же] знаю за собой порок... dans mes paroles... comme dans l'écrit[ure] je suis diffuse...^a Не умею сказать коротко и ясно. — От скуп[ости], чтобы не плотить много на почту денег, пишу мелко, а [это] мне трудно. Диктовать письмо к сыну — это невозможно. Писать начерно, велеть переписать

^a в речи... как и на письме я очень многословна... (франц.).

Лобанову.² — Тоже нел[овко]. Есть такое, что я не хочу, чтобы Лобанов переписывал. — А мне кажется, что и тебе неловко читать будет слов[а]: Милый сын... *ты* — писанное не моею, а конторщиковою [рукою]. Почему не писала в Мюнхен — да ты писал розно, то пишете в Мюнхен, то в Дрезден. — И так я ждала [кон]ца твоему путешествию, чтобы ты уже был на месте. Теперь непременно буду к тебе писать, много ли, мало [ли], раз в неделю. — А ты знаешь, как я аккуратна и как держу мое слово.

Ты пишешь, что едешь в Дрезден.³ — И в Дрездене т[ы] найдешь мое письмо.⁴ — В Берлине дожидается тебя не [одно] письмо... а и деньги. — Ведь я не дядя. — Мой сын n'a jam[ais formé] un souhait sans être prévenu.^b — Горе вам, дети мои, si vous en abuserez.^c — Но! — Я этого от вас не ожидаю. По крайней мере, умышленно. — Может быть, от неумения. От неосторожности. — Итак, прощаю вам *всё и вся*... Кроме скрытности. — Я пою песенку из «Швейцарского семейства». — «Откровенна будь со мною. — Я твой первый друг».⁵

С чего же мне начать отвечать тебе. — Из 12-ти твоих писем пропало одно. — Гамбургское, то, которое было при посылке к Биби. Мы ни письма, ни посылки не видали, что нас очень огорчает, особливо Бибиныку, qui se faisait une fête de porter la chaîne et surtout la croix.^d — Я бы тебе советовала написать к Маркелову.⁶ — Не могу думать, чтобы он не нашел случая отослать ее в Петербург до сих пор. — А еще менее — воспользоваться такою безделицею. Сами же мы к тебе не могли писать аккуратно. — Мой перелетный сокол. — Нам тебя было не догнать. — Да о чем тебе та[к] о нас кручиниться. — Что тебя о нас может беспокоить. Ты знаешь, летом в Спасском тепло и сытно. — А брат[у] в Петербурге прошлогодняя песня.⁷ — Во все лето те же повтор[енья]. Теперь настала осень, и нет сомненья, чтобы мы тебя письмами не бонбондировали. — Уведомим тебя, где мы будем и что расположим делать, где будет наше бытье-житье. — Теперь же, душа моя, сами мы не знаем и хорошенько не придумали еще. — Ты знаешь, мы, помещики, зависим от хлебной уборки. — Хлеб неурожайный, от дождей уборка была дурная. — А между тем хлеб дешев, возвысился было, да опять упал. — Овес. — Нипочем не надо, даром не берут. — 1½ рубли четверть, неслыханно дешево. — Где же жить без денег, в одном Спасском. — Ну! — это ледяной дом.⁸ — И потому наняла дом в Орле.⁹ — За такую цену хоть бы в Петербурге, по причине выборов.¹⁰ — Но! Разные тут есть выгоды: перевозка и запасу всякого доставка не убыточна. — Но! будь в Спасском тепло, я и туда не поеду. — Все лишние расходы. — А я не знаю еще, что у меня будет приходу. — А что надо на расход. — Оченно мне известно. — А *propos de cela*.^e

^b не [имел] никогда желания, которое не было бы предупреждено (*франц.*).

^c если вы этим будете злоупотреблять (*франц.*).

^d которая уже праздновала в предвкушении того, как будет носить цепочку и особен-но крестик (*франц.*).

^e Кстати, об этом (*франц.*).

А Вы, милостивый государь, кажется, не располагаете дать отчету. — И отвечаете мне: денег дай... А расходы знать — мое, а не твое уже дело.¹¹ — Коротко и ясно пишешь, что с 1-го октября тебе опять надо денег. — *Ясно*. — По-твоему, а по-моему не очень это ясно. — Ты погорел, это правда, но! у тебя было денег в остатке от пожара¹² — более 7 тысяч. Да я прислала в Франкфурт еще 2. — Итого 9-ть.

Ты лишился вещей, словом, ты остался голый, и ты, и Порфирий.¹³ Тебе бы надо несколько обдумать, что в таком случае нужно человеку, который отправляется не на балы, а на пешеходные прогулки, лето. — Тебе бы надо подумать, что ты бы мог и кредитиву лишиться. — То тогда все, что бы у тебя было, это то, что могли тебе прислать 2000, а с двумя тысячами не роскошничают. — И потому сделал себе рубашку, да и пермывашку, а Порфирию... и очень, и очень... а оправдание — пожар. — Я писала к тебе, что переменялись обстоятельства, ты погорел. — Перемени и намеренья, ступай в Берлин и там живи смиренно и жди поры и время. — А хочешь погулять — не барься. — Найми тележку, да возьми посох, да и ступай. Нет! — Ты поступал по сих пор, как какой безумный. Как будто кто-нибудь дул тебе в ж..., чтобы ты летел, летел, не останавливаясь, не обдумав, где ты... что ты. — Что ты скакал, по казенной надобности что ли, сломя голову, на что мне нужны были твои описанье гор, городов и пр<о>ч. — Что я всё видела и читала лучше твоего описанья. Нужного ты мне не писал. — Вместо описанья гор, описанья всякой истраченной тобою копейки. «Я, тапан, сделал то и то, и по сие число осталось у меня в кошельке столько-то», а потом и опять, остановясь, сочтясь, и опять за то же. «Матап, теперь у меня денег в остатке столько-то». — Нет, ты поступал, как безумный, с самого отъезд[а]. Начал] тем: «Займи, брат, 10 тысяч». — Ну! Положим, э[то] было со страху. — Но! — Мне кажется, чад у тебя из головы не [выходит]. Например, ты Порфирию сделал гардеробу на 10[00]. Да скажи, ради Бога, на что это. — За сколько же тысяч тв[ой гардероб] тебе стал? — Ты. — Господин его. — Тебе втрое — [3000], итого 4000. Еще 1000 на промены и пр<о>ч. — 5000. — Ну! — все-таки осталось 4000. Прошло ровно 3 месяца, и ты опять просишь денег, хвастая тем, что тебе [до] 14-го сентября денег хватит еще на месяц. — Теперь [спра]шиваю, как же ты будешь с двумя тысячами жить [3 ме]сяца в Берлине, когда тебе дорогою с посохом надо б[ыло] на месяц с лишком по тысяче.

Итак, вот тебе настоящая разгадка, почему я не пи[сала] к тебе с лишком месяц. — Я сердита.

Я обманулась в тебе. Я точно глупо сделала, что позволила [тебе] так молодую ехать за границу. — Я виновата, что дала [тебе] Порфирия, из которого ты вместо слуги сделал компан[ьона]. Я виновата, что не послушала дяди и послала тебе ден[ег], когда у тебя было в кредитиве на целый год. — Я [ви]новата, что и еще послала. — Ты поехала (sic! — *Ред.*) не шататься по свету, а учиться, чему?.. учиться мотать!.. О! За э[тим] не нужно ехать было из России.

Мне иногда приходит в голову. — Прости Господи, что ты *проиграл в рулетку*. Да не простит тебе Господь, еж[ели] ты скрыл это от меня. — От меня, столь нежной матери для вас. — Итак. — *Prenez, mais ne volez pas*[s],^f т. е. не крадте (*sic!* — *Ред.*) вашей доверенности ко мне. — Я тогда при моих 3000 душах буду нищая.

Я нездорова, остальное допишет, по приказу моему, Колька.

<Рукою Н. С. Тургенева>

Любезный брат и друг! Мамаша нездорова, а потому я оканчиваю письмо. Во-первых, начну письмо с того, что я в Спасском, в отпуску. Не могу тебе описать мою радость, когда я увидел деревню, в которой провел молодость, после 7-илетнего отсутствия. Сто раз осматривал я каждую бездельку, которая напомина[ла] мне мое детство. Говорить нечего, что мамаша за[вала] всех соседей-друзей, как то Авд<отью> Ив<ановну>,¹⁴ Ал<ексея> Тимоф<еевича>¹⁵ и пр. и пр. [Вот] скоро месяц, как я в Спасском, а кажется, будто я сейчас только приехал.

Теперь, любезный Jean,^g скажу тебе еще, что ты очень виноват перед мамашей и что правдивейшего гнева на тебя ты не мог [на] себя навлечь. Во-первых, ты знаешь, как интересуют всех [нас] твои письма, особенно мамашу, которая нас без памяти [лю]бит. Ты всегда был неаккуратен в письмах, но эта неаккуратность еще была довольно извинительна, потому что было кому за тебя писать *et puis souvent le défaut de matières*.^h А теперь из чужих краев ты много пишешь, но всё неинтересное для нас. Все мы читали, а мамаша была *témoïn oculaire*ⁱ всех прелестей, которые ты описываешь с таким восхищением. Мы с тобою были всегда так дружны, что я уверен, Jean, что ты не будешь сердиться на меня, если я сделаю тебе некоторые замечания насчет твоего образа жизни. *La source de tous les plaisirs est la santé et la fortune*.^j Ты сам был в деревне, видел и знаешь, как тяжело достается копейка, а со всем тем ты тратишь — и не оглядываешься. Прекрасная есть у нас на Руси пословица: по одежке протягивай ножки, а ты, кажется, Jean, позабыл ее совершенно. Извини меня, любезный друг, если мои прибаутки *choqueront ton oreille littéraire*,^k но ты знаешь, *que je suis un peu requin*.^l Положим даже, что ты истратил все деньги, почему же ты не уведомишь нас, как, куда и зачем. Да даже исключая этого, неужели ты не чувствуешь необходимость дать отчет самому себе — для порядка, без которого не может быть счастья. Если даже ты и позабыл записать, как и куда ты тратил, так, по крайней мере, ты можешь сделать смету, *à peu près*^m куда. Напр<имер>, ты сшил себе платье, сочти, сколько денег

^f Берите, но не крадите (*франц.*).

^g Иван (*франц.*).

^h и кроме того за неимением того, что сообщить (*франц.*).

ⁱ свидетелем воочию (*франц.*).

^j Источник всех удовольствий — здоровье и богатство (*франц.*).

^k оскорбят твое литературное ухо (*франц.*).

^l что я немного скуповат (*франц.*).

^m приблизительно (*франц.*).

употребил на экипировку. Ты проехал, положим, столько-то миль, ну сколько же денег проехал. Вот и всё. Ты даешь жалованье Порфирию, затем ты его одел, обул, что же ему надо — безделки на сапоги? Как он ест и пьет, как ты насчет этого распорядился. Всё это вещи важные, от которых по своей неопытности можешь пробыть долго без денег. Мы бы все очень желали *vous faire une visite domiciliaire*,^п это нам будет интереснее, нежели читать о том, как высока колокольня в Страсбурге, о которой мы знаем уже.

Опять, Jean, говорю тебе, мы с тобою жили дружно — а потому *pous ne pous sachons rien*.^о Нас всего в семействе трое, а [по]тому надо надеяться на самих себя и строго обсуживать всякий проступок. Не скажу я тебе, кто же тебе скажет, кому [д]о нас дело. Придет время, ты остепенишься, да как взглянешь на прошлые шалости да мотовство бесполезное — так [бу]дешь жалеть. Если ты молодым студентом с посохом в руках тратишь так много, что же будет, если ты останешься там служить, надо будет, по крайней мере, вдвое. Вот, Jean, *ce que j'avais sur le cœur*.^р Теперь я покоен, и [ты] верно загладишь *un moment d'oubli*^q и напишешь нам [всё] и всякое. Мамаша от любви своей к нам всё при[дум]ает; она, видишь, думает, что ты проигрался и пр. и пр. А я знаю тебя и никак не могу поверить этому, т. е. чему этому: проигратся ты мог, положим, оно некоторым образом извинительно — по юности, но скрыть это и не в правилах твоих, да кому же скрывать — мамаше, это — смешно.

Вот, Jean, что я хотел тебе сказать. Повторяю тебе *si j'ai pris le ton de mentor, c'est que j'ai plus de force de caractère que vous*.^г А так как мы с тобой не делимся, а берем что нужно, то я уделяю тебе частичку моего прозаизма, который может тебе пригодиться, а то ведь [ты], пожалуй, поэт, оседлаешь Пегаса, да и улетишь. Нет, брат, шалишь.

Засим, любезный брат и друг, целую тебя тысячи р[аз]. Я вполне уверен, что ты загладишь свою вину подр[об]ным описанием твоего бытья-жизья. *Maman* посердит[ся], станет на папашино место и скажет тебе: *Monsieur, soyez plus circonspect à l'avenir*^с и *tout rentrera dans l'ordre*.^т Я молю Бога о твоём здоровье и остаюсь до гробовой доски истинно и искренно тебя любящий брат

Н. Тургенев.¹⁶

Недели через две я уеду в Петербург. — Мамаша отдала мне письмо к тебе отправить, а я по[льзуясь] остатком бумаги, пишу к тебе.

^п нанести визит к вам всей семьей (франц.).

^о мы ничего друг от друга не скрываем (франц.).

^р что у меня было на сердце (франц.).

^q эту оплошность (франц.).

^г если я перехожу на менторский тон, то это только потому, что у меня характер более сильный, нежели у вас (франц.).

^с Сударь, впредь будьте более осмотрительны (франц.).

^т все войдет в свою колею (франц.).

Пользуясь остальным временем, я еду к бабушке¹⁸ с дядей. А дядя хозяйничает по-прежнему, живет в Тургенева,¹⁹ и мы его почти не видим.

<Рукою В. П. Тургеневой>

[Будущ]ую пятницу напишу я к тебе много, потому что буду писать целую неделю. [Брат] едет к бабушке и за бабушкой, не знаю, успешно ли это будет? — Я [опишу] его *les 40 jours*⁴ пребывания в Спасском подробно. — В предбудущую [пятницу. Ты буде]шь [знать о нас, как] будто бы с нами был.

<Рукою Н. Н. Тургенева>

Не думай, что я от лени к тебе не пишу. Минуты свободной не имею, — голова с плеч свалилась. Зима на дворе, — и я похож на стрекозу. Целое лето проплясал и спустя пору иду к муравью греться.²⁰ Итак, мысленно тебя обнимаю, прошу Создателя о твоём здоровье. Вечный твой истинный друг

Николай Тургенев.

Печатается по подлиннику: *ОР РНБ*. Ф. 795. № 91. Л. 7—9.

Отрывки впервые опубликованы: *Т Сб 1915*. С. 38; *Т Сб*. Вып. 1. С. 346; фрагмент письма Н. С. Тургенева: *ЛССиП(1)*. Соч. Т. 1. С. 604.

¹ В Мюнхен Тургенев прибыл не позднее 15 (27) авг. (см.: *Летопись (1818—1858)*. С. 36) вместе с бароном Д. Г. Розеном (см.: *Клеман М. К.* Из юношеских лет Тургенева (Новые материалы) // Посев. Одесса, 1921. С. 88—89; здесь же опубликовано письмо Розена к Тургеневу, в котором он с теплотой вспоминает о совместном путешествии, в том числе о жизни в Мюнхене). О своем первом посещении Мюнхена писатель вспоминал впоследствии в письме к О. Д. Хилковой от 19 (31) янв. 1861: «Я в этом городе был давно — так давно, что страшно вымолвить — в 1838-м году: я был тогда глуп до крайности (это я говорю очень серьезно), да если б у меня и остались тогда дельные впечатления, они теперь уже давно успели бы изгладиться» (*ЛССиП(2)*. Письма. Т. 4. С. 287). О пребывании Тургенева в Мюнхене см.: *Айнгорн Л. Э.* И. С. Тургенев в Мюнхене // *Тургеневский ежегодник 2001 года*. Орел, 2001. С. 25—32.

² Имеется в виду Ф. И. Лобанов. См. п. 1, примеч. 7.

³ Как видно из письма В. П., из Мюнхена Тургенев направился в Дрезден, а уже затем в Берлин.

⁴ Это письмо неизвестно.

⁵ Имеется в виду лирическая опера (в 3-х действиях) известного австрийского композитора Й. Вейгеля (Вайгля) (1766—1846) «Швейцарское семейство» (1809; либретто И.-Ф. Кастелли), пользовавшаяся большой популярностью в первой трети XIX в. На петербургской сцене шла под названием «Швейцарское семейство, или Тоска по отчизне». В. П. цитирует строки из 11 явления, дуэт отца и дочери (Рихарда и Эмилины):

⁴ 40 дней (франц.).

Рихард:

Сядь ко мне, мой друг любезный,
Сядь подле меня
И открой мне горесть слезну,
Что крушит тебя?

Эмелина:

Ах! с тобою, мой родитель!
Грусть моя прошла,
Ты мой ангел-утешитель,
Вновь я ожила.

Рихард:

Дочь моя! Я все открою,
Что томит мой дух,
Откровенна будь со мною,
Я твой верный друг.

Эмелина:

Ты мой верный друг.

Рихард:

Я твой верный друг.
<...>

Рихард:

Откровенна будь со мною,
Я твой первый друг.

Эмелина:

Ты мой первый друг.

(указано Е. В. Процем).

⁶ См. п. 2, примеч. 30.

⁷ Очевидно, В. П. намекает на то, что Николай Сергеевич преподает в Пиротехнической школе.

⁸ *Ледяной дом* был построен в Петербурге в янв. 1740 по приказу императрицы Анны Иоанновны, которая устраивала «потешный праздник» по случаю свадьбы своего шута. Это событие нашло отражение в романе И. И. Лажечникова «Ледяной дом», вышедшем в 1835.

⁹ См. п. 1, примеч. 29.

¹⁰ По всей видимости, речь идет о выборах Орловского предводителя дворянства.

¹¹ См. п. 1, примеч. 21.

¹² Речь идет о пожаре на «Николае I», в результате которого Тургенев, как и многие пассажиры, лишился практически всего багажа. См. п. 1, примеч. 1.

¹³ См. п. 1, примеч. 18.

¹⁴ Речь идет об А. И. Лагровой. См. п. 1, примеч. 24.

¹⁵ *Сергеев Алексей Тимофеевич* (1768 (?)—1853) — двоюродный брат В. П., сын ее тетки по отцовской линии и крестной матери — Анны Ивановны и поручика Тимофея Алексеевича Сергеевых; с 1788 служил в Преображенском полку под покровительством А. И. и П. И. Лутовиновых. И. С. и Н. С. Тургеневы, по всей видимости, неоднократно бывали в его поместье Большие Озёрки Новосильского у. Орловской губ., которое находилось в 60 верстах от Спасского. С. был женат на Клеопатре Владимировне Давыдовой, от которой имел двух дочерей — Прасковью (в зам. Мансурову) и Анну (в зам. Казакову). Дважды с 1806 по 1816 и с 1823 по 1834 избирался уездным предводителем дворян Ново-

ильского у. По предположению Н. М. Чернова, послужил прообразом «старика-дяди» Алексея Сергеевича Телегина в рассказе «Старые портреты» (см.: *ПССУП(2)*. Соч. Т. 10. С. 394). Несомненно, общение с «дядей», почерпнутые от него сведения об эпохе Екатерины II, Павла I и Александра I впоследствии нашли отражение в творчестве Тургенева, о чем свидетельствует, в частности, упоминание о С. в письме к П. В. Анненкову от 24 нояб. (6 дек.) 1875. Портреты К. В. и А. Т. Сергеевых висели в Спасском и были впоследствии представлены на выставке 1909 г. А. Н. Хвостовым (см.: *Каталог 1909*. С. 88). О Сергееве см.: *Власов В. А.* П. И., А. И. и И. И. Лутовиновы, их племянник А. Т. Сергеев (По архивным документам) // *Спасский вестник*. 2007. Вып. 14. С. 226—229; *Чернов Н. М.* Дядя Сергеев — человек екатерининского времени // *Чернов Н. М.* Дворянские гнезда. С. 112—119, 332.

¹⁶ Именно это письмо Н. С. Тургенева, по предположению Н. В. Измайлова и Е. М. Хмелевской, послужило толчком к написанию шуточного стихотворения: «Напрасно, добрый милый брат, / [Ты распекаешь брата Ваньку:] / Я тот же [толстый] кандидат / И как ни бьюсь напасть на лад, / А всё выходит наизнанку...». См.: *ПССУП(1)*. Соч. Т. 1. С. 349 (текст стихотворения), 490 (варианты), 603—604 (коммент.). Текст стихотворения записан на обложке лекций по греческой литературе профессора А. Бёка и датируется концом 1838, не ранее нояб. (см.: Там же. С. 604; повторено: *ПССУП(2)*. Соч. Т. 1. С. 541. Ср. также датировку, предложенную Н. С. Никитиной на основании публикуемого письма Н. С. Тургенева в *Летописи (1818—1858)*. С. 40: «вторая половина октября» ст. ст.). Еще более откровенно Николай Сергеевич высказался в письме из Петербурга от 16 дек. 1838: «Давно, очень давно не писал я к тебе, а именно с тех — как я к тебе послал 585 талеров, которые, я слышал, а за верное не выдаю — пришлось очень кстати тебе — на[<шemu? юн>]ейшему из юных юношей, у которых душа покойна име[<я?>] в кармане, в шекотулке, в ломбарде — только нрзб. или 12 коп. Славно, батюшка! Славно! Вот этого признаюсь от чистого сердца — этого я решительно-формально не постига[ю]. Что хочешь? Не постигаю! Нет! в самом деле, без шуток, скажи мне, Жан, как ты это приводишь деньги к совершенному концу, так что у тебя 12 к. остается денег. Где же? В Берлине. На кого ты надеешься — на Розена, на Бумпета <?> профессора или на Грановского? Небось — друзья! друзья! а надо деньги — стой, равняйся! налево, крутом — да марш-марш наутек! — Я опять-таки говорю без шуток, что я просто 10-ь раз бы умер! — Пожалуйста, Жан, не приди ты опять в 12-копеечное состояние! — Помни — ты один! где — в Берлине — между чужими! <...> Я не потому это говорю, что я боюсь тюрьмы для тебя, я только в предостережение, любезный брат! Как же не иметь сотню-другую про *черный день*» и далее: «Насчет твоих занятий в Берлине скажу тебе, что я разве часом ошибусь — так я хорошо знаю, что ты делаешь в продолжение 24-х часов дня. Представь себе, что я так дальновиден, что скажу тебе, что ты делаешь *ночью*, а то [<и?>] днем!! Тра-ла-ла и пр. можно петь — оно хорошо — очень хорошо — но только не forte, а pianissimo чтобы почти не было слышно здесь!» (*ОР РНБ*. Ф. 795. № 90. Л. 3—3 об.).

¹⁷ Этот текст записан на отдельном листе бумаги, который был, по-видимому, отрезан от письма и ныне хранится среди писем Н. С. Тургенева к И. С. Тургеневу (*ОР РНБ*. Ф. 795. № 90. Л. 5). Включен в публикуемое письмо на основании *Копии 1*.

¹⁸ Н. С. Тургенев отправился к Е. П. Тургеневой в Большой Суходол. См. п. 2, примеч. 32.

¹⁹ Село *Тургенево* — родовое имение отца И. С. Тургенева — находилось в Черном у. Тульской губ. в 18 верстах от Спасского-Лутовинова. И. С. Тургенев бывал в с. Тургенево с самого раннего детства, неподалеку от него, на небольшой речке Снежель расположен Бежин луг, а также деревня Колотовка, описанные в «Записках охотника». В с. Тургенево сохранились остатки парка и разрушенная церковь. Дом сгорел в 1919. См. об этом: *Богданов Б. В.* Предки Тургенева // *ТСб*. Вып. 5. С. 347. См. также п. 1, примеч. 27.

²⁰ Н. Н. Тургенев отсылает к басне И. А. Крылова «Стрекоза и муравей» (1808).

23 сентября (5 октября) — 30 сентября (12 октября) 1838 года.
Спасское-Лутовиново

1838-го года. 30-го сентября С. Спасское.
12 октября.

Mon cher ami.^a

Обещала писать к тебе всякую пятницу. — Но! Этого не могу сделать, а буду писать ежедневно понемногу, а иной день и много. — В конце недели вот и письмо готово. — Итак, ты будешь получать мой журнал, неинтересный правда, но! из деревни что можно писать интересного. — Прошедшую пятницу было $\frac{23-e}{5}$ число. — Я весь день пролежала в постели. — Т. е. не то чтобы была больна... не то чтобы здорова.

24, суббота Я перемещалась на осенние кварталы, т. е. из кабинета в гостиную — прекрасный уголок из зелени, письменный стол к двери кабинета. — Посередине огромный порог, а там стол ломберный. — Гостиная моя не испортила бы в Петербурге.

25, воскрес<енье> Писать ли мне, рука не действует. — День памяти отца,¹ нервы расстроены, были кой-кто, не могла выйти. — Коля нынче уехал к бабушке,² намерены ее звать. Не знаю, поедет ли. Нет, Ваня, я не в силах писать, как хочешь. — Грустно.

26, [по]нед<ельник> Видела тебя во сне, будто ты приехал из чужих краев. — И худ, и смертно бледен. Я сказала: как ты бледен, Ваничка. — Ты отвечал. — А что? — Очень худ. Николай Н<иколаевич> уехал в Тургенево.³

27, [вт]орн<ик> Во Мценске в училище русский учитель, а у него жена, учит танцевать и берется на выучку... За 100 рублей. — Она дала Биби урок танцевать, а Мавре⁴ — на фортепиано. — Ты знаешь Маврину способность к музыке. — А Биби мила, как живая куколка. — Вот эта — Malheureuse^b — т. е. по фамилии Мавревская⁵ — belle femme^c ездит ко мне за 7 р. 50 коп. два урока, т. е. Маврины фортепиано 2 часа и Биби час выправляет ножки. — Все это дорого, 200 рублей в месяц. — Но! Теперь в деревне осенью мне скучно.⁶

А что в город не еду?

Я надеюсь, моя душа, что ты, читая это письмо, уже получил посланные мною 2000 и что ты не нуждаешься пока деньгами. Брат едет 10-го октября, и ему дам 2000.

^a Мой дорогой друг (франц.).

^b Несчастливая (франц.).

^c милая дама (франц.).

Ради Бога... ради Бога, милые, не скучайте без меня. — Пусть я без вас скучаю... особенно без тебя, ma chère fille — *ma Janette*.^d О!.. Точно, точно vous êtes ma favorite.^e — Те... Ради Бога, [ч]тобы этого кто не услышал. — О! je suis bien bien malheureuse sans toi... Mon ange.^f — Но! ведь ты счастлив, Ваничка. — Ведь так. — Ведь счастлив ты. — О, хоть бы минуту взглянула я [на тебя теперь]. В четыре месяца какая перемена, со дня нашей разлуки сколько новых мыслей поселилось в твоей голове, мой турист. — Хорошо, что я имею понятие обо всем, что ты видел, и что ты мне не можешь сказать: Maman, vous ne me comprendrez pas.^g — Потому что описание это не то, совсем не то. — Vous avez vu le monde.^h — Т. е. часть шара земного. — Пока представишься dans le mondeⁱ то, что понимают в свете. — Это еще не светскость. — Это все еще материял, однако я рада, что ты не прямо в Берлин из Петербурга. — Т. е. из-под матушкина крылушка, из университета. — Ты прошелся, обмылся, крылушки расправил, направляй свой путь теперь с Богом на свое предназначенье. И только сам будь в исправности. — А то нуждаться не будешь, пока жива твоя старуха. — А житье плохое без Ванички, не живется.

Ваничка. — Когда тебе сгрустнется по России, то ты думай, как я: да ведь мои покойны, здоровы и пекут себе попутники-пирожки ко мне на дорогу. — *Дай срок*. — Все дни вперед[и], не нынче — завтра. — Еще денек... еще день...

Вечная песня бедных бурлаков на барке. — Тянут веревку [и] припевают. — Еще разик... еще раз... О!.. Ох!..⁷

О! Когда же моя тяжелая барка, как сказать по-море[пла]вательному — на якорь станет. — На место доплывет. Когда накроете вы меня своими оперившимися крылушка[ми]. А пока... все еще мои крылья вам кровля. — Тяжело др[...] Но! Полно. — Полно. — Оставим это.

Коля a réussi beaucoup ici, il a plu à tout le monde.^j — О[н] стал почище, *поет*. — Да, да, т. е. стал петь. [И] голос показался, под фортепиано с Лавровой,⁸ что жила [у] Хитровых.⁹ — Басит.¹⁰

Les beaux jours sont si courts...^{k, 11}

Когда ты получишь это письмо, тебе исполнится 20 лет, а брату 22.¹² — Чем же мне тебя подарить. — Сторгу[й себе] часы, приличные, верные, прочные. — И напиши цену, я [не] в счет пришлю денег. — Из своего опридчего.¹³ — До 3[00]. Остальное прибавишь из своих.¹

^d моя дорогая дочь — моя Жанетта (франц.).

^e вы моя любимица (франц.).

^f О! я очень, очень несчастна без тебя... Мой ангел (франц.).

^g Мамаша, вы меня не поймете (франц.).

^h Вы повидали свет (франц.).

ⁱ в свете (франц.).

^j много здесь преуспел, он всем пришелся по нраву (франц.).

^k Прекрасные дни так коротки... (франц.).

^l Это предложение вписано (Ред.).

Лошадь братнина продалась довольно удачно за 2000. [Помнишь], что я его обманывала. — Сорванец что ли. — Купленна[я...] и деньги получили. — Дядя торжествует. — И мы все [рады, слаба] она, говорят, ногами. — Так кажется.

28, среда. Писать журналу нечего. — Биби начинает понимать па.
10 [...] Она все так же мила и умна, даже и холодный брат твой ее [любит]. Нам очень жаль, что твой франкфуртский [гос-тин]ец все [еще не прислан]. Напиши, пожалуйста, к тамошнему [секретарю,¹⁴ *plutôt tard que jamais*^m]. За что же ему пропадать. — Не потерял ли он адрес. — Все-таки в дом Линева.¹⁵ — Он может прислать и на имя Александра Семеновича Языкова для верности.¹⁶ — Мне непременно доставится.

Да! — У нас есть в доме обновка, чего ты не знаешь. — (И кто бы попросил, то отдать не можешь).¹⁷ Это — черная лестница сверху, из последней комнаты девичьей прорубили дверь, в боку — окно, и гораздо меньше стало ходу по коридору! — Зато можно пробраться к кому угодно на девичье крыльцо. — Ну! совсем дом для интриг. — Но! Это уже будут пользоваться девушки ваших жен. — Мои же все стары и безобразны.

Все, что хотела, исполнила насчет имения. — *Cela m'a servi à voir que je suis beaucoup... beaucoup... moins riche, que je ne croyais.*ⁿ — Вы имеете с братом по 12 тысяч асс<игнаций> в год. — А я. — 30 тысяч et voilà tout.^o — Конечно, этим жить можно. — Вам. — Вместе и розно. — А мне! — Как я привыкла жить, очень трудно. — И потому я и живу, и буду жить в деревне. — Пока увижу, как пойдут мои делишки.

Да! — Я завела певчих — и музыку хочу завести. — И капель.¹⁸ — Чтобы через три года отдать их опять по оброку. — А там выкупятся.¹⁹ — Убытку не будет. — (Любовники выкупят). — Да здесь-то, в деревне, разве не имеют оне оных. — Не рожают. — Да, да только не выкупаются, а дворню заводят.

А прогос!..^p дворня. — Дядя. — При всей расстройке фабрики все-таки прокормил 150 человек дворни, обул, одел, жалованья дал, да и мне 5000 доходу дал мельничного. — Да тысячи на 4000 строенья вновь, бедный старик. — А сколько ему досталось за фабрику...

[Че]тверг, 29 Мне журналом совсем нечего к тебе писать. Что ты
11 читаешь, Ванюшка, подписан ли ты в библиотеке чте-
нья. Рекомендуй мне, что читать. Я теперь желанье имею все вояжи читать, для того чтобы быть приготовленной вояжировать с тобою. Мне кажется, что мне одной, без затей, какие прежде были, т. е. барон Ч...²⁰ да Берсша.²¹ — А мне, одной мне, не нужно более моих доходов 30 тысяч. Особенно же мой наряд состоит из фиолетового капота. — La

^m лучше поздно, чем никогда (франц.).

ⁿ Это мне послужило к тому, чтобы увидеть, что я намного... намного... менее богата, чем думала (франц.).

^o вот и все (франц.).

^p Кстати!.. (франц.).

couleur de veuve, que j'ai adoptée.⁹ — Одна курносая разоряет.²² — Я ею играю, наряжаю, как куклу — но! в чужих краях этого не будет, другие будут игрушки. — Пожалуйста, только не скучай, дожидая меня. — А то я голову потеряю и уеду прежде срока. — А ты знаешь, что мне надо на 1839-й год решительно назначить по приходу расход. Как вам — так и себе.

[³⁰/₁₂, пятница.] Нынче Николинька возвратился, привез бабушку одну-одине[хоньку. Я] нашла ее похудевшею и постаревшею.²³ — Оне приехали к самому ужину. — Elle n'a pas pu caché son dépit en regardant Barbe.^r — И всё тут. — Писать некогда, прости до будущей пятницы. Брат здоров, дядя тоже, целуют тебя. — Вместе со мною. — Я благословляю тебя и прошу Бога о твоём здоровье. Не скучай и помни все.

Мать и друг В. Т.

Печатается по подлиннику: *ОР РНБ*. Ф. 795. № 91. Л. 11—12.

Отрывок впервые опубликован: *Т Сб 1915*. С. 41.

¹ С. Н. Тургенев скончался в Петербурге 30 окт. (11 нояб.) 1834 на 41-м году жизни и был похоронен на Смоленском кладбище (могила не сохранилась). «Несчастный Сергей Николаевич Тургенев, — писал 3 (15) нояб. П. И. Кривцов своей матери В. И. Кривцовой, — кончил жизнь прошедший вторник после трехдневных ужасных мучений. Дети остались на руках у Николая Николаевича (Тургенева. — *Ред.*), который, к счастью, приехал с месяц тому назад. Варвара Петровна путешествует по Италии и не знает о своем несчастье» (*Гершензон М. О. Декабрист Кривцов и его братья*. С. 261). Очевидно, страдания С. Н. Тургенева усугублялись неправильным лечением. Впоследствии в письме к В. Я. Карташевской (от 16 (28) февр. 1868) И. С. Тургенев упомянул о некоем г-не Франчески, «усовершенствователе человеческой природы», «который, как из пистолета, застрелил моего бедного отца, засадив его в какую-то деревянную ванну с клапаном и поджаривая его снизу» (*ПССуП(2)*). *Письма*. Т. 8. С. 130).

² Имеется в виду Е. П. Тургенева. См. п. 2, примеч. 32.

³ Речь идет о дяде Н. Н. Тургеневе, который отправился в с. Тургенево, вероятно, по делам располагавшейся там бумажной фабрики. См. п. 1, примеч. 26 и 27.

⁴ *Мавра* — М. Т. Сливицкая. См. п. 1, примеч. 40.

⁵ Игра слов, основанная на созвучии фамилии «Малаяревская» и франц. слова «malheureuse» (несчастливая). По всей видимости, речь идет о жене учителя «российского языка» в Мценском уездном училище — Андрея Петровича Малаяревского (Месяцеслов и обшый штат Российской империи на 1838. СПб., [1837]. Ч. 2. С. 695).

⁶ Возможно, реминисценция из Пушкина, Ср., напр.: «В последних числах сентября / (Презренной прозой говоря) / В деревне скучно: грязь, ненасть» («Граф Нулин»), а также строки из «Евгения Онегина»: «В глуши, в деревне всё вам скучно» (Письмо Татьяны) и «...приближалась / Довольно скучная пора; / Стоял ноябрь уж у двора» (гл. 4, строфа XL).

⁷ В. П. имеет в виду бурлацкую песню «Эй, ухнем».

⁸ *Лаврова* — по всей видимости, дальняя родственница В. П., гостившая у нее в Спасском. Возможно, сестра Ивана Васильевича Лаврова (1803—1869), болховского помещика, жившего в с. Кривцово, в 20 верстах от Спасского-Лутовинова (о нем см.: *Громов В. А., Чернов Н. М.* Тургенев и Болховской помещик И. В. Лавров // *Т Сб*. Вып. 1. С. 281—284). По другому предположению, сестра Григория Евгеньевича Лаврова, за ко-

⁹ вдвоего цвета, который я постоянно ношу (*франц.*).

^r Она не могла скрыть своей досады, глядя на Вариньку (*франц.*).

торого в 1828 вышла замуж Софья Ивановна Кривцова, сестра Варвары Ивановны Хитрово (о ней см. примеч. 9 к наст. письму). Очевидно, о ней упоминает в своих воспоминаниях О. В. Аргамакова (см. п. 2, примеч. 21).

⁹ Речь идет о семействе Варвары Ивановны (урожд. Кривцовой) и Николая Алексеевича Хитрово, фуражмейстера Дворцового ведомства, дальнего родственника и соседа по имени Тургеневых, в доме которого в Петербурге братья И. С. и Н. С. Тургеневы часто бывали. С. Н. Тургенев был крестным отцом младшего сына Хитрово — Василия, впоследствии известного археолога и основателя Русского Палестинского общества. По наблюдению Н. М. Чернова, впечатления Тургенева от посещений Хитрово отразились впоследствии в повести «Яков Пасынков» (1855) в описании семейства Злотнических (см.: Чернов Н. М. Из разысканий о Тургеневе. 9. Вдова Евреинова и ее дочь Лидия // И. С. Тургенев. Вопросы биографии и творчества / Отв. ред. Н. Н. Мостовская, Н. С. Никитина. Л., 1990. С. 161—162). Однако, как следует из письма Н. С. Тургенева от 16 дек. 1838 к брату, Хитрово стали мишенью меткого и исполненного иронии пера Ивана Сергеевича еще раньше: «У тебя, брат, иногда вырываются чудесные картины и описания. <...> Сюсюкающий Николенька est parfait (великолепен. — франц.). Толстож<- -> Варвара и дурак бездушный объедала — мученик Темпильгоф — c'est un chef-d'œuvre (это шедевр. — франц.). Прав[о,] всё точно — тоже решительно. Нет! Впрочем, еще [...] некоторыми изменениями. Этот милый родствен[ный?] дом сделался 1-е вдвое скучнее; — 2-е Ник<олай> Алекс<еевич> потерял свои грядущие доходы от овса и сена и вместо 40 000, как прежде получал только 10 или 12 000 — впрочем, cela ne l'empêche pas de faire le Diable (это ему не мешает бесноваться. — франц.), как и прежде, а В<арвара> Ив<ановна> в бюджете, можно сказать, с III-мя грациями никуда ни-ни!! 3-е Дом сделался кухнею — а ты знаешь — что такое кухня Н<иколая> Алекс<еевича> и семей<ства>! — Я бываю у них раз в неделю <...>» (ОП РНБ. Ф. 795. № 90. Л. 4). Запись о посещении Хитрово в Петербурге в 1836 занесена также в «Мемориал» (см.: ПССП(2). Соч. Т. 11. С. 198). По наблюдению Д. М. Климовой, «сыновья и дочери Хитрово, ровесники Тургенева, составляли тогда его самый близкий дружеский круг» (см.: Там же. С. 447—448).

¹⁰ Увлечение Н. С. Тургенева пением отразилось и в его письме к брату, в котором он иронично советует: «А поучись, брат, музыке — у вас певцы славные, главное в пылком, горячем мотиве поучись поставить и паузу! Почему у вас в Берлине берут за урок музыки. Смотри не заплати слишком дорого! — Очень я понимаю, как должно быть весело в Берлине тебе. — Что же делать, не всем же быть в Берлине. Зачем же тебе ругаться. Громко, сидя на чем угодно, как ты говоришь. Ругайся про себя, Jean!! Учись, учись музыке, такту и паузам, она тебя выучит и ругаться с гармонией. А то думает — хорошо трубить что ни попало в охотничий рог — только, пожалуйста, не становись для твоего *sol* на крыше, чтобы все слышали. Истинные таланты скрываются!» (ОП РНБ. Ф. 795. № 90. Л. 3 об.).

¹¹ Возможно, имеется в виду песня известного франц. композитора Марка Антуана Шарпантье (1643—1704) «Ah! Qu'ils sont courts les beaux jours» (1680), вошедшая в его сборник «Airs sérieux et à boire».

¹² День рождения Ивана Сергеевича — 28 окт. (9 нояб.) 1818, Николая Сергеевича — 4 (16) нояб. 1816.

¹³ О своих планах разделить имение на 4 равные части В. П. неоднократно писала сыновьям. В письме к И. С. Тургеневу от 17 (29) янв. 1839 она сообщала: «Планы мои и намеренья, которые так часто слышал, а [уж] мог и наизусть выучить, приведены были к исполнению <...>». Согласно желанию В. П., имение делилось на 4 части, из которых 1-я и 2-я части должны были пойти «на уплату казенных долгов» и на содержание хозяйства («на жалованье и содержание огромного количества дворовых скотов»), 3-я часть предназначалась самой В. П. («на содержание меня и дому»), а 4-я — сыновьям Николаю и Ивану. «Опридчим» она называла ту часть имения, доходы с которой шли собственно на ее содержание. Этот эпизод нашел отражение в «Собственной городской конторе», где помещица Глафира Ивановна диктует своему секретарю из дворовых «План госпожи» по переустройству имения, напоминающий письмо В. П.: «Всё имение разделить на че-

тыре части: / *Первую* назвать вдовьим участком или опридчим и определить ее на содержание госпожи и дома ее. / *Вторую* назвать — долговою частью и платить с нее проценты по долгам <...>. / *Третью* часть назвать участком детским и определить ее на содержание Дмитрия Петровича. / *Четвертую*, наконец, назвать частью агрономической и экономическою и соходы с нее употреблять на разные хозяйственные усовершенствования» (*ПССУП(2)*). Соч. Т. 5. С. 13—14). Л. Н. Назарова высказала предположение, что выражение «опридчий (участок)» является, по-видимому, местным (орловско-курским) произношением старорусского термина — опричины, т. е. вдовьей части, выделенной по наследству (см.: Там же. С. 389). О происхождении и значении этого слова см. также: Лексикологические заметки к текстам Тургенева. 21. *Опридчий // Т Сб.* Вып. 5. С. 339—340 (автор — М. А. <лексеев>).

¹⁴ Речь идет об И. И. Маркелове. См. п. 2, примеч. 30.

¹⁵ По всей видимости, имеется в виду *Линев Иван Логинович* (1777—1840 (?)) — полковник в отставке, с 1797 по 1801 служил в Кавалергардском полку, где оставил о себе память как «чрезвычайно красивый, но столь же глупый и необразованный, на хорошем по службе счету у начальства» (Сборник биографий кавалергардов (1762—1801). СПб., 1904. Т. 2. С. 402), в период Наполеоновских войн служил в Сумском гусарском полку, вышел в отставку в чине полковника в 1811 в связи с получением в наследство после смерти отца имения в Устюженском у. Новгородской губ. Л. владел домом на «2-й Итальянской улице Литейной части 17» (современный адрес: ул. Жуковского, дом 18), который семья Тургеневых снимала после смерти С. Н. Тургенева, предположительно с осени 1835 до весны 1838 (см.: *ПССУП(2)*). Соч. Т. 11. С. 448—449; коммент. Д. М. Климовой, а также Чернов. С. 66, 205). О Л. см.: *Александрова Т. Г.* Загадочный портрет // Временник Пушкинской комиссии. Л., 1989. Вып. 23. С. 177—178. О пребывании в «Линевском доме» Тургенев оставил запись в «Мемориале» под 1836 г. (см.: *ПССУП(2)*). Соч. Т. 11. С. 198). О жизни в доме Л. перед отъездом Тургенева в Берлинский университет и о посещениях В. А. Жуковского и Р. Е. Гринвальда упоминает также в своих воспоминаниях В. Н. Житова (*Житова*). С. 26—30).

¹⁶ См. п. 2, примеч. 31.

¹⁷ Возможно, аллюзия на «Сказку о царе Берендее, о сыне его Иване-царевиче, о хитростях Кошечки Бессмертного...» (1831) В. А. Жуковского: «...сиповатый / Голос сказал из воды: „не трудися, царь, понапрасну; / Я тебя не пушу. Если же ты хочешь на волю, / Дай мне то, что есть у тебя и чего ты не знаешь”».

¹⁸ Крепостной театр в Спасском (с оркестром, большой и разнообразной по составу труппой) перешел к В. П. по наследству от И. И. Лутовинова, при котором театр достиг наивысшего расцвета. После смерти дяди В. П. продолжала поддерживать Спасский театр, однако при ней он стал более камерным и домашним: «свой оркестр, свои певчие, свой театр с крепостными актрисами — все было в вековом Спасском для того, чтобы каждый добивался чести быть там гостем» (*Житова*. С. 25). Как полагает Е. В. Проца, интенсивная жизнь Спасского театра продолжалась до 1830-х, когда в силу ряда причин (прежде всего семейных неурядиц) она несколько затихла или, возможно, приостановилась вплоть до конца 30-х. См.: *Проца Е. В.* Театральные затеи в Спасском // И. С. Тургенев. Вопросы биографии и творчества. С. 164—185.

¹⁹ Схожую картину Тургенев нарисовал в «Собственной господской конторе», где барыня Глафира Ивановна отдает приказание: «Сказать матерям отпущенных по оброку актрис, чтобы они к ним написали и советовали бы им вскорости откупиться; а то-де вас вернут и здесь в работу определят. Мы-де вас предворяем от себя» (*ПССУП(2)*). Соч. Т. 5. С. 12). По мнению Е. В. Проца, к 1832 относится эпизод из жизни Спасского театра, описанный впоследствии Д. Н. Маминим-Сибиряком в очерке «Город Екатеринбург», когда театральный антрепренер П. А. Соколов «ухитрился на каких-то особых условиях законтрактовать в имении Тургеневых (Спасское-Лутовиново) человек пять девочек, обученных в домашней театральной школе <...>. Приобретение Соколова вообще оказалось очень удачным, и ученицы крепостной театральной школы оказались прекрасными

актрисами, так что впоследствии пришлось заплатить за их выкуп на волю матери великого писателя <...> очень дорого <...>» (*Мамин-Сибиряк Д. Н.* Собр. соч.: В 12 т. Свердловск, 1951. Т. 12. С. 273). См. также: *Громов В. А.* Судьба одной артистки // Орловский комсомолец. 1962. 19 сент. № 186; *Проц Е. В.* Театральные затеи в Спасском. С. 177.

²⁰ Имеется в виду барон П. И. Черкасов. См. п. 1, примеч. 9 и 52.

²¹ *Берс Елизавета Ивановна* (урожд. Вульферт; 1789—1855) — жена московского провизора Е. И. Берса, мать Андрея Е. и Александра Е. Берсов — сопровождала В. П. во время ее заграничной поездки в 1834—1835.

²² Имеется в виду В. Н. Богданович-Лутовинова.

²³ Более подробно о приезде Е. П. Тургеневой В. П. сообщала в следующем письме к Ивану Сергеевичу (см. п. 5).

5

1 (13) — 7 (19) октября 1838 года. Спасское-Лутовиново

1838-го года. $\frac{[7 - \text{го}]}{19}$ [октября].¹

В пятницу. [С. Спасское].

Милый друг и сын. Ваничка.

Вчера, написав к тебе письмо и отправив на почте,² я по[ехала] на встречу к дяде, который был в Тургеневе. Но! встре[тила его] на плотине с охотой, он ничего не затравил, и мы поех[али] с ним в Спасскую долину. Пустили гончих, которые зайца гоняли около моей коляски, а борзые лишь только бросятся [по] нему — он в лес, и борзых воротят назад. — Я была о[чень] этим довольна: что за удовольствие, чтобы в глазах моих [нес]частного беляка мучили. — Вернулись домой и, лишь только на[пи]лись чаю* — я слышу голос брата.³ — Мы выскочили. — Ступайт[е], встречайте, я привез бабушку...⁴ Как бабушку... Да... да... бабуш[ку], одну. — Я в первую минуту, три года не выдав мать ваше[го] отца, которого страстно любила, очень ей обрадовалась. — Mais sa contrainte... sa froideur surtout pour Bibi^a — очень мен[я] охолодило к ней. — Брат был пасмурен, как я его никогда еще не видала. — Ужинали скоро. — Долго после ужина болтали кой-что!.. О тебе, о твоём приключенье...⁵ и разошлись. — Всю ночь я не могла заснуть, волнение, тоска...

Нынче Покров Божией Матери, день праздничный. — Бабушка и дяд[я] собрались к обеду. — И брат тоже, он вошел ко мне с фураж[кой]. Видя его сердитым, смутным как никогда, я его спросила: что [ты], кошка?.. Он бросил фуражку... и начал говорить, что говорили, какие вздоры, обиды... поношенья, на дядю... на меня, несчастную. Говорили, что хотя открыты ему глаза, что дядя разорвет наш[е] имение, а я слепа, потому что он мне потворствует. — Словом, все то, что ты слышал от них и с большими прибавления[ми], всю подноготную

* После всенощной. — Завтра Покров. — Праздник.

^a Но ее сдержанность... ее холодность, особенно к Биби (*франц.*).

открыли, чего... иное брат почти не знал, а иное почти забыл... А я... О!.. Боже... Что такое я!.. Ежели бы тысячная часть была правда, я бы собою гнушалась... Говорят, что ежели рассказывают о слоне, то верно уже с муху было.⁶ — Но! что обо мне оне рассказывали. — Того я и во сне не видала.

Теперь-то твоя маменька... Теперь она тиха... А то!.. Ну! Словом. — Почти вроде Марьи М<ихайловны>⁷ и, кажется, хуже. — Так что страм и выразить. — Ты скажешь: как же брат допустил это! — Ему бы сказать: молчите, скоты, вы всё врете... Потому что в 22 года сын не может говорить. — Это не мое дело.⁸

Да! Иван! — Я тебе скажу откровенно, ежели бы я была такова, чтобы мой сын мог не только сказать, но!.. думать. — Не мое дело судить мать. — Я бы умерла от горя. — Нет! — Я отдаю себя на суд охотно. — Уверена... что многое скрыто то, что со временем откроется не к бесславию вашему. Все мои поступки чисты... святы... и сын может на них смотреть — не увидит пятна. Вы можете говорить обо мне, как Лутвиновины говаривали о своей матери, перекрестясь и говоря: святая женщина была наша матушка Мавра Ивановна.⁹

Родные ваши со стороны отца грызут и хотят, как волки, вырывать клочками мою честь, доброе мое имя. — Но! им не удастся. *La vérité triomphe toujours...*^b с женщиною, не достойною такого уваженья — не обходились бы уважительно. — Как хочешь, а всё бы видно было: улыбка *équivoque*.^c — А иной и прямо бы бухнул, как про Катерину Ив<ановну> Новосильцеву.¹⁰

Оне также сказали брату, кто отец Биби.¹¹ — Не знаю, что оне хотели из этого, какое заключение вывести. — Матери-то невозможно знать никому... Мать известна была отцу и мне. — А третье лицо слишком рассеяннo-беспечно, чтобы думать об этом.¹² — Итак, Биби — моя собственность, несмотря ни на чьи толки. — *Charmante... très charmante petite*.^d — Враги ее не могут не сознаться. — А она мое *création*.^e — Я торжествую. Оставим эту глупую историю.

Я нынче в радости, получила от тебя письмо. — № 13-й — по-моему, 12-й. — С посылкою Биби письмо и посылка пропали.¹³ — Из Берлина это первое. Ты, наконец, в Берлине, мой Иван.¹⁴ Ты кончил благополучно свой вояж. — Ты не свалился с гор, с колоколен. — О! как я этого боялась. — Уф... Слава Богу. — Слава Богу. Итак, ты в Берлине. — Ответ напишу особо. — На последнем листе.¹⁵ — А теперь всё буду продолжать журнал.

У нас обедал Шеншин Николай...¹⁶ сын Катерины Ал<ександровны>¹⁷ — во фраке, худ и бледен, точно жиденок. — Мелет и бредит об экономии. Мать теперь живет тут с ним. Отец¹⁸ отдал ему именье во

^b Правда всегда восторжествует (*франц.*).

^c двусмысленная (*франц.*).

^d Очаровательная... преочаровательная малышка (*франц.*).

^e творение (*франц.*).

владенье мценское, сам уехал в степь. — Et voilà.^f — Как говорят французы.

$\frac{2}{14}$ · Воскресенье Большая история была. — Дядя выговаривал матушке. — Матушка прибежала к брату, который хладнокровно доказывал, что он решил обличить всё наружу и тем обнаружить их несправедливость... злобу... и прекратить их злоязычие или прекратить всякое с ними знакомство. — Как с врагами его матери и дяди, второго отца. Он так умно говорил, что мы все разинули рот... *Votre frère a le don de la parole, comme votre père.* — Il a été sublime.^g — Чем кончилось, ты думаешь. Завтра посылают за всюю остальной семьей и за сумасбродным Алексеем.¹⁹ — Как ни в чем не бывали. Рады сладко покушать... На целую осень переезжают. — А я рада, что в грязное осеннее время буду я не одна, время не будет так казаться долго. — Вечером всегда вистик.

$\frac{3}{15}$ · Понедельник. Любимое дело делала — перетаскивала мебель. Спальню свою сделала в большом кабинете, только было <бы> тепло, а то, кажется, покойно. — Матушка заняла [мою спальню]. Лестница в девичьи сделала всем покой. — Вечером игра[ла в карты] с матушкой. Так натопили, что ужас. — Голова разб[олелась, даже] мне дурно. — Несколько тем несносно, что старуха любит б[олтать] поминутно — и не дает книгу почитать. Но! уладится... При[ехала] Софья Немаральная.²⁰ — И Авдотья Ив<ановна> Заберезуйская.²¹ — Как [ты], душа моя, хорошо назвал. — Теперь иначе мы ее не называ[ем].

<Рукою Ф. И. Лобанова>

3-е. 4-е. 5-е. 6-е, в четверг. — Не пугайся, мой друг, ежели ты, вместо моей руки, увид[ишь] писанное Лобановым: он списывает это с грифельной доски, на которой мне [покойнее] писать лежа. Я не больна, но нынче слегла в постель, ты знаешь, что часто я ложу[сь], это уже моя болезнь, которая все еще не прошла, да и нет, кажется, резону, чтобы скор[о] миновалась. — Но, однако, я не жалею, а благодарю Бога. — Это еще сносно, не то, ч[то] было в Петербурге, оставим это — я опишу тебе прошедшие дни.

3-е число прошло в толках, как послать экипаж за детьми и за Алексеем. Ах! Алексей с его болезнью, как неприятно мне, и боюсь... и для Биби... [Нака]занье Божие, что он все жив.²² — Но что делать! признаюсь тебе, мне слишком н[адое]ли семейные несогласия, матушкины беспрестанные претензии на брата Н[ико]лая Николаевича, его мешкотность, откладыванья, — и точно, два года он собир[ался] съездить... то то, то сё, и резон. — Какая же бы мать этого не потребова[ла], за это не понегодовала? А вся вина падает на мне, у меня он управляет. — [*On?>*] me déchire^h — а я виновата в этом, как Христос перед жида-

^f Вот так (франц.).

^g У вашего брата дар слова, как у вашего отца. — Он был великолепен (франц.).

^h Меня поносят (франц.).

ми — что делать! Решилась лучше их пригласить на осенние два месяца в Спасское, чем дядя та[скать]ся к ней, оставлять дела, дом, хозяйство, еще не устроенное, управителей в[<новь?>]. Итак, решено послать за детьми завтра.

4/16. Дождь проливной. Никак не ожидали гостей, но я знаю аккуратность Алексея Тимофеевича.²³ Он сказал, что будет, и будет, и точно приехал в 12 часов ровно. — Ты просишь, милый Иван, написать к тебе о неприятностях моих с дядей или от дяди, что это тебя огорчает, а теперь я тебя утешу своими приятностями. В год у нас в доме такие перемены, что ты бы узнать не мог, как внутренно, так и наружно tout s' est amélioré.ⁱ И прошлого года был у нас Сергеев... и поры большие. — Я заметила, что я только тогда хорошо ем, когда во мне желчь. — Я шутя говорю, что я скоро совсем аппетиту лишуся, совсем желчь не работает — tout a été convenable, très convenable^j — стол, вины, услуга, комнаты; а кстати о комнатах, писала ли я к тебе, что я гостиную сделала парадным кабинетом, уголок с шармиллю²⁴ — пате²⁵ — для работ стол и пр. затеи. — Все это хвалил tout admiré monsieur Serguéeff^k — да, да, старушка поживает барынькой, если еще не барыней.

В большом кабинете поставили железную печь, и теперь это моя спальня и уборная вместе. Матушка же пока живет в моей спальне, но, думаю, перейдет, [когда дети] приедут, наверх. Мне бы это было покойней, словом, все было хо[рошо, лад]но-складно.

[⁵/₁₇.] В среду я занемогла и почти весь день пролежала в постели. По вечерам [иг]раю с бабушкой в вист. Вот и все, что имела тебе сказать, моя душа. [Н]а особом листе получишь ты строгое письмо и, верно, скажешь: грозен [с]он, да милостив Бог.²⁶

<Рукою В. П. Тургеневой>

Ежели бы я была здорова, то имела бы еще много что к тебе писать. — Но! Теперь кончу мое письмо, благословя тебя. — От души и сердца будь здоров, весел, счастлив. — А до женского полу ты ласков — это русская поговорка. Прости, твой друг и мать.

В. Т.²⁷

<Рукою Н. С. Тургенева>

Любезный Жан.

Спешу воспользоваться okazji написать к тебе несколько строк. Мне осталось еще неделю прожить в Спасском, не более, а там в Питер на службу.²⁸ Все мы, слава Богу, здоровы и веселы, сколь возможно. У нас теперь гостит бабушка, за которой я сам ездил в Суходол. Мама-

ⁱ все стало лучше (франц.).

^j всё было пристойно, очень пристойно (франц.).

^k совершенно восхищенный господин Сергеев (франц.).

ша послала за всеми детьми Алексея Николаевича; комнаты им устроиваются наверху, и я очень рад этому, потому что татап будет не так скучно в Спасском, особенно после моего отъезда.

Да, Jean, татап приказала спросить у тебя, где же нашлась лодка на пароходе во время пожара. Этот пункт покрыт мраком неизвестности. Сделай одолжение и разреши наши загадки. Г. Веревкин успел вернуться и опять уехать в Петербург.²⁹ Прощай, Jean, будь здоров, весел, не забывая нас миссивами,³⁰ которых мы всегда ожидаем с нетерпением. Целую тебя 10 000 000... раз и остаюсь навсегда любящий тебя друг и брат

Н. Тургенев.

<Рукою Е. П. Тургеневой>

Вот и я тебя, любезный друг и милый внучек, несколько раз от души обнимаю и прошу Господа о твоём здоровье. Я теперь у мамыши твоей живу удовольствием. Угодно ей, чтоб и детей перевезли на некоторое время, чтоб пожить несколько вместе, в чем и мое удовольствие. Часто буду знать об тебе. Прости, Христос с тобой.

<Рукою В. П. Тургеневой на полях письма>

Вот болховские новости: Карпов посылал за женою,³¹ она приехала, он бросился ее целовать, но! как увидел, что она стала стара и дурна, то прогнал ее.

[Вере]вкин приезжал из чужих краев и сказывал, что ты [во вре]мя пожара пароходу острамился — кричал в отчаянии: [dois-je mourir si] jeune¹ [...Не мудрено] не потеряться. — В таком случае.

[...] Биби цалует тебя.

<Рукою Ф. И. Лобанова на полях письма>

Письмы свои к мамаше извольте адресовать прямо на их имя в Мценск. — Сию минуту получены из Москвы письма, а от вас к мамаше нет, они беспокоятся и сомневаются о вашем здоровье, то, чтобы не беспокоить их и не сомневаться, пишите ваши письма прямо на имя маменьки в Спасское.

Ответ на письмо, писанное от 10-го сентября.

[<Ты?>] называешь себя enfant prodigue.^m — Воистину так. — Куды [<ты и Порфи?>]шка дели столько денег. — Мы и ума не приложим. — Не знаю, [<как?>] ты будешь жить три месяца двумя тысячами, когда с лишком [...] тысяч прожил, путешествуя. Роскошно, очень роскошно, нечего [<гово?>]рять. — А ведь я уже более не пришлю, право, не пришлю ни [<коп?>]ейки. — Негде взять. — Ты мне по сие число сто-

¹ [неужели я должен умереть таким] молодым (франц.).

^m блудным сыном (франц.).

ишь, более [чем?] сам тянешь. — Хотя и *тяжеловес*. — Ты можешь же мне [на?]конец прислать счет, что стоит тебе твой гардероб. Положим [...] ты н[е записы?]вал. Но! у тебя память так свежа еще, что всё [мож?]еешь ска[зать?] *à peu près*.ⁿ — Хотя *vous avez fait le grand seigneur*.^o — [...]де?]нег Г[осударя?] не взял.³² — Но! Ты мог думать, что ты еще [не?] такой g[rand?] *seigneur*,^p чтобы ты <мог> вояжировать, как какому лорду. — И пото[му?] мог бы ты деньги поберечь на берлинское [ж]итье, а гардероб-то на вояж сделать кой-какой. — Приехал [бы?] в Берлин — да и обмундировался. — А Порфирий — холоп погорев[шего] барина³³ — и еще бы легче мог быть одет летом. — Нанко[вый?]³⁴ сюртучок. — И все тут. — Ты, однако, не такой ребенок, [ч]тобы этого не умел сам расчесть. — Хотя ты пропустил четыре месяца. — Скакав как полоумный, не останавливаясь и не давая [еж?]ежесечно матери отчету! — Ты со мною поступаешь, как будто [дел?]о твое и ты не обязан давать отчет. — Но ты все еще не[сов?]ершеннолетний и должен давать бы отчет опекуну. — Итак, вот тебе ежесечная форма. — В первых числах ноября должен ты мне прислать отчет — т. е. по получение сего письма — до 1-го ноября израсходовано денег *столько-то*. — А было в наличности *столько-то*. — От сего числа денег у меня на ноябрь и декабрь осталось *столько-то*. — Понимаете.

Теперь ты должен знать свое положение, тебе известно, что я именно разделила на три части. — Вам с братом и себе поровну. — Итак — до 1839-го года — я не могу копейки более послать того, что вы имеете теперь в кармане. — У меня нет, нет! — Ни гроша. — Делай как хочешь, живи как умеешь. — Но до 1-го января 1839-го году ты копейки не получишь. А когда настанет 1839-й год, то от Николашки-конторщика³⁵ получишь ты записку, что по твоему имению предположительно продается хлеба на столько-то. — И разделят сие на три трети. — И получишь ты на январь, февраль, март и апрель — на четыре месяца. — Что придется, смотря по доходу. Тем и живи, как умеешь, и уже более копейки тебе не пришлют до 1-го мая. — Сгоришь ли ты. — Украдут ли у тебя, твое уже это будет счастье или несчастье. Но! Знай, что уже быть по сему. — Просьбу твою не считаю важною и могу легко исполнить, [...] не привыкать не делить ни с кем своей горести и заключать ее [в?...] сердце. — То, что писала я к тебе насчет дяди, я не ожидала[ла и?] не хотела никакого утешенья. — Но! Мне легче было, когда я вверх[яла?...] тайную горесть кому-нибудь. — В ту минуту я [...] нее ..., чтобы ты никогда не испытала нужды высказать свою сердеч[ную боль?...] кому-нибудь. — Но! в противном случае я тебе мою важну[ю услугу?...] попрошу. — Не лишай ты меня этого сча-

ⁿ приблизительно (франц.).

^o вы изображали из себя важного барина (франц.).

^p в[ажный?] барин (франц.).

стья. — И ежели [*<в си?>*]лах буду пособить... то пожалею тебя. — И уверяю, что тебе [*<будет?>*] это отраднo. — Но! от меня ты ничего не услышишь. [...] Насчет же моих на тебя жалоб, я не [...] *<пеняю?>* тебе [*<на?>*...] их. — Всякий раз, когда ты будешь их [...] *<заслужи?>* вать. [...] Я не довольна тобою. — Ты привык не счит [*<ать?>*] своих денег, [*<не?>*] записывать расходов. — С трудом отдава [*<ть?>*...] требуемые отчет[ы...]. Я виновата перед тобою, что с младенчества не приучила т [*<ебя?>*...] к сему строгостью... Розгой. — Потому что это только [*<на вас?>*] с братом всегда и действовало. — Слово — *je vous ordonne*^q [...] *<вы?>* его понимали. — Но! при слове *je vous prie*^r вы отвечали [...] смехом *хи-хи-хи* и ничего не делали.

Итак, *je vous ordonne*.^s — Прислать мне твой расход [...] вспомнишь ли ты его, выдумашь. — Сочинишь. — Но! Еж[ели] ты не пришьешь за 1838-й год счету твоим деньгам, то можешь быть уверен, что в 1839-м году получишь [*<одни?>*] путевые деньги. — И я не намерена более делать вам по [*<блажек?>*].

Насчет Порфирия я тебе сказала уже, что его деньги [*<будут?>*] ему возвращены в целости по возвращенью. Потому что они не пропали, отысканы, и все сделано, что нужно, на этот счет. Только скажи Порфирию, чтобы он учился по-немецки столько, чтобы мог на первом пароходе ехать в Гамбург, а оттуда в Россию. — Во всяком случае, я не считаю более нужным тебе иметь своего человека в чужих краях. Приеду ли я к тебе весною — или не приеду, но! — на будущий год, верно, ты поедешь опять весною погулять, а не останешься в Берлине, то таскать с собою еще вояжера не на что и дорого. — А ежели я приеду, то со мною будет — два человека, то это будет слишком жирно. — Три хама. — Благодарствую.

Учись не ленись. — Приписка моя не от матери! — Но! Глас покойного твоего отца. — Я руководствуюсь по сих пор его мнением *et en tout je m'en trouve très bien*.^t Резкое мое письмо будет тебе напоминать таким же порядком — *твой долг*.

Печатается по подлиннику: *ОР РНБ*. Ф. 795. № 91. Л. 13—14; 10.

Отрывок опубликован: *Т Сб*. Вып. 1. С. 346.

¹ Дата проставлена в день отправления письма, 7 (19) окт.

² Имеется в виду п. 4, отправленное в предшествующую пятницу, 30 сент. (12 окт.), в котором В. П. кратко извещала Ивана Сергеевича о приезде Е. П. Тургеневой в Спаское.

³ Имеется в виду Н. С. Тургенев.

⁴ Речь идет о Е. П. Тургеневой. См. п. 2, примеч. 32.

⁵ Речь идет о пожаре «Николая I» и о получивших распространение вскоре после этого неблагоприятных для Тургенева слухах, которые касались его якобы недостойного по-

^q я вам приказываю (франц.).

^r я вас прошу (франц.).

^s я вам приказываю (франц.).

^t и в целом твердо стою на ногах (франц.).

ведения во время бедствия и вызвали неудовольствие В. П. Об этом инциденте см.: *ПССиП(2). Соч.* Т. 11. С. 520—523 (коммент. Л. М. Долотовой).

⁶ Ср. у Дала: «Из мухи (из комара) делают слона» (Т. 2. С. 362).

⁷ Имеется в виду *Мария Михайловна Карпова* (урожд. Жданова, а не Шишкина, как указано Н. М. Черновым: *Чернов Н. М. Дворянские гнезда* вокруг Тургенева. С. 338. Указано Л. В. Ивановой. Данные подтверждаются Делом о дворянстве рода Д. И. Карпова, хранящемся в РГИА — Ф. 1343. Оп. 23. Ед. хр. 1789. Указано И. А. Кузьминой), жена Дмитрия Ивановича Карпова (1785—?) (брата В. И. Кривцовой, с которой Е. П. Тургенева поддерживала тесные отношения), дальняя родственница и подруга В. П., пользовавшаяся дурной репутацией из-за своего свободного поведения. Как следует из послужного списка Д. И. Карпова за 1829 год, он начал свою службу актуариусом Государственной коллегии иностранных дел в 1803, затем был произведен в переводчики и впоследствии перемещен в Московский архив, откуда уволился в чине коллежского ассессора в апр. 1808. В 1819 К. вновь определился на службу почетным смотрителем училищ Болховского у. и в 1825 был произведен в надворные советники (см.: *ГАОО*. Ф. 500. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 181 об.—182; за сообщение этих сведений приносим благодарность научн. сотруднику *ОГЛИМТ* Л. В. Ивановой). У Карповых было пятеро детей: сыновья Николай (1818—1873), Аркадий (1824—1864), Сергей (1830—?) и дочери Елизавета (1821—?) и Наталья (1826—?). Поместье Карповых — село Вязовое (Вязилки-Карпово) — находилось в Болховском у., в 70 верстах от Спасского-Лутовинова, кроме того, они владели домом в Болхове и землями в Орловском, Ливенском и Болховском у. По словам М. Гершензона, Д. И. Карпов «был несчастлив в супружестве, но, будучи вместе с тем ума самодовольно-ограниченного, долго не замечал своего несчастья; в Вязовом балы сменялись праздниками, гости-соседи заживались по неделям, былолюдно, шумно и весело; а дородная Мария Михайловна походя наставляла рога супругу, и имение таяло с необыкновенной быстротой» (*Гершензон М. Декабрист Кривцов и его братья*. С. 260). С 1834 М. М. и Д. И. Карповы были в разводе, о грядущем разводе и о том, что Д. И. Карпов отнял у матери дочерей сообщала в письме к С. И. Кривцову его мать В. И. Кривцова (урожд. Карпова): «Мне, — пишет она, — его и жаль, и не жаль: сам причиной; взял девчонку от беспутной матери, дал волю летать одной где хочет, а когда бывали в Москве, самого его заря выгонит, а другая вгонит; всякой день на игре, а она одна да одна, — и зачала искать других мужьев; тем и кончилось» (Там же. С. 260—261). О Карповых см. также: *Чернов Н. М. Дворянские гнезда*. С. 182—184; *Чернов*. С. 154—161.

⁸ Судя по письмам Н. С. Тургенева к Ивану Сергеевичу, он глубоко переживал из-за возникшего семейного конфликта с родственниками со стороны отца и всячески поддерживал В. П. Причины конфликта несколько проясняет его письмо от 25 окт. 1838, написанное вскоре после возвращения из Спасского в Петербург: «Скажи тебе, что бабушка, Алекс<ей> Никол<евич> Тургенев<с> 1000... детей — все у нас в Спасском. Утром мучают мамашу, в обед терзают ее, вечером dokonчат на сон грядущий разными глупостями, претензиями на какие-то деньги, которые будто дядя израсходовал в то время, как они жили у нас в Спасском. Комерахам (сплетням, от франц. *commérages*. — *Ред.*) не есть конца. Такова участь бедной мамашы всегда найти и жить с людьми qui prennent plaisir à la tourmenter (которым нравится ее мучить. — *франц.*) Я со всеми перессорился, как ты можешь себе представить, и уехал с горем в душе, что оставил бедную мамашу на съедение лютых врагов и коршунов» (*ОР РНБ*. Ф. 795. № 90. Л. 2).

⁹ *Лутовинова Мавра Ивановна* (урожд. Лаврецкая; 1721—1784) — прабабка И. С. Тургенева, жена И. А. Лутовинова, мать троих сыновей — Ивана, Алексея и Петра (отца В. П.) и пятерых дочерей — Анны (в зам. Сергеевой), Ольги (в зам. Реновой), Аграфены (в зам. Шеншиной), Дарьи (в зам. Рыкачевой) и Елизаветы (в зам. Аргамаковой) Лутовиновых. См.: *Чернов Н. М. Дворянские гнезда*. С. 90—93.

¹⁰ *Новосильцева Екатерина Ивановна* (урожд. гр. Апраксина) — жена Н. П. Новосильцева (1789—1856), товарища министра внутренних дел, с семейством которого Тургеневы поддерживали соседские отношения. О Новосильцевых см.: *Жидкова С. Л.* «Старые портреты» (К истории галереи фамильных портретов в Спасском-Лутовинове) //

Тургениана. Сб. статей и материалов / Сост. Л. А. Балькова, Л. В. Дмитрихина. Отв. ред. В. В. Сафронова. Орел, 1991. С. 36—37.

¹¹ По всей видимости, имеется в виду Андрей Е. Берс. Доводы в пользу предположения об отцовстве А. Е. Берса см.: *Волкова Т. Н.* В. Н. Житова и ее мемуары. С. 13—15.

¹² По всей видимости, речь идет о матери В. Н. Богданович-Лутовиновой.

¹³ См. п. 2, примеч. 30.

¹⁴ Тургенев приехал в Берлин предположительно «около, не позднее 29 августа (10 сентября)» (см.: *Летопись (1818—1858)*. С. 36). Дата приезда устанавливается на основании ответа В. П. на письмо Тургенева от 29 авг. (10 сент.), приложенного к публикуемому письму (см. ниже).

¹⁵ Ответ В. П. на письмо Тургенева от 10 сент. н. ст. см. ниже.

¹⁶ *Шеншин Николай Никитич* (1816—1879) — помещик Мценского у., сосед Тургеневых. Усадьба Шеншиных — Ближнее Волково — находилась в 3 верстах от Мценска, на небольшой речке Мокрой Мецне. Именно здесь в июне 1853 состоялась встреча Тургенева и А. А. Фета, положившая начало их многолетней дружбе. См. об этом: *Ашихмина Е.* Волково: здесь встречались Тургенев и Фет // Орловский вестник. 2007. 7 нояб. № 45 (793) С. 21; 21 нояб. № 47 (795). С. 21. К этому времени относятся воспоминания Фета о Ш.: «Владелец Волкова был худощавый, боявшийся чахотки, но чрезвычайно подвижный, сорокалетний брюнет. Воспитанник юнкерской школы, он, как и все его семейство, отлично говорил по-французски, знаком был со старой и новейшей французской литературой, а равно и с корифеями русской словесности. Но насколько мало в сущности занимала его литература, настолько в душе он был прирожденным музыкантом и по целым часам фантазировал на рояле, которым прекрасно владел» (*Фет. МВ.* Ч. 1. С. 3). Впоследствии Ш. женился на Елизавете Дмитриевне Карповой (1821—?), дочери М. М. и Д. И. Карповых, которой в юношеские годы Тургенев был некоторое время увлечен.

¹⁷ *Шеншина Екатерина Александровна* (урожд. Обрезкова) — родственница В. П., жена Никиты Н. Шеншина. Кроме сына Николая, у нее был также младший сын Александр (1814—1872), впоследствии муж сестры Фета — Любви Афанасьевны (1824—1879), а также две дочери.

¹⁸ *Шеншин Никита Николаевич* (?—1845) — муж Е. А. Шеншиной, участник войны 1812, подполковник, оставил свою семью и, по свидетельству Фета, «любя свободу, устроился так, чтобы жить одному в большом доме смоленского (пензенского. — *Ред.*) имения, где проводил время, между прочим, расхаживая по пустым комнатам и напевая:

Гром победы раздавайся.

Отделивши двух сыновей, в том числе и волковского хозяина, старик Ш<еншин> выдавал своей жене и двум весьма зрелым дочерям девицам по триста рублей в год, и на эти деньги все трое проживали в Волкове, внося две трети своего дохода на общее хозяйство» (*Фет. МВ.* Ч. 1. С. 3). О нем В. П. неоднократно довольно резко отзывалась в письмах к И. С. Тургеневу. См.: *Чернов. С.* 209.

¹⁹ Имеется в виду *Тургенев Алексей Николаевич* (1792— до 1840 (*ЛССиП(2). Письма.* Т. 2. С. 610); 1849 (*Чернов. С.* 45)) — дядя Тургенева, старший брат С. Н. Тургенева, был женат на Е. М. Похвисневой (?—1834), от которой у него было трое детей — сыновья Михаил (послуживший прототипом главного героя рассказа Тургенева «Отчаянный» (1882) Миши Полтева) и Николай, а также дочь Елизавета (в зам. Хрущева), которых растила его мать Е. П. Тургенева. С 1810 по 1819 служил в экспедиции Государственных конных заводов, откуда был уволен «за болезненными припадками» (см.: *Сафонова О. Ю.* Семейство А. Н. Тургенева (По материалам Государственного архива Тульской области) // *Спасский вестник.* 2002. Вып. 9. С. 181—183). Судя по письмам В. П., Тургенев принимал участие в судьбе большого дяди, в 1841 даже просил мать взять на воспитание его детей.

²⁰ Имеется в виду С. А. Дунаевская. См. п. 1, примеч. 4. В п. от 1 (13) янв. 1841 В. П. упоминает о происхождении прозвища Д. «немаральная»: «Проклятая Дунаевская из

слова *маральный* сделала то, что не удержишься сказать [...] *собака марали никому не сделает*».

²¹ Имеется в виду А. И. Лагрия. См. п. 1, примеч. 24.

²² Имеется в виду А. Н. Тургенев, который страдал эпилептическими припадками (Чернов. С. 210).

²³ Имеется в виду А. Т. Сергеев. См. п. 3, примеч. 15.

²⁴ *Шармилль* (от франц. *la charmille*) — зд. уголок с зелеными растениями.

²⁵ *Пате* — мягкое сиденье без спинки и подлокотников.

²⁶ Ср. у Даля: «Страшен (грозен) сон, да милостив Бог» (Т. 4. С. 270).

²⁷ Вписано В. П. частью поверх приписки Н. С. Тургенева.

²⁸ Н. С. Тургенев выехал из Спасского 14 (26) окт. и направился сначала к дяде в Тургенево (см. п. 6), а уже оттуда — в Петербург, куда прибыл ок. 25 окт. (6 нояб.). Это предположение позволяет сделать его письмо к И. С. от 25 окт. ст. ст.: «Теперь, Jean, пишу тебе из Петербурга, куда я сейчас ввалился. По почерку моему видишь ты ясно, как у меня еще дрожит рука после 7-идневной несносной дороги в телеге. Этого ужаса ты еще не испытал, да и не дай Бог. Я так измучен дорогой, что, право, не соберу головы, которая у меня очень болит после 10000... ударов, которыми потчевала меня скверная телега <...>» (ОР РНБ. Ф. 795. № 90. Л. 1).

²⁹ *Верекин Владимир Петрович* (1792—1850?) — близкий знакомый и сосед Тургеневых, его имение Чаплыгино располагалось в Болховском у. Орловской губ., полковник в отставке, служил в Департаменте министерства народного просвещения, впоследствии тайный советник, камергер. В 1838 вместе с Тургеневым оказался на пароходе «Николай Ю». О В. П. Верекине см.: *Филлюшкина О. В.* Комментарий к незавершенной повести И. С. Тургенева // Спасский вестник. 2005. Вып. 12. С. 241—242.

³⁰ От франц. *la missive* — письмо, послание.

³¹ Речь идет о Д. И. и М. М. Карповых.

³² По всей видимости, В. П. намекает на ту сумму денег (20 000 рублей серебром), которую потерпевшим выделил император Николай I и от которой мужчины отказались в пользу женщин. Об этом сам Тургенев упомянул впоследствии в очерке «Пожар на море» (см.: ПССУП(2). Соч. Т. 11. С. 299). См. п. 1, примеч. 1.

³³ См. п. 1, примеч. 1.

³⁴ *Нанковий* — из грубой плотной хлопчатобумажной ткани (обычно желтого цвета).

³⁵ Имеется в виду *Серебряков Николай Яковлевич* — крепостной В. П., управляющий домашней конторой Спасского (о нем см.: Чернов. С. 94—95).

6

8—14 (20—26) октября 1838 года. Спасское

1838 года. [8] октября.
С. Спасское.

8-го
20, суббота.

Mon cher Jean.^a

Вчера кончила к тебе письмо поутру и отправила на почту.¹ [...] Но! взамен от тебя письма не получила, потому что т[ы пи]шешь на Москву к Кириле Сафронову.² — А тот должен, [получив] письмо, дожидаться почты отослать его. — Вот отчего и вы[ходит] разница неделю. —

^a Дорогой мой Иван (франц.).

Отвечать мне тебе нечего... Но! я не на все о[тветила] на твое письмо от 10-го, и потому еще много матерьи. — Н[о!] мне и всегда много матерьи и охоты к тебе писать. — Будучи [лише]на счастья говорить с тобою лично.

Ты многих писем моих не получал. — И потому я не [знаю], читал ли ты, что я тебе рекомендовала читать «Une fe[mme] de quarante ans».³ — Это ответ на твое письмо о Тютчевой.⁴ Пожалуйста, непременно возьми и прочти в библиотеке чтения, [ежели] не читал в Петербурге, а ежели читал, вновь прочти. — Я очень желаю тебе такой женщины. — Старушки... Молодому чел[овеку] эдакие женщины клад. — Дай Бог тебе с эдакою подружиться [на] несколько времени.

Теперь стану продолжать мой журнал.

Вчера вечером приехал Сергей Лагривыч,⁵ без супруги,⁶ она нездо[рва], как он говорит. — А по-моему, она барится грязно. — И он бы мог себе избавить труда.

У нас продолжается переборка снизу наверх бабушки с сем[ей]ством.⁷ — Я непременно хочу их так учредить, чтобы он[и] жили у меня, как будто в одном городе. — Или в одном селе. — Или даже в одном доме, да во флигеле. — Не зна[ю], как у нас пойдет, когда придут дети,⁸ мамзели, русс[кий] учитель. — Мои домашние... Софья, Немаральная.⁹ — А теперь пока скучно. — Бабушка, хотя ничего не переменялась *au mor[<al?>]*,^b все так же жива, все так же готова в карточки играть. Но! *c'est une femme comme elle a été toujours tout à fait sans ressource.*^c — С утра до вечера более ничего, как карты. — Нет! Моя старуха матушка была несравненно занимательне[й].¹⁰ Она любила читать гности,¹¹ могла судить о политике, о новых указах, о продаже, о романах даже русских. — Она любила читать, и это ей давало понятие о вещах, вне нашего или ее круга делающихся.¹² Матушка же Елизавета П<етровна> совсем не такова, вздыхает, ноет, охает, чай пьет, завтракает, обедает, опять ноет, чай пьет и в карточки... А без того нет у ней матерьи занимательной. — Это очень скучно для таковой женщины, как я. — Читающей, понимающей. — *Ces femmes importunes.*^d — Но! я всё дожидаю, авось дети меня развлекут, мой план — мой пансион умышленный,¹³ дай то Бог, чтобы это так было. — Мне нечего делать другого, как *tout le désert d'une existence de résignation à parcourir, — je me batis comme les chrysalides une tombes pour renaître brillante et glorieuse — je vais risquer de mourir pour vivre*^e — *из бояз[ни]*. Решилась назваться груздем — лезу в кузов. — Так и быть. Где же мне жить, пока я поеду к Ваничке, пока столько накоплю, чтобы назначить, где мое гнездо будет. — Я, кажется, писала к тебе, что я было наняла дом в Ор-

^b в настроении (*франц.*).

^c эта женщина такова, какой она была всегда, совершенно никчемная (*франц.*).

^d Ох уж эти скучные женщины (*франц.*).

^e смиренно преодолевать пустыню существования — подобно бабочке, я вью свой кокон, чтобы потом возродиться в славе и сиянии — чтобы выжить, я рискую умереть (*франц.*).

ле.¹⁴ Но! и в Орле мне будет жить дорого. Я не могу жить иначе, как в своем собственном доме, мне надо во всяком доме свои уголья... ширмы, шкапчики, особнячки... и пр<о>ч. ... и пр<о>ч. Затем игрушечки и разные разности по-англински, чтобы всякая комната имела свой établissement,^f свою приятность. Я не могу видеть в доме, где живу, ряд комнат, одна на другую похожую, такие же мебели, почти на том же месте! — Мне нестерпимо может приглядеться всякое единообразие. — Даже в царских чертогах, и всякая мебель во всякой комнате переместится с места на место несколько раз, пока устроюсь. — А там... de nouveau.^g — Я узнаю свою маменьку — скажешь ты!.. И плечи мои от перестановки уставали не раз. — Это тоже и дядина охота, его в другом роде — *укладываться*. А как уже мне надоело в чужих домах перемещение, то решительно никуда не перееду, пока свой дом <не?> наживу. Посмотрел бы ты, мой Ваня, как хорошо у меня в Спасском теперь... как цветет всякий уголок, как мне хорошо везде и покойно приспособлено... Совсем не так, мое сокровище, как при тебе. — Библиотека перегорожена новыми шкапами с дверьми, дверь прорублена, где было зеркало, и там довольно большая Колина комната. — Гостиная — прелесть, вся в цветах, с кабинетцем шармильным.¹⁵ — А из большого кабинета моя спальня. — А там возле девичья, а возле комната Биби. А отцов кабинет тих, уединен. — Никто в него не войдет без ведома. — Это моя могила, тут я молюсь за отца и с ним беседую. — Мысленно. — Тут занимаюсь делами... Тут живу прошедшим... воспоминаниями. Только на Смоленском кладбище бываю я счастливее.¹⁶ — Ох!.. я забыла твою просьбу... Ne pas blesser votre sensibilité.^h

Нынче воскресенье ($\frac{9}{21}$). Был Беневоленский.¹⁷ Больных много жа-

бами.¹⁸ Приехала Софья Немаральная из Орла. — Да танцовщица из Мценска.¹⁹ Памяти у меня совсем нет! Писала ли я тебе, что во Мценске русского учителя жена учит танцевать Биби. — И ездит два раза в неделю. Что за Биби славная девочка, как у ней ножки выворочены, какие грассы...²⁰ как стройна, мила, все бы глядел на нее. Почти всю французскую кадрили выучила. Charmante... charmante.ⁱ Пили, ели, в карты играли по грошу и всё тут. Дядя уехал в Тургеневе... Готовится брата встре<ти>ть, проводя отсюда в четверг. — Я поеду в пятницу. — И провожу его отсюда.

13. В четверг. L'homme propose, Dieu dispose. — Voilà le cas de le 25. d[ire]j Все эти дни не могла я к тебе писать. — Я была больна, [огорч]ена... а чем? — что тебе это знать за несколько тысяч верст. — Прошло, слава Богу... Ну!.. и хорошо.

^f устройство (франц.).

^g все заново (франц.).

^h Не задевать твоих чувств (франц.).

ⁱ Мила... мила (франц.).

^j Человек предполагает, а бог располагает. — Вот случай сказать это (франц.).

Вчера!.. Что вчера, писать не хочется. — Бабушка напала на Колю. — Что он не опрятен. — Ты знаешь на это[т] счет дядю. Добрый... а любит сказать лишнее... Знаешь меня. — Я не люблю: первое — несправедливости. — Втор[<ое перед?>] — матерью за столом при чужих, и посторонних, и людей своих. — Знаешь брата, как закусит он губ[у]. А я уже тут пропала... О!.. я люблю Колю свер[х] всякого описанья. — Я его наравне... Нет!.. нет! я более тебя люблю... Видеть его угнетенным... Сохрани Создатель. Я умру. — Всё, все его и для него. — Он копи[я] отца. — Я его люблю вдвойне.

Я плакала горько. — Но!.. всё прошло. — Нынче поехали мы на дворню прощаться, везде нас встреча[ли] с хлебом-солью. — Потчевали чаем, жареными курами, яйцами и творогом с сливками. — Partout j'ai laissé quelque souvenir.^k — Спрашивая невпопад: у вдовы — давно ли родила. — У женатого — не хочет ли жениться — и пр<о>ч. и пр<о>ч. ... Ты узнаешь свою татап по этим оригинальствам.

Не помню, писала ли я тебе, что мой приют, после того как ты в нем, *кажется*, напакостил — вымыт, вычищен, повесили образ — и он хорош, как... как... старуха в праздничном платье.²¹ Флаг вывешен. — Солдат Фадеев с крестами взят из Тургенева.

Нынче там были крестины. Неотвязный Овсянников²² упросил меня крестить у него дочь. Брат твой крестил на ферме с Елизаветою Андр<еевной>.²³ У меня горе. — Биби моя что-то заболела, бледная... вся зябнет. Боже ее упаси, я буду в отчаянии, ежели что случится. Это вся моя утеха. — И бабушка при всей animosité¹ отдает ей справедливость. — Она выучила всю французскую кадрили и очень мило танцует.

$\frac{14}{26}$. В пятницу. Вот и день почты. Письмо я от тебя получила от $\frac{20}{8}$ сентября. — На которое буду отвечать после. —

А теперь скажу: денег послано к тебе 2000 — 23-го августа, следственно, оне в твоих руках.²⁴ — Ты меня совсем обобрал. Брат нынче уехал в 6 часов, после обеда, с дядей в Тургенево. — Фабрика пошла в работу.²⁵

А бабушкин табор приехал, только я никого не видала еще, я больна, лежу в постели. — Всё это кричит, шумит, бегаёт... Мамзель кричит... бабушка, Алексей, дети. — C'est à ne pas s'entendre.^m

Спешу посылать на почту, дорога скверная. Цалую и благословляю тебя. — Твой друг и мать

В. Тургенева.

Знаешь ли, Ваня, как я обращаюсь с бабушкой? Со всевозможною учтивостью и вниманьем. — Хотя без той нежности, какую имела к ней при отце. — Это мне уже не скрыто, что она меня не любит... Напри-

^k Повсюду я оставила по себе какую-то память (франц.).

¹ враждебности (франц.).

^m Друг друга не расслышать (франц.).

мер. — Нет! возможности не любить Биби... Враг этой девочки наконец ей отдает справедливость. — Ну!.. Как же иначе, — говорит она дяде... — девочкой этой занимаются, как царицей. — Нет! я своих не буду учить танцевать, — говорит она... Где им до нее... Помилуй, какая зависть.

Печатается по подлиннику: *ОР РНБ*. Ф. 795. № 91. Л. 15—16.

Отрывки впервые опубликованы: *Т Сб 1915*. С. 26, 27—28, 29, 34.

¹ Речь идет о п. 5.

² *Тоболеев (Табаленков) Кирилл Софронович* (ок. 1790—1843) — дворовый И. И. Лутовинова, был куплен им в качестве скрипача для оркестра в 1807, родоначальник дворовой «династии» Тоболеевых в Спасском (отец любимой горничной В. П. Авдотьи Кирилловны, Дмитрия Кирилловича, находившегося в услужении у И. С. Тургенева, а после 1850 у В. П. Боткина и др.), впоследствии исполнял обязанности дворецкого в московском доме В. П. О нем см.: *Чернов*. С. 92.

³ Письмо, о котором говорит В. П., не сохранилось. По всей видимости, имеется в виду новелла Шарля де Бернара (Bernard du Grail de la Villette; 1804—1850), франц. романиста и поэта реально-психологической школы, «La femme de quarante ans» («Сорокалетняя женщина»), параллель к роману Бальзака «La femme de trente ans» («Тридцатилетняя женщина»), вошедшая в сборник Ш. де Бернара «Le Nœud gordien» («Гордиев узел»), вышедший в Париже в 1838 (в 2 т.).

⁴ Речь идет об Эл. Ф. Тютчевой. См. п. 1, примеч. 43.

⁵ *Лагривый (Лагривов, Логривый, Логривов) Сергей Петрович* — губернский секретарь, болховской сосед Тургеневых, муж А. И. Лагривой (о ней см. п. 1, примеч. 24), «незаконный сын одного из Кологривовых; очень добродушный человек, слегка простоватый и находившийся „под башмаком“ своей бойкой супруги Авдотьи Ивановны» (*Колонтаева*. С. 49). 14 янв. 1816 Л. был поручителем со стороны невесты на свадьбе В. П. и С. Н. Тургенева (*Чернов*. С. 180), часто бывал в Спасском, время от времени исполнял некоторые поручения В. П. Так, 18 авг. 1850 он засвидетельствовал во Мценском уездном суде запись о выделении Тургеневу дер. Любовши Новосильского у. (*Чернов*. С. 243). По словам мемуаристки, Тургенев в своей поэме «Помещик» (1845) «изобразил Лагривого, не переменяя даже ему имени» (*Колонтаева*. С. 49).

⁶ Речь идет об А. И. Лагривой. См. п. 1, примеч. 24.

⁷ Речь идет о Е. П. Тургеневой. См. п. 2, примеч. 32.

⁸ Имеются в виду дети старшего брата С. Н. Тургенева Алексея Николаевича. См. п. 5, примеч. 19.

⁹ *Софья, Немаральная* — С. А. Дунаевская. См. п. 1, примеч. 4, а также п. 5, примеч. 20.

¹⁰ *Сомова Екатерина Ивановна* (урожд. Лаврова, в перв. браке Лутовинова; 1768—1834), бабка Тургенева, мать В. П., родилась в с. Холодове от Ивана Петровича Лаврова («генерал-майора и кавалера») и Прасковьи Богдановны Бибиковой (*ГАОО*. Ф. 6. Д. 1254). В 1785 вышла замуж за капитан-поручика, мценского помещика П. И. Лутовинова (1743—1787), 2 нояб. ст. ст. 1787 овдовела, 30 дек. ст. ст. 1787 у нее родилась дочь. Через некоторое время Е. И. поселилась в Кромском у. с помещиком С. А. Сомовым и стала жить с ним вне брака. Дочь и сыновья, которые родились от этой связи, носили фамилию Дунаевских. В *ЦГАРФ* хранится донесение об одном из сыновей (Ф. О. Дунаевском), написанное в 1828: «Штабс-капитан Дунаевский есть один из трех сыновей, незаконно прижитых вдовою Катериною Лутовиновой (урожденная Лаврова) с кромским помещиком, корнетом Сергеем Алексеевым Сомовым, за которого она впоследствии и вышла замуж» (*Чернов Н. М. И. С. Тургенев в Москве*, М., 1999. С. 27). Впоследствии в одном из писем к В. Н. Богданович-Лутовиновой (от 15 дек. 1848) В. П. признавалась: «...у меня не было матери; мать была мне как мачеха. Она была замужем, другие дети,

другие связи. Я была одна в мире» (*Житова*. С. 24). Тем не менее, В. П. отношения с матерью поддерживала. Так, 14 нояб. 1816 в Орле Е. И. крестила старшего сына Тургеневых Николая (*Каталог 1909*. С. 83). По словам В. Н. Житовой, Е. И. «не отличалась мягкостью характера». Об этом свидетельствует ряд архивных документов, в частности, «объявление» вольноотпущенного дворового Артема Иванова, который жаловался, что, узнав об определении опекунов к имению покойного П. И. Лутовинова, «приехав незнаемо откуда <...> Катерина Ивановна Лутовинова, собрав всех дворовых людей и крестьян с женами их и детьми, и без малейшей вины пересекла из них большую часть кнутьями без милосердия, а меня и с сестрою моею согнала со двора <...> и оставя в оном селе незнаемо какого ею привезенного малороссиянина, на чтоб он всем управлял, а учрежденного от нижнего земского суда старосту беспощадно кнутьями наказав, да и дворового человека Антипа Иванова не только что беспощадно наказала, но и таковую же каждую неделю ему экзекуцию приказала делать и с голоду морить <...>» (*ГАОО*. Ф. 43. Д. 1155). Принято считать, что именно к Е. И. относится рассказ Тургенева, который приводит в своих воспоминаниях Л. Пич: «Старая, вспылчивая барыня, пораженная параличом и почти неподвижно сидевшая в кресле, рассердившись однажды на казачка, который ей услуживал, за какой-то недосмотр, в порыве гнева схватила полено и ударила мальчика по голове так сильно, что он упал без чувств. Это зрелище произвело на нее неприятное впечатление; она нагнулась и приподняла его на свое широкое кресло, положила ему большую подушку на окровавленную голову, — я теперь еще помню то неподдельное выражение, которое Тургенев употребил при этом рассказе — *и, севши на него, задушила его*» (Иностранная критика о Тургеневе. Изд. 2-е. СПб., [1908]. С. 77). Е. И. умерла в Холодове. По воспоминаниям Житовой, в рассказе «Смерть» («Записки охотника») «описаны ее последние минуты: барыня, заплатившая сама священнику за свою отходную, была родная бабка Ивана Сергеевича» (*Житова*. С. 23).

¹¹ *Гюсты* — очевидно, сочинения религиозно-философского содержания.

¹² О книжных пристрастиях Е. И. Сомовой говорят сохранившиеся в *Б-ке Тургенева* книги с ее владельческим автографом, среди которых: «Журнал или Записки войны, открытой французами в России 1812 года июня 12 дня, а прекращенной россиянами в Париже 1814 года марта 18 дня» И. И. Похвиснева (М., 1830), роман С. Ф. де Жанлис «Петрарк и Лаура» (М., 1822), романы Вальтера Скотта и др. (см.: *Каталог Б-ки Т. С.* 90, 150—152, 166—167).

¹³ Слово «пансион» зд. употреблено в значении «вознаграждение, выплачиваемое правительством за выслугу лет или оказанные ему услуги» (см.: *Настольный словарь для справок по всем отраслям знания: В 3 т. Составленный под ред. В. Р. Зотова и Ф. Толля / Издание Ф. Толля. СПб., 1864. Т. 3. С. 19*).

¹⁴ Речь идет о доме Рутцена. См. п. 1, примеч. 29.

¹⁵ См. п. 5, примеч. 24.

¹⁶ Имеется в виду могила С. Н. Тургенева, которая находилась на Смоленском кладбище в Петербурге.

¹⁷ *Беневоленский Иван* — доктор медицины; происходя из духовного звания, учился на субвенный счет на медицинском факультете Московского университета, курс которого окончил в 1827 врачом, степень доктора медицины Б. получил в 1834 за диссертацию «*De arorhexia*». С 1836 Б. служил уездным врачом в Мценске Орловской губ., где умер 18 февр. 1839. По другим данным, служил с 1839 в Орле и умер там в 1844 (см.: *Полковец А. А. Русский биографический словарь. Т. 2. С. 687*).

¹⁸ *Жабой* называли ангину, воспаление горла, глотки, зева у людей и животных (ср.: *Даль. Т. 1. С. 523*).

¹⁹ Имеется в виду преподавательница танцев Маляревская. См. п. 4, примеч. 5.

²⁰ От франц. *danser avec grâce* (=elegance, facilité) — танцевать с легкостью, ловко.

²¹ Возможно, речь идет о богатыне, которая находилась в версте от Спасского в с. Петровском. Выражение В. П. «напакостил», по всей видимости, связано с записью И. С. Тургенева в «Мемориале» под 1837 г.: «Поездка в деревню. В 1-й раз имею женщину, Апраксею в Петровском» (*ПССиП(2). Соч. Т. 11. С. 198*), где речь идет о крепостной

В. П. Апраксии (Евпраксии) Ивановне Лобановой, с которой Тургенев был близок (см.: Там же. С. 449—450; коммент. Д. М. Климовой). Как следует из письма В. П. от 7 (19) февр. 1839, Иван Сергеевич в дальнейшем проявлял участие в судьбе А. и справлялся о ней у дяди Н. Н. Тургенева.

²² По всей видимости, речь идет о *Павле Александровиче Овсяникове*, усадьба которого находилась в дер. Голоплеки Чернского у. Тульской обл., недалеко от Спасского. О. послужил прототипом однодворца Овсяникова в одноименном рассказе Тургенева из «Записок охотника» (1847). Впоследствии с его слов были записаны воспоминания о встречах с писателем (*Россиев П. И. С. Тургенев на родине // Моск. Вед.* 1908. 24 авг.). См.: *Новиков В. А. И. С. Тургенев в Тульском крае.* С. 95—101; *Иванова Л. Родине поклонись. По следам героев И. С. Тургенева.* М., 1993. С. 21—28; *Сучков С. В. Путешествие к однодворцу Овсяникову // Литературная Россия.* М., 1981. 3 апр. № 14. С. 17.

²³ Вероятно, имеется в виду Е. А. Сорокина.

²⁴ См. п. 2.

²⁵ См. п. 1, примеч. 27.

7

14 (26) октября — 21 октября (2 ноября) 1838 года.
Спасское-Лутовиново

1838-го года. От $\frac{14\text{-го}}{26}$ октября до $\frac{21}{2\text{-го}}$
С. Спасское.

Пятница.

В пятницу вечером часа через два, проводя брата из Спасского в С. Петербург.¹ — Получила я от тебя письмо, мой голубчик кинушка.² — Моя Александровская колонна,³ мой безотчетный аккуратник. — Денежки истратил, вот вам и сказ, а вы знайте да вновь присылайте... Папаша бы не послал тебе денег, не получив в прежних отчету. — Надеюсь, что в будущем году из своего приходцу будешь жалеть расходничать. — До Нового году деньги посланы, да и с лишечком. — Более не требуй, настанет Новый год — пришлю треть твоего доходу, и не знай меня, и не пиши ко мне об этом. Что Серебряков⁴ может, то и даст доходу. — Кажется более 10 тысяч ассигн., более нельзя тебе тратить в год.

Покупай книги или что хочешь, но! более не требуй, не из чего. Ты нынешний год совсем меня разорил, и я очень раскаиваюсь, что отпустила тебя, нужно было разоряться.

Письмами твоими я совершенно недовольна, так глупо пишешь, например, познакомился с милым семейством *Фроловым*.⁵ Что это за Фролов, каких лет, примет, что он делает в Берлине, т. е. он в службе или путешествии — всё это интересно знать, да и тебе описать людей, с которыми ты в дружбе, не бесполезно. — Привык бы описывать характеры, черты. Часто у меня спрашивают... Не тот ли это?.. Не знаю! Мой ответ. — А между тем мы, дворяне, все друг друга знаем. А мне бы как матери интересно бы было знать, что такое за Фролов... или такой-то.

Насчет твоего вояжу тоже скажу, что ты глупо таскался [и] порфиноносца⁶ таскал, оставил бы его в Любеке или где — [за] дешевую цену! — Гардеробу бы себе не делал и тоже не таскал бы с собою, не плотил <бы> за транспорт. — Сделал бы куртку да рубашки две и пошел по горам. — Приехал бы в Берлин, а Порфирия бы доставили волыные.⁷ — А ты бы и себе и ему гардероб сделал. — Так нет!.. Мы свысока, *grand seigneur*,^a но! — что делать. — По пословице *l'expérience s'achette cher*.^b — На будущий год, надеюсь, будешь поумнее. — Хоть бы и хотела, да не из чего.

Ты пишешь, что Фролов едет в Дрезден, напиши к нему, чтобы он осведомился о моем письме, оно должно лежать на почте.⁸ Ты быв в Дрездене и не спросил, а я писала туда по твоему назначенью. — И хотя все то же почти повторила в берлинском письме, не будучи уверена, что оно дойдет — но! все есть то, чего нету в берлинском. — Особенно, ежели есть способ оное получить.

Спрашиваешь, где я буду зиму? — Не знаю. — Да с чем, батюшка. То тот разинет рот... то другой. То тебе пошли. — То брату... С чем же мне ехать. — Я прекрасное дело выдумала отделить вас. — Сколько получите, так и живите. — Я к тебе писала. — Но! хотя ты не получил письма, сам бы мог подумать: сторело у тебя имущество. — Стало меньше денег. — Надо было и тратить меньше. Взял бы из Гамбурга пароход, до Берлина доехал и жил бы скромно. — Все для тебя чужие края. — Все было бы что видеть. — И денег бы у тебя достало... и перестало... Ну!.. так т[ы], как от мачехи. — Дай нам. — А сама мерзни в Спасском, лишись всего удовольствия жизни, оттого что дети хотят тратить более, нежели позволяет состояние... Нечего делать, живу так, как вам угодно, до 1839-го году.

Пишешь, что нечего было послать с Рибопьером.⁹ — Пото[му] что ты не хотел подумать — что не дорог твой по[дарок], дорога твоя любовь.¹⁰ — Тебе никогда на балах не подав[али] конфект. — Потому что свое брюхо было ближе.

Что мне твой подарок дорогой. — Дорого вниманье. — Цветочные семена в первой семенной лавке. — Листочки [и] семечки все твои берегутся. — Но! тебе и то стало в т[ягость], и два письма я не получаю этого условленного гостинц[а]. Что такое за важность берлинское изделие, узорчик по [канве], ленточка, калечка. — Которую бы 1000 раз целовали [...]. Но! — ты на это ни в отца, ни в мать, ни в бр[ата]. Отец не едал сладко, чтобы лишнюю ленточку и[ли чеп]чик прислать или привезти... Я живу в деревне, ску[чаю, это] только вы утешались. — Ну! брат... тот, и говорить [нечего], вез канареек на почтовых меня утешить.¹¹ — И точит или, по крайней мере, воображает, что точит для меня... — *Mais vous!.. Vous...*^c Ты эгоист из всех эгоистов. — Был бы сыт

^a большой барин (франц.).

^b опыт дорого стоит (франц.).

^c Но вы!.. вы... (франц.).

ты!.. и только. — А ежели ты и отдашь, что у тебя ни попросят... то не от щедрости. — А ты [рад] сбить деньги куды бы то ни было, чтобы тебе их не счита[ть], не записывать. — Есть у тебя — будешь роскошничать. — Нет — будешь нуждаться. — Я знаю твой ндрав более, нежели [ты] сам. — Испытай себя. — И ты увидишь, что я права. Ты не виноват. — Это у тебя врожденное. — Но! [и я] не могу быть довольна тобою с этой стороны. — [Ты] умеешь ценить внимательность. Но! не думаешь, [как] она приятна матери. — Ты послал Биби цеп[очку], которую мы хотя и не получ[али].¹² Я послала тебе] на часы в рожденье 300 и от Биби прибавила 200 на цепочку. Я умею быть благодарною за малейшее вниманье. — А ты будешь со временем муж. — Отец. — О! Нет! — пророчу тебе, ты не будешь любим женою. Ты не умеешь любить — т. е. ты будешь горячо любить. — Не жену — т. е. не женщину. — А свое удовольствие...

Не затейся знакомство свести с актрисами в Берлине.¹³ Помни, что имяне твоего отца не дает на уплату в казну доходу.¹⁴ — А я при первом твоём долге публикую, даю тебе мое честное слово. — Публикую в газетах, что имяне у вас не отцово. — И что я за вас долгов плотить не буду. — Это не сделает тебе чести, конечно. — Но! по крайней мере — с меня за твои долги взыскивать не будут. — Человек, который проживает сверх того, что ему назначено, может ему все казаться мало, и потому и задолжать в надежде расплатиться. — И потом забыться до того — что как твой знакомый в Петербурге. Находил, что мать на его беду живет долго.¹⁵ — А кто знает, может быть, он и не зол... и добр. — Но! завлекся. — И потом и не выпутается. — Берегись. — Ты без друзей, без советчиков добрых. Пущен корабль на море... отдан Богу на волю.¹⁶ — Не зайди в пучину.

Отвечай мне на сие письмо. — Что мне очень нужно знать: на тебе ли мое благословенье.¹⁷ — Я покойна духом, думая, что на тебе оно. Не снимай его, ежели оно цело. — И Господь пошлет тебе свою благодать. А ежели ты лишился его, то не таи от меня. — Я не люблю ничего скрытого, будь похож на брата. — Он терпеть не может ничего от меня таить.

Я уверена, что тебя это письмо огорчит. — Но! скажи мне ради Бога, почему ты себя не счел обязанным дать мне отчет в твоих расходах (sic! — *Ред.*), приехав на место. — А счел, что я обязана присылать тебе денег вновь, не зная, куды ты хотя не *именно*, но *à peu près*^d израсходовал, и даже не подаешь надежды прислать оный. — Уверяя, что экономен. — Как будто я должна тем довольствоваться.

Еще напиши мне, часы твои не были на тебе, когда вы горели. — Также и перстень отцов?¹⁸ — А!

Письмо мое покажется строго. — Да! — Потому что я [...] и что не хочу раскаиваться и думать, что [...<чтобы?>] ты не откусил мне ухо со временем.¹⁹

^d приблизительно (*франц.*).

Бабушка с семьей²⁰ живет у меня, и учатся дети танцевать у той же танцовщицы.²¹ — Т. е. начали нынче. — Биби танцует французскую кадрили с большими грассами.²² — Она очень мила. — И хорошеет. А там! — Не знаю... совсем не знаю что будет.

У нас поветрие.²³ Горлы болят у людей. — Жабы.²⁴ — Скотина больна, мы без молока. — Лошади здоровы. — Мы переделали дом, и у нас лестница на женской половине, отчего дом покойнее.

И я тебе пришлю рисунок своей гостиной, разделя ее на чет[ыре] части. — Прежде тот угол, где я сижу, пишу к тебе и тебя распекаю. — А там и прочие.

Дядя остановил мою руку и говорит: ты, верно, огорчишь Ваню...

Ваня. — Да отчего же ты меня не слушаешься, отчего ты не можешь подарить мне ежедневно 10 минут. — 10 минут не много. Плотить за нежность такой матери, как я. — Ты пишешь ко мне 4 сторо[ны] кругом. — Но! оне не интересны. — Иван! — вспомни Бога. — Пер[екрести?] лоб. — 4 месяца бегал ты по свету, спасся чудесным образом [от?] пожару, ходил в опасных местах и прибыл благополучно в Бер[лин]. Иван, ты русский, ты христианин. — Был ли ты в церкви, молился ли Богу? — А ежели ты исполнил сей долг христианин[на?], чего я не ожидаю, зная вас с братом — но! — еже[ли] был, почему тебе меня не утешить сим уведомленьем, [...] как я в Петербурге с вами за это ссорилась. — Тебя [Бог?] [наг]радил умом, богатством, понятием. — Почти все же[лания] твои исполняются, все блага на тебя сыпятся... А ты [...] ты не перекрестишь лба.

Потом столько можно сказать интересного, главное кто в [Бер?]лине русские фамилии. — Ты бы это узнал взглядо[м?] всякое воскресенье в церкви. — Бог знает, нечаянно бы на[шел?] знакомых. — Очень случается. — Ты бы заметил — те[бя?] новоприезжего увидел.

Я совершенно не знаю, что делается в Берлине, где мой сын. Приехав как, куда, с кем, как увиделся, где повстречался с [Гра?]новским.²⁵ — Как проводишь ты время, твое утро когда начи[нается], твой полдень. — Как обедают обыкновенно в Берлине, во в[сяком?] городе свой час, час царский, час вельмож, час барский. — [Час?] трактирный, там послеобеденное время, где Г...²⁶ кто с тобою, [с кем?] ты. — Час театру. — Какова опера. — О, много-много есть [о чем?] написать и разделить свое виденное, чувствованное. — Но! ты эгоист. — Напился, нагло пожуировал, а [матери?] [...] написал письмо не думая до[...].

<Приписано В. П. на полях письма>

[На?]пиши мне, что ты [чи]таешь теперь.

Я так много имею и считаю за до[лжное тебе сказа?]ть, что мои письм[а] [...] кончатся обыкновенными [...] всегда с тобою. Но [...] да за некоторые безделицы. — Чертеж твоей комнаты. — Мне и те не нра-

вятся. Спальня... Кабинет... Гостиная... У мальчишки. — Кажется, лучше одна большая чистая комната для тебя со столом, у хозяев. — Нахлебником другая для человека.²⁷ — Верно, Грановский [...] <какого-?>нибудя семейства [...] хлеба [...] он беден. — Да, конечно [...] <встреч?>чая] каких гостей [...] не более их огорчит. — Да! Я мать, я власть. — Это долг мой — вот и все тут.

Все мои живы, здоровы и тебе кланяются. [...] Наполька жив.²⁸ — И хорош.

Завтра воскресенье. Поди к обедне и отслужи молебен.

Печатается по подлиннику: *ОР РНБ*. Ф. 795. № 91. Л. 17—18.

Отрывки впервые опубликованы: *Т Сб 1915*. С. 42; *РМ (1)*. С. 101.

¹ Н. С. Тургенев выехал из Спасского 14 (26) окт. См. п. 6, а также п. 5, примеч. 28.

² *Кинушка* — возможно, домашнее прозвище Тургенева.

³ Имеется в виду *Александровская колонна* на Дворцовой площади в Петербурге, торжественное открытие которой состоялось 30 авг. 1834. И. С. Тургенев, находившийся в это время вместе с отцом и братом в столице, мог присутствовать на этом событии. Не случайно, открытие Александровской колонны посвящено одно из ранних известных юношеских стихотворений писателя — ода «Сей памятник огромный горделивый...» (при жизни Тургенева не публиковалось). По предположению Т. П. Ден, композиция стихотворения, лиризм исторических воспоминаний, а также некоторые другие детали этого стихотворения связаны с чтением очерка В. А. Жуковского «Воспоминания о торжестве 30-го августа», появившегося в «Северной пчеле» 8 сент. 1834 (№ 202). См. об этом: *ПССуП(1)*. Соч. Т. 1. С. 594. Кроме того, оно носит следы знакомства Тургенева с другими произведениями, посвященными этому событию, в частности, со стихотворениями, опубликованными в *БдЧ* (1834. Т. 6. С. 5—10, 16). См. об этом: *ПССуП(2)*. Соч. Т. 1. С. 531. Возможно, это шутовское прозвище, связанное с высоким ростом Тургенева, намекало и на указанное стихотворение.

⁴ Имеется в виду Н. Я. Серебряков. См. п. 5, примеч. 35.

⁵ Речь идет о *Николае Григорьевиче Фролове* (1812—1855) и его первой супруге *Елизавете Павловне Фроловой* (урожд. Галаховой; ок. 1802—1840), у которых в Берлине был салон, посещаемый многими известными литераторами и общественными деятелями. Фроловы были близкими друзьями Н. В. Станкевича и Т. Н. Грановского. Тургенев познакомился с Фроловыми осенью 1838 в Берлине (куда Фроловы приехали после свадьбы, состоявшейся в 1837 в Штутгарте (Швейцария), в конце того же года) и в дальнейшем часто бывал у них. Письмо В. П. позволяет уточнить месяц, когда состоялось знакомство: октябрь. Судя по письму, ввел Тургенева в салон Фроловых Т. Н. Грановский, который, наряду с Н. В. Станкевичем и Я. М. Неверовым, был его постоянным посетителем. Здесь Тургенев встречался с тогдашними нем. знаменитостями — К. Вердером, А. Гумбольдтом, Беттиной фон Арним, К.-А. Фарнгагеном фон Энзе и др. Душой салона была Е. П. Фролова, которая родилась в богатой аристократической семье и получила прекрасное образование. По словам Тургенева, «Стефания Баденская считала ее в числе своих приятельниц — Беттина часто ходила к ней, хотя в душе ее побаивалась. Г-жа Фролова обходилась с Беттиной *un peu de haut en bas* (немножко свысока. — *франц.*) Вердер бывал у ней часто — Гумбольдт посещал ее иногда. Я ходил туда молчать, разиня рот, и слушать» (*ПССуП(2)*). Соч. Т. 5. С. 361). Сам Фролов, как отмечал Тургенев, «никогда не вмешивался в разговор — сидел в углу, разливал чай, значительно мычал, поводил глазами, подергивал усы — но не раскрывал рта» (Там же. С. 361). О Е. П. Фроловой Тургенев сохранил самые теплые воспоминания как о женщине «очень

замечательной): «Уже немолодая, с здоровьем совершенно расстроеным (она скоро потом умерла), некрасивая — она невольно привлекала своим тонким женским умом и грацией. Она обладала искусством — *mettre les gens à leur aise* (вызывать у людей ощущение непринужденности. — *франц.*), сама говорила немного, но каждое слово ее не забывалось. В ней было много наблюдательности и понимания людей. Русского в ней было мало — она скорее походила на очень умную француженку — *un peu de l'ancien régime* (немножко старорежимную. — *франц.*)» (Там же). Особо привлекало Тургенева умение Ф. вести блестящую беседу: «Фролова умела, когда хотела, быть чрезвычайно блестящей в разговоре; помню, раз приехал к ней в Берлин один очень умный француз, граф или маркиз. Вдвоем они вели целый вечер такой диалог — хоть бы из какой-нибудь „пословицы“ Альфреда де Мюссе. <...> В г-же Фроловой была наклонность к аристократии — но сколько в ней было доброты и простоты в то же время!» (Там же. С. 366). Немалое значение имело для Тургенева и то, что ее ценили Станкевич и Грановский. Сохранилось воспоминание Тургенева о Ф., записанное современницей: «Я знал только одну женщину очень дурную собой и увлекательную, — Фролову, друга Грановского. Она была и очень дурна и старше мужа, а муж был страстно в нее влюблен, да и многоим она нравилась. Но она была женщина почти гениальная» (*Островская*. С. 31). Схожие воспоминания оставил о ней Я. М. Неверов: «Если можно сколько нибудь приблизительно, через сравнение, определить ее характер и значение, я назову ее русской Рахелью (Рахель Фарнгаген, хозяйка известного берлинского салона. — *Ред.*), потому что она, как и Рахель, не оставила никаких следов своего существования — в литературе, не была собственно ученой женщиной, ни даже женщиной, игравшей роль (ей противна была всякая выставка, всякое высказывание себя), но высокий ум, верный и глубокий взгляд на людей и весь мир соединяла с основательными познаниями, чарующею теплотою сердца и тою дивной женственностью, которая любит для любви, благотворит для блага, исправляет шутя, поучает без наставлений и свою внутреннюю гармонию разливать на все окружающее» (*Неверов Я. М. Т. Н. Грановский // РСМ*. 1880. Т. 27. С. 752—753). Записи о некоторых вечерах у Фроловых сохранились в дневниках Фарнгагена фон Энзе. Так, 6 апр. 1838 в кружке обсуждалось художественное и общественное значение романа Гёте «Годы учения и странствований Вильгельма Мейстера», а 21 апр. того же года — вопросы духовного наследия, культуры и цивилизации (*Varnhagen von Ense K.-A. Tagebücher*. Leipzig, 1861. Bd I. S. 84, 89). Фролов, выйдя в отставку в чине поручика в 1834, намеревался посвятить себя научной деятельности: слушал лекции в Дерптском (в 1834/1835 вместе с И. П. Галаховым) и Берлинском университетах, а также в Сорбонне (с 1844), в Берлине занимался историей, философией, правом и естественными науками. Впоследствии сотрудничал в обновленном *Совр.*, опубликовав в журнале ряд работ, среди которых «Исправительные тюрьмы в Швейцарии» (1847. № 9), а также перевод «Космоса» Гумбольдта (1847. № 10, 12; 1848. № 2, 7; 1849. № 9), вызвавший резко отрицательный отклик В. Г. Белинского (см.: *Белинский*. Т. 12. С. 419—420) и ироничную оценку Тургенева (см. *ПССуП(2)*). *Письма*. Т. 1. С. 229—230; п. к Белинскому от 14 (26) нояб. 1847). Им была написана биография Станкевича (не опубликована) (см.: *ЛН*. Т. 56. С. 169). Сохранился отзыв о нем Т. Н. Грановского 1843 в письме к Н. А. Беер, в котором, защищая Ф. как потенциального автора биографии Н. В. Станкевича, он писал: «сомнения Ваши насчет Фролова очень понятны. Но как Вы могли думать, что я или Неверов предоставим святое дело рассказать о жизни Станкевича человеку, не способному понимать покойника и не любившему его так, как должно было любить. Вы не знаете Фролова. Станк<евич> и я, мы также узнали его очень поздно. — Жена его имела большое влияние на всех нас; она соединила нас в своем доме; на Фролова мы смотрели с уважением, но без особой симпатии к нему. В нем есть что-то очень благородное и в то же время мрачное, отнимающее желание сблизиться с ним» (цит. по: *Велижев М. Б.* «Моя метафизика» Н. В. Станкевича: К истории текста // *РЛ*. 2008. № 2. С. 103). С 1852 издавал журнал «Магазин земледелия и путешествий». Знакомство с Ф. нашло отражение в творчестве Тургенева. По признанию Е. М. Феокистов, Фролова «всякий тотчас же узнавал» (*Феокистов*. С. 31) в рассказе «Гамлет Щигровского уезда», где Василий Васильевич уничижительно упоминает, что

во время пребывания в Берлинском университете он «снохивался с отставными поручиками, удрученными, подобно мне, жаждой знания, весьма, впрочем, тугими на понимание и не одаренными даром слова» (*ПССиП(2)*. Соч. Т. 3. С. 263—264). См.: *ПССиП(2)*. Соч. Т. 3. С. 502 (коммент. А. Л. Гришунина); Т. 5. С. 539 (коммент. Т. П. Ден). Некоторые черты Ф., по всей видимости, легли в основу и других персонажей Тургенева (в романах «Рудин», «Дым»), повести «Пунин и Бабурин»). Об этом см.: *Жидкова С. Л. И. С. Тургенев и Н. Г. Фролов (К вопросу о значении прототипии в творчестве писателя)* // *Тургеневский ежегодник 2005—2006 годов* / Сост. и ред. Л. А. Балыкова, Л. В. Дмитрихина. Орел, 2008. С. 101—108.

⁶ Имеется в виду П. Т. Кудряшов. См. п. 1, примеч. 18.

⁷ *Воловые* — телега, запряженная волами.

⁸ Об этом письме (неизв.) В. П. упоминала также в п. 3.

⁹ *Рибольтер Александр Иванович*, граф (1781—1865) — действительный статский советник, камергер, с 1831 по 1838 чрезвычайный посланник и полномочный министр при Прусском и Мекленбургском дворах, жил открытым домом в Берлине и обыкновенно устраивал большие празднества, когда в Берлин приезжал император Николай I или кто-либо из членов императорской семьи (см. о нем: *Половцев А. А.* Русский биографический словарь. Т. 19. С. 173—177). В. П., по всей видимости, общалась с сестрой А. И. Рибольтера — Е. И. Зыбиной. Об этом свидетельствует письмо Н. С. Тургенева к брату от 25 окт. 1838, в котором он сообщал: «Еще к стати о Берлине скажу тебе, что Кат<ерина> Иван<овна> Зыбина получила письмо от брата своего Рибольтера, в котором он пишет que Mr de Tourguéneff (что г-н Тургенев. — франц.) еще не изволил к нему являться, que c'est un jeune homme rangé, studieux, adonné à la science (что это серьезный, прилежный, преданный науке молодой человек. — франц.) и пр. и пр. Это мило, Jean, — вот что о тебе говорят!» (*ОР РНБ*. Ф. 795. № 90. Л. 1 об.).

¹⁰ «Мне не дорог твой подарок, / Дорога твоя любовь» — строки из рус. народной песни «По улице мостовой». См. также п. 13.

¹¹ В. П. «очень любила птиц, но не кур и вообще не дворовую птицу — эти пернатые имели свой птичий двор и довольно далеко от дома, чтобы своим кудахтанием и гоготанием не беспокоить ее. Птиц — канареек, чижей, щеглов и попугаев-неразлучников держала она в доме в изящных клетках» (*Житова*. С. 39).

¹² См. п. 2, примеч. 30.

¹³ Судя по письмам Н. С. Тургенева, оба брата были театрами. Так, из письма Н. С. от 25 окт. 1838 следует, что И. С. следил за постановками с участием известной балерины Марии Тальони (1804—1884), блиставшей на петербургской сцене на протяжении пяти сезонов (1837—1842): «Насчет Талиони скажу тебе, что она отличается по-прежнему в „Деве Дуная“ и кроме этого балета еще нового не дают. — Смотри на нее, вспоминая тебя» (*ОР РНБ*. Ф. 795. № 90. Л. 2 об.).

¹⁴ Речь идет о с. Тургенево. См. п. 3, примеч. 19.

¹⁵ О ком идет речь, установить не удалось.

¹⁶ Ср. у Дала: «Пущен корабль на воду, сдан Богу на руки» (Т. 2. С. 161).

¹⁷ См. примеч. 18 к наст. письму.

¹⁸ Как следует из п. 13 и «благословение» (образок) В. П., и перстень отца удалось спасти во время кораблекрушения «Николая I» (см. п. 1, примеч. 1): «Ах! как я рада, что перстень отцов цел. Ах!.. слава Богу. — И мое благословение, и да будет над тобою благословение Господня».

¹⁹ В. П. имеет в виду сюжет басни Эзопа «мальчик и его мать». В *Б-ке Тургенева* сохранилось издание: Басни Эзоповы. Переведенные с греческого Иваном Мартыновым. СПб., 1823, — в которое включена и эта басня (здесь же приведен и текст басни на др.-греч.). «Мальчик, укравши в школе у своего соученика книгу, принес матери. За это она его не только не наказала, но еще похвалила; мальчик, подросши, начал красть и важнейшие вещи. Однажды поймали его на самом воровстве и повели на смерть. И как шла за ним и мать его, рыдаючи, то он просил палачей позволить ему несколько слов сказать ей на ухо. Мать тотчас поднесла ухо ко рту сына; и он откусил его зубами. Мать и другие

стали его осуждать, что он не только вор, но даже и с матерью поступил злодейским образом. На это он сказал: мать виною моей гибели. Если бы она, когда я украл книгу, меня наказала: то бы я не дошел до того, чтоб ныне вели меня на смерть. Это выражение встречается еще раз в письме от 1 (13) марта 1839.

²⁰ Речь идет о Е. П. Тургеневой и детях ее старшего сына А. Н. Тургенева.

²¹ См. п. 4, примеч. 5.

²² См. п. 6, примеч. 20.

²³ *Повесть* — «наносные, повальные болезни» (*Даль*. Т. 3. С. 151). О большом количестве заболевших ангиной В. П. сообщала и в п. 6.

²⁴ См. п. 6, примеч. 18.

²⁵ Вероятно, речь идет о Т. Н. Грановском (1813—1855), с которым Тургенев познакомился в Петербурге в 1835, когда они оба были студентами Петербургского университета, и впоследствии общался в Берлине и в Москве, где Г. с 1839 был профессором Московского университета. Общение с Г. оставило, по собственному признанию Тургенева, в нем «глубокое впечатление». После смерти Г., последовавшей 11 (23) сент. 1855, и похорон, состоявшихся 7 (19) окт. в Москве, Тургенев поместил в *Совр* проникновенную некрологическую статью «Два слова о Грановском» (1855. № 11. Отд. II. С. 83—86), в которой, вспоминая о времени своего студенчества, писал: «Чуждый педантизма, исполненный пленительного добродушия, он уже тогда внушил то невольное уважение к себе, которое столь многие потом испытали. От него веяло чем-то возвышенно-чистым; ему было дано (редкое и благодатное свойство) не убеждениями, не доводами, а собственной душевной красотой возбуждать прекрасное в душе другого; он был идеалист в лучшем смысле этого слова, — идеалист не в одиночку. Он имел точно право сказать: „Ничто человеческое мне не чуждо“, и потому и его не чуждалось ничто человеческое» (*ПССиП*(2). Соч. Т. 5. С. 326).

²⁶ По всей видимости, речь идет о Т. Н. Грановском.

²⁷ О присланном Иваном Сергеевичем плане его квартиры в Берлине писал и Н. С. Тургенев в письме от 25 окт. ст. ст. 1838: «Видел я твой план квартиры и потому полагаю, что ты живешь скромненько. Оно и хорошо — пригодится для будущего, поверь, Jean — что это правда. Я тебе посоветую, ты — мне, так и будет ладно да складно» (*ОР РНБ*. Ф. 795. № 90. 1 об.).

²⁸ См. п. 1, примеч. 35.

8

4 (16) ноября 1838 года. Спасское-Лутовиново

Mon cher Jean.^a

Пришла пятница, а писать нечего. — От тебя три недели писем нету.¹ — Поздравляю тебя со днем рожденья Коли.² — Получу ли я в день моего ангела от тебя письмо. — А семечки-то, мой друг, ты и забыл, по условию, мне присылать. — Экий ты. — Семена не мерзнут...

Нынче я позволила жениться трем женихам, которые мне принесли гусей. — 1-й Костюшка. — 2-ой Аб-Реторика. — 3-й — старик Андрюшка-портной.³

Авдотья Ив<ановна>⁴ не только сама ко мне не ездит, но! не посылает поздравить ни с твоим, ни с Николиным рождением. — Как ты думаешь, сердита, что я ей визит не заплатила. — Больно досадно.

^a Мой дорогой Иван (*франц.*).

Брат не захотел, чтобы я Губар<ева>⁵ уведомляла о его приезде, et nous avons rompu tout à fait.^b Что же ты, дружок, писал ли в Франкфурт о цепочке Бибиши.⁶ Мне бы очень хотелось знать, отчего она пропадает.

Бабушка здесь со всем семейством.⁷ — Я дала твоему фавориту⁸ вексель в 1500. — И плачу проценты 150. Кажется, с моей стороны я все сделала. — Меня уже винить оне не будут — или считать себя вправе.

Ох! Как дни длинны, скучно мне, признаюсь, без тебя и брата, без театру и музыки, без городской жизни. — Монотония ужасная. Бабушка стара и... очень упала рассудком. — Дунаевская.⁹ — Все дураевская. — Дядя все фабрикант и все с тряпкой возится.¹⁰ — Биби мала. — А я не очень больна, но! и не совсем здорова, а притом ох!.. скучаю... очень, очень, очень. Но! Только бы вы веселились, деньги к вам посланы, до Нового года не требуй, ни копейки более прислать не могу.

А Порфириевы деньги целы будут.¹¹ Прости, цалую и благословляю тебя. Твой друг и нежная мать.

В. Т.

1838-го года.

4-го ноября.

С. Спасское.

Печатается по подлиннику: *ОР РНБ*. Ф. 795. № 91. Л. 19.

Публикуется впервые.

¹ Последнее письмо В. П. получила 14 (26) окт. (ответ на него см. в п. 7).

² В записной книжке В. П. (на с. 3), выставившейся на выставке 1909, была следующая запись: «1816 года 4-го ноября в 5 часов с четвертью пополудни родился сын Николай, ростом 12-ти вершков — в Орле, в доме Петра Михайловича Каменского — в субботу. Крестили 14-го числа ноября — батюшка Николай Алексеевич Тургенев и матушка Катерина Ивановна Сомова» (*Каталог 1909*. С. 83).

³ Подлинные имена дворовых людей В. П. установить не удалось. Схожий эпизод описан Тургеневым в «Муму» (1852): «В тот же вечер они оба (Татьяна и Капитон. — *Ред.*) с гусьями под мышкой отправились к барыне и через неделю женились» (*ПССУП(2)*. Соч. Т. 4. С. 257).

⁴ Речь идет об А. И. Лагровой. См. п. 1, примеч. 24.

⁵ Имеется в виду В. И. Губарев. См. п. 1, примеч. 50 и 51.

⁶ См. п. 2, примеч. 28.

⁷ Речь идет о Е. П. Тургеневой и семье ее старшего сына А. Н. Тургенева. См. п. 2, примеч. 32 и п. 5, примеч. 19.

⁸ Имеется в виду дядя писателя Алексей Николаевич Тургенев, в судьбе которого Иван Сергеевич принимал живое участие. См. об этом в п. 10.

⁹ Имеется в виду С. А. Дунаевская. См. п. 2, примеч. 4.

¹⁰ Речь идет о бумажной фабрике в с. Тургенево. См. п. 1, примеч. 27.

^b и мы окончательно прекратили отношения (*франц.*).

¹¹ По всей видимости, В. П. решила выполнить просьбу П. Т. Кудряшова и позаботиться об оставленных им деньгах, на которую первоначально ответила решительным отказом (см. п. 1 и п. 5).

9

11 (23) ноября 1838 года. Спасское-Лутовиново

Mon cher Jean.^a

Только я потому к тебе пишу, что обещала не пропускать ни одной пятницы, чтобы не писать. — А ты знаешь, мое слово *свято*. — А то, право, нет ни силы, ни духу. — Силы нет! — Все моя болезнь мучит по-части, и теперь лежу, а лежа писать неловко. — Духу нет! оттого что от моего Ивана писем нет! три недели. — Да зачем тебя нелегкий носил на галеру?..¹ Зачем писать на Кирилу — вот тебе и крюк.² А я охай...

У нас все старое по-старому.

Во-первых — бабушка с семьей.³

Во-вторых — Софья Дунаевская.⁴

В-третьих, дядя в Тургеневе или на пороше,⁵ потому что первый снег выпал.

В-четвертых, Елизавета Андр^{<еевна>}⁶ румянится более чем когда.

В-пятых, Биби все мила и все цепочки твоей не получила и оставила надежду ее носить когда-нибудь.⁷

В-шестых — я худею и старею до безобразия, без зубов, и слепа, и глуха.

В-седьмых — приучила голубей на балконе к мешку, и оне по-прежнему дерутся.⁸

В-осьмых — Наполь⁹ бешен и толст, слюняв и похож, как две капли, на отца.

В-девятых —

В-девятых, ничего более нет и писать нечего. — По субботам блины и баня.

Порфириев брат здоров и учится.¹⁰

Хоть в жом,¹¹ ничего не выдумаю более. Твой друг и нежная мать.

В. Тургенева.

1838-го года.

11-го ноября.

Печатается по подлиннику: *ОР РНБ*. Ф. 795. № 91. Л. 20.

Публикуется впервые.

¹ В. П. перефразирует ставшее пословицей выражение «Кой черт понес его на эту галеру?», получившее распространение благодаря комедии Мольера «Плутни Скапена»

^a Мой дорогой Иван (*франц.*).

(1670; акт II, явл. XI). В свою очередь, Мольер заимствовал его из комедии Сирано де Бержерака «Одураченный педант» (1654). Сохранившиеся каталоги Спасской библиотеки свидетельствуют о том, что в ней находилось несколько изданий комедий Мольера на рус. и франц. языках. Так, сохранился 1-й том довольно редкого русского издания «Комедий из театра господина Мольера» в переводе Ивана Кротова (М., 1760) с владельческой надписью двоюродного деда писателя А. И. Лутовинова и др. См.: *Балыкова Л. А. Тургенев — читатель*. С. 66—67; *Каталог Б-ки Т. С.* 136—137.

² Имеется в виду К. С. Тоболев (см. п. 6, примеч. 2). В. П. сетует на то, что Иван Сергеевич посылает письма на московский адрес, вместо того чтобы адресовать их в Мценск. В свою очередь, И. С. отправлял письма через К. С. Тоболева, по всей видимости, по просьбе дяди Н. Н. Тургенева; см., напр., его письмо к племяннику от 14 нояб. ст. ст. 1838: «Письмы свои адресуй в Москву к Кириле Сафронову с передачей ко мне, а быть может, я и сам буду в Москве, отправляю англичанина с продажными лошадьми и сам располагаю по делам быть в Москве, но наверно когда сказать не могу» (*ОР РНБ*. Ф. 795. № 89. Л. 3 об.).

³ Речь идет о Е. П. Тургеневой и семье ее старшего сына А. Н. Тургенева. См. п. 2, примеч. 32 и п. 5, примеч. 19.

⁴ См. п. 2, примеч. 4.

⁵ Т. е. на охоте. Ср. у Даля: «Охотник (ловец) пороши, что праздника, ждет» (Т. 3. С. 321).

⁶ Имеется в виду Е. А. Сорокина. См. п. 1, примеч. 38.

⁷ См. п. 2, примеч. 30.

⁸ Этот эпизод нашел отражение в воспоминаниях Житовой: «В доме и в образе жизни Варвары Петровны соблюдался строгий порядок, все распределялось по часам. Даже голуби, которых она кормила в Спасском и в Москве, и те знали свой час: в 12 часов дня раздавался колокольчик, и они слетались получить свою порцию овса» (*Житова*. С. 39).

⁹ См. п. 1, примеч. 35.

¹⁰ Имеется в виду младший брат П. Т. Кудряшова *Николай Хрисанфов Кудряшов* (ок. 1827—?). См. о нем: *Чернов*. С. 97.

¹¹ См. п. 2, примеч. 35.

10

13 (25) ноября 1838 года. Спасское-Лутовиново

1834-го¹ года. $\frac{13 - \text{го}}{25}$ ноября. — На твое письмо от 8-го октября. —

Ответ.

7

Три недели не получала я от тебя писем, mon cher Jean.^{a2} Слава Б[огу], что не получала оттого, что ты не писал! — Теперь я буду поко[йна]. Нет писем!.. Не писал, да и только!.. А я замучилась думой — Ва[ничка] и с дороги, путешествуя, писал аккуратно. — Теперь же что могло его [удер]жать? болезнь... да ох!.. да ах!.. а мне вздохи убивственны. — Ита[к], я велела написать Лобанову³ к Порфирию,⁴ да и теперь опять повторяю мой господский деспотический приказ. — Ты можешь и не писать. — Ты можешь пропустить просто почту. — Но! — Ты должен сказать Порфир[ию]: я нынешнюю почту не пишу к мамаше. — Тогда Порфирий берет бумагу и перо. — И пишет мне коротко и

^a Мой дорогой Иван (*франц.*).

ясно. — Иван С<ергеевич>, де, здоро[в], — более мне не нужно, я буду покойна до трех почт. — Кажется, довольно снисходительно. — Но!.. Ту почту, когда вы оба пропустите, я непременно *Николашку* высеку.⁵ — Жаль мне этого, а он прехороше[нь]кий и премиленький мальчик, и я им занимаюсь, он здоров и хорош[о] учится. — Что делать, бедный мальчик будет терпеть, брат... а не я буду его сечь. — Смотрите же, не доведите меня до такой несправедлив[ости]. Теперь я, кажется, на этот счет могу быть покойна. — А ты навер[но] будешь получать из Спасского уведомленья раз в неделю. — Не я, [то] Лобанов будет писать. — *Матушка не очень здорова*. Только и ра[зниц]ы.

Поздравляю тебя с таким количеством приобретенных знакомств.⁶ Хотя все почти мне незнакомые имена, кроме Грановского.⁷ — Я даже не знаю, точно ли Рибопьер⁸ посланник... ты не означил. — И сверх того, ты пишешь ответ из Берлина, как будто из Москвы, так что я, получа через три месяца оборот, не помню, что такое я писала, что ты нашел несправедливым.⁹ — Лучше написать, чем марать бумагу на иностранном друг другу языке. — Вот твои слова — «Что же касается до того, в чем ты в начале письма меня упрекаешь...» и пр<о>ч. ...

В начале письма?.. Какого?.. Когда?.. Могу ли я помнить, что я писала в начале письма, посланного — в августе, полученного в сентябре тобою, а мною в ответ в ноябре. — Что тут я могу понять, ежели ты не повторишь, на что ты отвечаешь. — Ежели тебе это скучно — то и не пиши лучше. Я хочу получить твое письмо, которого жду нетерпеливо целую неделю... а дождавшись, не могу понять, что написано. — Пожалуйста, ты этого не делай. Рибопьер говорил тебе, что Тургеневы имеют много ума... Прости ему Бог за то, что он не всех знает. — Ума можно иметь много, но! лучше бы иметь *du bon sens*^b — в чем решительно... и не исключая никого в вашей фамилии, и даже *разумников*, но рассудком бедненьки. — Не обидься, душа... Позволь старухе все писать и говорить, что впадет на мысль, не обинуюсь. — В моем языке нет желчи: сказала и забыла... А право, что пишу, то чувствую, но! вы с братом так молоды... Еще можете быть иначе, как другие.

Очень рада, что деньги подоспели кстати. — То-то и дело, что далеко, не рукой подашь... А пока хлеб продашь... а время течет, а денюжки выходят. И потому — во всяком смысле не худо беречь белую монету на черный день. А то может случиться, что и 12 копеек, и кредиту увидишь ренонс.¹⁰ Ты, верно, получил посланные нами тебе деньги, еще полстолько, сколько получил, по приезде в Берлин — т. е. 1000. — Именинный гостинец.¹¹ — А Биби твоего гостинчика не получала.¹² Мне обидно, что Николаи оба, т. е. дядя и брат, ее поддраживают, что ты ее надул. — Не знаю почему, [я] не так смело уверяю. — Этого быть не может, я знаю Ваню. — Кажется, как будто — увы — я с тобою разнакомилась. — Дальность расстояния и долгота времени переменяют многое...

^b здравого смысла, рассудка (франц.).

Я не знаю, что сделалось с Гесмером¹³ — видно его нет в Берлине, и Озерова видно ты не видал.¹⁴ — А Мансуров, видно еще ты его нигде не встре<ти>л.¹⁵ — Пожалуйста, пиши ко мне обо всех правду, откровенно... Видал ли ты где «Швейцарскую хижину», не помню чьего сочинения. Помнишь ли ты тот романс прелестный, когда старик поет дочери: «Откровенна будь со мною, я твой первый друг».¹⁶

Всякая вина от меня тебе *отпустится*. — Кроме неоткровенности. Но! Этого быть не может, не так ли, дети?..

Что касается до твоего латынского выраженья, ты слишком доверяешь моему знанию ботанической латыни. — И хотя я несколько слов и затвержу, и запомню, и могу сама сказать à propos.^c — И не à propos. — Но! это е[ще] не значит, чтобы я была сильна в латыни. — Да и во всем не очень-то сильна. — Хотя стараюсь поддержать честь вашего имени и при случае не острамить вас, как *Томанисиньер* в Коки,¹⁷ — верно ты помнишь. — Потому читаю много, зная латынскую поговорку или поговорку — *quo plura legimus, eo plura discimus*.^d — Ага?.. Каково? — Не прогневайся, вот тебе латынь за латынь. — Однако чтобы ты не думал, что моя ботаническая латынь ни к чему не служит, — то я тебе опишу. Есть цветы, в которых пестики *in infinitum* — *до бесконечности* et... везде и — *sic* — дядя нашел в твоём латинском лексиконе,¹⁸ итак *et sic in infinitum*^e — *даже до бесконечности*. Каково?..

Посмейся с своими товарищами, пусть оне угадают, кто пишет тебе латынские поговорки... Не угадать вам, скажи!.. Почему ж? Старый учитель, *ученый муж*!.. Да как бы не так, старуха мамаша! Ха... ха... ха!.. И простая старуха, *не bel esprit*.^f — Почти безграмотная. — По любви к сыну латынит. — В прошедшем письме¹⁹ рекомендовала я тебе, душа моя, читать «Contes Fantastiques»^g и наврала *par qui?*..^h *de Jules Janin*.ⁱ ²⁰ Сослепу не разобрала и Бог знает чьи написала. — Ах, Ваня, как хорошо «Soirée poétique»^j, не могу удержаться, чтобы не выписать тебе несколько стихков.²¹ — О! я уверена, что тебе оне будут по сердцу. — А я что читаю. — Берлин, душа моя. — «Guide de Berlin, de Potsdam et des Environs... traduit de l'Allemand».^k ²² — Еще купленный в самом Берлине. — Еще с его заметками ногтем... Читаю, смотрю на картинки, на план. — Вот и Линден Аллея,²³ вот и Шарлотенбург,²⁴ срисовала и посылаю к тебе! — Да возврати мне назад и назначь, в котором доме твой 24 номер, чуть не сказала, *милий*.

^c кстати (франц.).

^d чем больше мы читаем, тем больше мы узнаем (лат.).

^e И так до бесконечности (лат.).

^f остряк какой (франц.).

^g «Фантастические истории» (франц.).

^h чьи (франц.).

ⁱ Жюль Жанена (франц.).

^j «Поэтическая вечеринка» (франц.).

^k «Путеводитель по Берлину, Потсдаму и их окрестностям... переведено с немецкого» (франц.).

Недавно я нашла на столе у дяди письмецо — от одной дам[ы] — Лукина.²⁵ Между нами, любезная твоего Порфирия. — Посылаю вам собак, пишет она, покойного мужа свора, берегите их, оне дороги моему сердцу. — Да пришлите мне бумаги с м[илой] вашей фабрики.²⁶ — Дяде это можно написать, нет ничего ему милей его фабрики.

Ты спрашиваешь меня, где я *решительно* проведу зиму? — Не знаю, Ваничка, право, не знаю. — Ты хвалишь намеренье мое провести зиму в Орле. — Я отказала, хотя и наняла было дом.²⁷ Я рассудила. — В Орле хуже, чем в Москве, я буду первая по[ч]ти. — А у меня, как ты знаешь, ничего нет: ни экипажу, ни лошадей, ни ливреи, я еще ничем не завелась. — И потому я пока ничем не решила. — А сверх того, мое намеренье непоколебимо, прежде, нежели поеду куда, посмотреть, как по[й]дет мой раздел с вами, как поведут дела, сколько достанется вам в удел, сколько мне останется. — Думаю [в] конце зимы съездить на короткое время в Москву, людей посмотреть, себя показать. — В театре побывать, словом, проветриться. — Но! все это не верно. — И потому все пишу<т?> в Спасское, это уже всего вернее будет.

Ты знаешь, что у меня теперь живет бабушка с семейством.²⁸ Это несколько суматошно. — Но! что делать, я бы предпочла это неудовольствию быть почти одной в таком огромном доме, освещенном, как для гостей, и видеть на всех стенах свою тень. — Я бы это снесла, бабушкину суетливость, крик, оранье детей, пуасардный²⁹ тон и голос мамзели. — Все это ничего!.. Mais... mais...¹ даже сказать нельзя. Эти дети!.. О!.. Боже!.. Оне знают все, делают пакости и гадости ужасные. — Словом, ужас меня берет! — Варинька еще дитя, и она почти на коленях то у меня, то у дяди,³⁰ у Елизаветы А<ндреевны>.³¹ Но!.. Мавра.³² — Господи помилуй, мамзелина сестра желта, зелена, извелась совсем. — Господи, не дождусь я моих именин,³³ чтобы их избавиться. — Я отдала им, что оне причитали за мною, т. е. вексель в 1500.³⁴ Меня уже это не разорит, а им, злоязычникам, авось рот свяжет. — Слава Богу, что Алексей Н<иколаевич>³⁵ уехал в свою деревню. — Дунаевская³⁶ все здесь жила. Но! оне не могут меня оставить в покое читать или писать, без меня не играют в карты. — Оне не могут понять, что такое заниматься... Весь век проболтались, проболтали да в карточки проиграли... вот так дожили до старости.

Брат пишет ко мне, что возвратился в Петербург благополучно.³⁷ Был принят начальниками, особенно Ганичевым,³⁸ прекрасно. — Попспел в срок и в восхищенье, держит экзамент, что-то Бог даст! — Брат обещал учиться петь. Бывши в Спасском, он все пел, Лаврова³⁹ играла, брат — *des moments si charmants... que chacun en profite au plus vite...^m* Я обещала плотить за его ученье *pourvu qu'il profite.ⁿ*

¹ Но... но... (франц.).

^m были такие прелестные мгновенья... каждому было на пользу... (франц.).

ⁿ только бы это было ему на пользу (франц.).

Моя весна — т. е. не жизни моей весна. — А житье осеннее будет зависеть от тебя совершенно. — И я затеваю... и я замышляю сахар...⁴⁰ Но! Прежде надо выучиться свеклу сеять и выращивать и продавать сахароварам... И как это пойдет?... Посмотришь. Но!.. Но!.. Как Ваня, что он?... Как он захочет, я совершенно в его воле. Не свяжу ли я тебя, не легче ли тебе летать по Италии, не имея на плечах старуху мать с ребенком и гуверн<анткой>.⁴¹ Все это, говорю, зависит от тебя. Готова я лететь к тебе, когда прикажешь, готова остаться до осени в России, ежели тебе не буду нужна. — Но! осенью, т. е. в августе, никто и ничто меня не остановит, я еду в Берлин к тебе, зиму с тобою. Весною едем во Францию, я советуюсь с акушерами, с хирургами, а ты между тем едешь в Англию. Я беру для Биби гувернантку, и мы возвращаемся... или то, или се... или что Бог даст. Но!.. однако ты, мой друг, не подумай, что я не хочу ехать к тебе. Я готова, и мне бы хотелось до смерти!.. Но! обдумай хорошенько. — Я свяжу тебя, да и дорого нам будет вместе вояжировать. Лучше я тебе прибавлю на вояж... Но!.. как хочешь... как хочешь... Я от тебя завишу.

А что Порфирий? — Ты мне о нем ничего не пишешь. Силен ли он становится в немецком языке, а что медицина, как гомеопатия? — Ради Бога, пиши о нем иногда, все нам интересно знать. Да что же это, душа моя, разве ты не был в Шарлоттенбурге!.. Что же ты мне ничего не описываешь о бюсте покойной королевы мраморном,⁴² разве это недостойно. — Неужели ты не был в Павлином острове⁴³ и пр<о>ч... Окрестности Берлина — это диковина, ты такой турист. Цалую тебя и благословляю от всего моего сердца. Друг и мать

В. Тургенева.

P. S. Наполь⁴⁴ весел, здоров, меня любит. — Но! дядю без памяти, он час от часу хорошеет и милееет нашему сердцу — *à la madame Loukine*.^o

А семена-то... семена-то цветочные забываешь сыпать в свои письма. Садовники называют семена *Верлинские*. — Пожалуйста, не забудь, я посылаю адрес, где их купить. [...] [de] toute sorte de fleurs, de légumes... Mathieu à la nouvelle Grünstrasse N 31. — Crudelius a la [rue du Command]ant N 15. — K[rüger place] du château N 65.^p — Неужели-таки они все померли.

Печатается по подлиннику: *ОР РНБ*. Ф. 795. № 91. Л. 21—22.

Отрывки впервые опубликованы: *Т Сб 1915*. С. 30—31; *PM (1)*. С. 104—105.

¹ Так в подлиннике.

² См. п. 8, примеч. 1.

^o совсем как госпожа Лукина (*франц.*).

^p [...] всех сортов цветов, овощей... Матье на новой Grünstrasse, № 31. — Круделиус на [ул. Command]ant, № 15. — К[рюгер на площади] Шато, № 65 (*франц.*).

³ Имеется в виду Ф. И. Лобанов. См. п. 1, примеч. 7.

⁴ Речь идет о П. Т. Кудряшове. См. п. 1, примеч. 18.

⁵ *Николашка* — младший брат П. Т. Кудряшова. См. п. 9, примеч. 10.

⁶ В Берлине Тургенев общался с русскими студентами — Я. М. Неверовым, Н. В. Станкевичем, Т. Н. Грановским, Н. Г. Фроловым и др., а также, по всей видимости, посетил русского чрезвычайного посланника при Прусском и Мекленбургском дворах А. И. Рибопьера. См. п. 7. О пребывании Тургенева в Берлине в 1838—1842 см. также: *Горбачева В. Н.* Молодые годы Тургенева (По неизданным материалам) // Тургенев и его время. Казань, 1926. Вып. 2. (Отд. оттиск). С. 1—10; *Томан И. Б.* И. С. Тургенев и немецкая культура // Тургеневский сборник. М., 1998. Вып. 1. С. 32—42; *Богданов Б. В.* Учеба И. С. Тургенева в Берлинском университете // Тургеневский сборник. М., 2004. Вып. 2. С. 77—86.

⁷ Имеется в виду Т. Н. Грановский. См. п. 7, примеч. 25.

⁸ См. п. 7, примеч. 9.

⁹ По всей видимости, речь идет о п. 2, в котором В. П. жаловалась на неудовлетворительное, по ее мнению, содержание писем сына.

¹⁰ От франц. *la renonce* — зд. отказ, карточный термин, означающий отсутствие какой-либо масти на руках у игрока.

¹¹ Речь идет о 1000 рублей, которые 25 окт. ст. ст. Н. С. Тургенев по поручению В. П. выслал брату ко дню рождения из Петербурга в Берлин: «...посылаю тебе 1000 <рубль>ев денег не в зачет твоего жалования. — Я думаю, что эта палочка с 3-мя нулями лучше будет всех возможных *exorde*² ов (вступлений. — франц.)! Не правда ли?? 500 <рубль>ев из этих денег посылает тебе мамаша на часы, а 500 <рубль>ев посылает тебе дядя <...> Дай Бог тебе, Jean, здоровья, а то мы как-нибудь пособиемся деньгами и в нужде тебя не оставим. Мамаша на тебя сердилась, потом мирилась, потом опять сердилась — говорила, что много тратишь пекунии, а там заплакала да 500 <рубль>ев на часы и послала» (*ОР РНБ*. Ф. 795. № 90. Л. 1). В недошедшем письме, на которое отвечает В. П., И. С., по всей видимости, благодарил ее за дополнительно (помимо установленного содержания) присланные деньги и признался, что на тот момент у него оставалось 12 коп. В. П. сообщила об этом Н. С. Тургеневу, который в следующем письме к брату от 16 дек. ст. ст. укорял его в неразумной трате денег (см. п. 3, примеч. 16).

¹² См. п. 2, примеч. 30.

¹³ Лицо неустановленное.

¹⁴ По всей видимости, речь идет о старшем секретаре миссии в Берлине и при Дворе великого герцога Мекленбург-Шверинского надворном советнике *Иване Петровиче Озерове*.

¹⁵ Вероятно, имеется в виду состоявший при миссии в Берлине генерал-майор, генерал-адъютант *Александр Павлович Мансуров* (1788—1880), возможно, дальний родственник со стороны матери Тургенева.

¹⁶ См. п. 3, примеч. 5.

¹⁷ Какое произведение имеется в виду, установить не удалось.

¹⁸ Возможно, имеется в виду «Новый лексикон на французском, немецком, латинском и русском языках» С. А. Волчкова в 2 ч. (СПб., [1755]—1764) или «Новый лексикон, или словарь на французском, италийском, немецком, латинском и русском языках, содержащий в себе полное собрание всех употребительных слов с самым точнейшим оных на другие четыре языка переводом...» И. В. Соца в 2 ч. (М., 1784—1787). Оба эти издания сохранились в *Б-ке Тургенева* (см.: *Каталог Б-ки Т. С.* 64—65, 172—173). Указано Л. А. Балыковой.

¹⁹ Очевидно, имеется в виду п. 7, конец которого утрачен.

²⁰ Речь идет о книге франц. писателя, критика и журналиста *Жюльа Габриеля Жанена* (1804—1874) «Contes fantastiques et contes littéraires» (в 4 т.), вышедшей в Париже в 1832 (в *Б-ке Тургенева* не сохранилась).

²¹ В. П. имеет в виду понравившуюся ей новеллу из т. 4 «Contes fantastiques et contes littéraires» — «La Soirée poétique», в которую включены стихотворения о любви. В осно-

ве ее незамысловатого сюжета — посещение группой молодых людей спектакля, автором которого является их товарищ. По окончании пьесы все испытывают разочарование, поскольку произведение, с которым они были уже знакомы, прозвучало в шумном зале совсем иначе, хотя и имело успех у публики. Шум толпы, выкрики и пр. утомили друзей, кроме того, пьеса была написана прозой, в то время как, по выражению одного из героев, «лишь стихи являются подлинным языком страсти, голосом как счастливой, так и несчастной любви». Обсуждение преимуществ пьес, написанных стихами, перешло в импровизацию, в которой по очереди принимают участие четверо из собравшихся, выражая собственные переживания и создавая на глазах у слушателей подлинную драму. Эта коллективная импровизация, созданная «не для толпы, а для избранных», и является настоящим сюжетом новеллы. Очевидно, В. П. выписала для сына несколько фрагментов поэтического текста, находя в нем параллели к собственным переживаниям, надеясь, что поэтические строки более достигнут своей цели, нежели ее постоянные жалобы и упреки. «Je t'aime! encor ce mot, tu ne peux t'en défendre, / Car ce n'est pas d'espoir que je te viens parler; / Mais je souffre: à tes pieds, ah! laisse-moi répandre / Des larmes pour me consoler» («Люблю! Люблю навек, куда тебе укрыться, / Защиты нет, люблю, как и надежды нет, / Страдаю, но позволь у ног твоих пролиться / Слезам моим, раз утешенья нет»). Возможно, для В. П. особую значимость имели следующие стихи: «Oui, ton âme est de feu, mais ton esprit de glace. / L'harmonieux aveu d'un amour inventé / Te touche; et tu te ris d'un amour sans grâce, / Et nu comme la vérité. // Et celui-là sera ton maître et ton idole, / Qui chantera le mieux son amour éclatant; / Et moi, qui donnerais ma vie à ta parole, / Tu me dira: Va-t'en. // Car moi je ne suis rien qu'un malheureuse qui t'aime, / Créé pour faire un nombre arrêté par le sort; / Ignoré dans ma vie, et qui ne sais pas même / Si quelqu'un apprendra ma mort» («Душа твоя пылка, но разум лед и ветер. / Признание в стихах кокетки записной / Так трогает тебя, но смех простушку встретит, / Нагую правду истины святой. // Тот станет идолом и править будет снова, / Кто лучше воспевает превратности любви, / А я, что отдала б и жизнь свою за слово, / Услышу от тебя: Уйди. // Ведь кто я? Я никто, страдальца, кто любит, / Былинкам несть числа, гонимыми судьбой, / Безвестной прожила, не зная, что там будет, / Заметит ли он смерть, ту, что придет за мной».

²² По всей видимости, речь идет о франц. издании путеводителя Рейхарта по Берлину, Потсдаму и их окрестностям (см. п. 1, примеч. 10), купленном С. Н. Тургеневым (и с его пометами) в Берлине в 1822.

²³ *Линден Аллея* (die Lindenalle), ныне Unter den Linden (под липами. — нем.) — главная улица (шириной 54 м и длиной 1206 м) части Берлина, известной как Доротеенштадт, излюбленное место прогулок; берет начало от Бранденбургских ворот у Парижской площади и тянется до площади Оперы, получила название от двойной липовой аллеи, вдоль которой располагались дворцы и роскошные здания. На другом конце Линден Аллеи находились дворец, построенный Фридрихом Вильгельмом III в 1834—1836, Опера, Королевская библиотека и здание университета.

²⁴ *Шарлотенбург* (Schloß Charlottenburg) — дворец, который бранденбургский курфюрст Фридрих III (с 1701 король Пруссии Фридрих I) распорядился построить в качестве летней резиденции для своей супруги Софии Шарлотты (Sophie-Charlotte; 1668—1705). Первоначально дворец носил название Литценбург (нем. Lietzenburg), после смерти С.-Ш. в 1705 был переименован в Шарлотенбург. Дворец неоднократно перестраивался, являясь одним из наиболее изысканных примеров архитектуры барокко в Берлине. Рисунок В. П. не сохранился.

²⁵ *Лукина* — по всей видимости, жена чернского помещика, соседа Тургеневых и записного охотника, о котором упоминает в своих воспоминаниях Л. В. Кривцов: «Из охот, славившихся у нас в мое время, я назову охоты — Ермолова, Черемиснинова, Трубицина, Сухотина, Офросимова, Михнева, Лукина, — а если бы не существовало у нас зывательной поговорки „всяк кулик свое болото хвалит“, — то к этому перечню я примазал бы и свою фамилию» (*Белевич Н. Из воспоминаний «деда» // Охота. 1892. 15 июня. № 20. С. 3*). Вероятно, у этого же Лукина, державшего конный завод, С. Н. Тургенев купил не-

скольких лошадей в 1817, когда он был командирован от полка для закупки ремонта (см.: Сборник биографий кавалергардов. Т. 3. С. 239).

²⁶ Речь идет о бумажной фабрике в с. Тургенево. См. п. 1, примеч. 27.

²⁷ См. п. 1, примеч. 29.

²⁸ Имеются в виду Е. П. Тургенева и дети ее старшего сына А. Н. Тургенева. См. п. 5, примеч. 19.

²⁹ От франц. *poissard* — зд. базарный.

³⁰ Дядя — Н. Н. Тургенев.

³¹ Речь идет о Е. А. Сорокиной. См. п. 1, примеч. 38.

³² М. Т. Сливичкая. См. п. 1, примеч. 40.

³³ Е. П. Тургенева покинула Спасское вместе со всем семейством 13 (25) дек. См. п. 13.

³⁴ См. п. 8 и примеч. 8 к нему.

³⁵ А. Н. Тургенев возвратился в свое имение Большой Суходол Богородицкого у. Тульской губ.

³⁶ С. А. Дунаевская. См. п. 1, примеч. 4.

³⁷ Это письмо Н. С. Тургенева не сохранилось. См. п. 5, примеч. 28.

³⁸ *Ганичев Петр Яковлевич*, полковник, впоследствии генерал-майор, с июня 1832 по янв. 1844 командир л.-гв. конной артиллерии. В письме к брату от 16 дек. Н. С. Тургенев сообщал: «Кстати о службе скажу тебе, что г. Ганичев получил звезду Станислава» (*ОР РНБ*. Ф. 795. № 90. Л. 4 об.). Г. упоминается в письмах С. Н. Тургенева к сыну Николаю Сергеевичу. См.: *РО ИРЛИ*. Ф. 93. Оп. 3. № 1286, а также: *Клеман М. К. Отец Тургенева в письмах к сыновьям // Тургеневский сборник / Под ред. А. Ф. Кони. Пб., 1921. С. 141.*

³⁹ См. п. 4, примеч. 8.

⁴⁰ См. п. 2, примеч. 21, а также п. 13.

⁴¹ Как следует из дальнейших писем В. П., летние каникулы 1839 Тургенев намеревался провести, путешествуя по Италии (см. п. 11, 13 и 14). В свою очередь, В. П. планировала выехать вместе со своей воспитанницей В. Н. Богданович и несколькими сопровождающими за границу к сыну и там либо сопутствовать в его поездке по Италии, либо дожидаться его возвращения в Берлине, однако пожар в Спасском в мае 1839 окончательно помешал осуществлению этих планов. Как видно из письма Н. Н. Тургенева к И. С. от 14 нояб. ст. ст. 1838, еще до пожара финансовое положение Тургеневых было далеко не благополучным, что делало поездку В. П. за границу неразумной в глазах Н. Н.: «Теперь присутствие мамы в Спасском положительно можно сказать, что остановило совершенное разрушение нашего состояния. Твой отъезд за границу, братнина служба и разные от многих прошедших лет домашние упущения требовали во все места денежные большие расходы. Едва успевал добывать, а если б еще мамаша не жила бы в Спасском, тогда бы я не имел никаких возможностей. Теперь, слава Богу, я несколько отдохнул — одно еще меня ужасно беспокоит, что она собирается будущим летом к тебе в Берлин. Не знаю, какая будет польза, а быть может, большие неприятности, кроме денежных издержек, ущерб здоровья <...> на сие письмо я бы желал твоего ответа, но! только не вздумай писать к мамаше, ты можешь ее очень огорчить, написавши, чтоб она к тебе не ездила» (*ОР РНБ*. Ф. 795. № 89. Л. 2 об.—3).

⁴² По всей видимости, имеется в виду мраморное скульптурное надгробие (работы К.-Д. Рауха) рано ушедшей из жизни прусской королевы, супруги Фридриха Вильгельма III (1770—1840) *Луизы* (Августы Вильгельмины Амалии), которое было уставлено в Мавзолее в парке Шарлоттенбурга и считается шедевром немецкой скульптуры.

⁴³ *Павлиний остров* (нем. Pfaueninsel) расположен на р. Гавель (Havel), в предместье Берлина, служил резиденцией Фридриха Вильгельма III, среди достопримечательностей дворец и ландшафтный парк (архитектор П.-Й. Ленне) с обширной коллекцией редких растений и животных, популярное место отдыха.

⁴⁴ См. п. 1, примеч. 35.